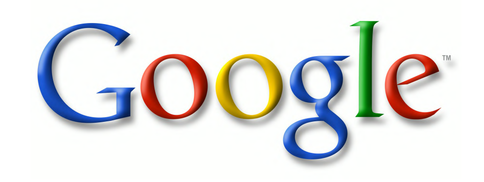

Google

20 Ноября 1864 г.

Выборный Мировой Судъ.

С.-Петербургъ
1898.

A7
Vybornyi mirovoi sud

ВЫБОРНЫЙ

МИРОВОЙ СУДЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.

«Судебныя установленія, образованныя на основаніи утвержденныхъ Нами 20-го ноября 1864 года уставовъ, въ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ судебныхъ палатъ, оправдали Наши ожиданія, доставивъ народу скорый, правильный и пользующійся общимъ довѣріемъ судъ»...

Изъ Высочайшаго указа 30 іюня 1868 г. о введеніи мировыхъ учрежденій въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія.

ВВЕДЕНІЕ.

Выборный мировой судъ, сохранившійся послѣ судебно-административныхъ преобразованій 1889-го года только въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи и въ области войска Донского, является въ настоящее время какъ бы соединительною нитью между славнымъ прошедшимъ и желаннымъ будущимъ. Пока существуютъ хоть гдѣ-нибудь мировые судьи, избираемые на основаніи судебныхъ уставовъ 1864-го года, до тѣхъ поръ не можетъ угаснуть надежда на возстановленіе института, оставившаго блестящій, неизгладимый слѣдъ въ исторіи русскаго суда. Если въ многолюдныхъ городахъ, гдѣ сравнительно невелико общеніе между избирателями и избираемыми, выборный мировой судъ съ честью занимаетъ мѣсто рядомъ съ судомъ коронным, свято оберегая великіе завѣты судебной реформы, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ его живучести, лучшимъ оправданіемъ началъ, положенныхъ въ его основу.

Когда ставится вопросъ о мировомъ судѣ вообще, то есть о нормальномъ *настоящемъ* судѣ, наиболѣе простомъ и наиболѣе близкомъ къ населенію, все равно, построенъ ли онъ на назначеніи или на выборѣ, тогда неизбѣжно выдвигается на первый планъ сравненіе между мировыми судьями и ихъ преемниками—сравненіе, неизбѣжно останавливающееся не столько на чертахъ сходства, малочисленныхъ и второстепенныхъ, сколько на различіяхъ, существенныхъ и важныхъ. Судья, имѣющій опредѣленное мѣсто въ судебномъ организмѣ, видящій надъ собою только судей, занимающійся только судебными дѣлами и разсматривающій ихъ только съ судебной точки зрѣнія, стоящій внѣ всякихъ сословныхъ интересовъ, ни отъ кого не получающій обязательныхъ къ исполненію

указаній—противопоставляется административному чиновнику, облеченному, *между прочимъ*, судейской властью, назначаемому по соглашенію съ предводителями дворянства, зависимому отъ коллегій, въ которыхъ судебный элементъ представленъ весьма слабо, и отъ лицъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго. Въ такой параллели нѣтъ надобности, когда рѣчь идетъ о *выборныхъ* мировыхъ судьяхъ, въ противоположность *назначеннымъ*. Предметомъ сравненія являются здѣсь учрежденія, во многомъ сходныя между тобою. И выборные мировые судьи, и назначенные (отъ которыхъ ничѣмъ, кромѣ имени не отличаются и вновь проектируемые *участковые* судьи)—*судьи* въ истинномъ и полномъ значеніи слова. Споръ можетъ быть только о томъ, какой единоличный судъ—выборный или назначенный—лучше достигаетъ цѣли и больше соотвѣтствуетъ требованіямъ правосудія.

Въ пользу назначенія единоличныхъ судей приводились и приводятся обыкновенно три главныхъ довода: неудовлетворительный составъ избирательныхъ собраній, отражающійся и на результатѣ выборовъ, срочность полномочій выборныхъ судей и обусловливаемая ею зависимость ихъ отъ избирателей и слабая юридическая подготовка большинства выборныхъ судей. Безспорно, составъ земскихъ собраній, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ опредѣленъ новымъ земскимъ положеніемъ (1890 г.), оставляетъ желать весьма многаго; еще въ большей мѣрѣ это можно сказать о составѣ городскихъ думъ, образованныхъ на основаніи городового положенія 1892 года. Никакихъ серьезныхъ нареканій, однако, дѣятельность мировыхъ судей, гдѣ они до сихъ поръ избираются городскими думами, не вызываетъ; города, обладающіе выборнымъ мировымъ судомъ, видятъ въ немъ драгоцѣнное преимущество, подлежащее тщательной охранѣ. Хорошія стороны учрежденія перевѣшиваютъ, очевидно, неблагопріятную обстановку, въ которую оно поставлено. При другихъ, лучшихъ условіяхъ, выборный мировой судъ могъ бы, конечно, подняться еще выше, но и теперь онъ является носителемъ правосудія, вполнѣ достойнымъ этого имени. Едва ли, затѣмъ, можно сомнѣваться въ томъ, что выборному мировому суду въ городахъ не уступалъ бы и выборный мировой судъ въ уѣздахъ, гдѣ избирательный строй даже теперь выше городского, даже теперь представляетъ больше шансовъ правильности избранія. Во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ: или недостатки избирательныхъ системъ, земской и городской, такъ велики, что исключаютъ возможность успѣшной дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій—въ такомъ случаѣ необходима коренная ихъ пере-

стройка, совершенно независимо отъ объема принадлежащихъ имъ полномочій, или успѣшная, *до извѣстной степени*, дѣятельность земскихъ собраній и городскихъ думъ возможна *не смотря* на вышеупомянутые недостатки—и въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія утверждать, что имъ не должно быть предоставляемо, въ настоящее время, право избранія мировыхъ судей. Можно стоять за необходимость общаго пересмотра положеній земскаго и городского — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣръ, расширяющихъ сферу дѣйствій городского и земскаго самоуправленія. Само собою разумѣется, что успѣхъ каждой изъ этихъ мѣръ—къ числу которыхъ относится и возстановленіе выборнаго начала въ мировомъ судѣ,—былъ бы обезпеченъ гораздо больше, если бы одновременно съ нею измѣнился къ лучшему составъ городскихъ думъ и земскихъ собраній, но неудовлетворительность этого состава отнюдь не можетъ служить аргументомъ противъ выборнаго мирового суда.

Срочность полномочій выборнаго мирового судьи не должна быть смѣшиваема съ ихъ *краткосрочностью*. По справедливому замѣчанію с.-петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда, срокъ, на который избираются мировые судьи, могъ бы быть увеличенъ съ пользою для дѣла съ трехъ до пяти лѣтъ; даже нѣсколько большій періодъ времени (напр., шести- или семилѣтній) не представлялъ бы ничего не совмѣстнаго съ хорошими сторонами выборнаго начала. Практика показываетъ, впрочемъ, что даже кроткосрочность избранія не влечетъ за собою особой неустойчивости въ положеніи мировыхъ судей. Переизбраніе на новые сроки составляетъ теперь и составляло прежде скорѣе общее правило, чѣмъ исключеніе. Избиратели понимаютъ, что частая смѣна судей не соотвѣтствовала бы назначенію мирового суда и умѣютъ дорожить судьями, добросовѣстно относящимися къ своимъ обязанностямъ. Весьма возможно, что въ среднемъ выводѣ выборные мировые судьи оставались и остаются на своихъ мѣстахъ дольше, чѣмъ назначенные. Назначенный единоличный судья смотритъ на свою должность, въ большинствѣ случаевъ, какъ на переходную ступень къ болѣе высокому служебному положенію. Ничто не связываетъ его съ данною мѣстностью; онъ всегда готовъ промѣнять ее на другую, болѣе удобную. Выборный судья, наоборотъ, принадлежитъ обыкновенно къ числу мѣстныхъ жителей и не стремится ни въ даль, ни въ высь, удовлетворяясь возможностью соединить общественную службу съ занятіями собственнымъ хозяйствомъ. Зависимымъ отъ избирателей онъ чувствуетъ себя рѣдко, какъ потому, что ему извѣстно нерасположеніе ихъ къ безпричин-

нымъ перемѣнамъ, такъ и потому, что ихъ группировка не представляетъ ничего прочнаго, постояннаго: трудно предвидѣть заранѣе, кому будетъ принадлежать въ минуту выборовъ рѣшающій голосъ. Согласно извѣстной англійской поговоркѣ (honesty is the best policy), прямодушный образъ дѣйствій, не взирая на лица, оказывается для выборнаго судьи, сплошь и рядомъ, не только самымъ достойнымъ, но и самымъ цѣлесообразнымъ. *Возможность* подчиненія постороннимъ вліяніямъ существуетъ, безъ сомнѣнія, и для выборныхъ судей, но едвали въ большей степени, чѣмъ для судей назначенныхъ. Разница здѣсь не столько въ *силѣ* вліяній, сколько въ ихъ *источникѣ*—да и она, иной разъ, совершенно исчезаетъ: предводитель дворянства, напримѣръ, можетъ обладать одинаковымъ вѣсомъ и въ средѣ избирателей, отъ которыхъ зависитъ возобновленіе полномочій выборнаго судьи, и въ высшихъ административныхъ сферахъ, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшая служебная карьера судьи назначеннаго.

Если выборнымъ мировымъ судьямъ часто не доставало юридической подготовки, то вѣдь ею далеко не всегда обладали и обладаютъ и назначенные единоличные судьи, а въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ безъ нея можно было занимать должности, иногда довольно высокія, и въ коллегіальномъ коронномъ судѣ. Въ настоящее время число лицъ получившихъ юридическое образованіе, на столько велико, что во многихъ мѣстахъ не встрѣтилось бы затрудненій въ пополненіи изъ ихъ среды личнаго состава выборной мировой юстиціи. Большимъ препятствіемъ къ избранію юристовъ въ мировые судьи служило и служитъ требованіе отъ нихъ довольно высокаго имущественнаго ценза, отъ котораго освобождалъ лишь *единогласный* выборъ, осуществимый только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Существенную перемѣну въ этомъ отношеніи могло бы произвести какъ пониженіе имущественнаго ценза, такъ и признаніе его ненужнымъ при выборѣ значительнымъ большинствомъ напр. $^2/_3$ или $^3/_4$ голосовъ. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что для единоличного судьи важно нестолько юридическое, сколько *общее* (*высшее*) образованіе, объявить которое *непремѣннымъ* условіемъ выбора въ мировые судьи было бы вполнѣ возможно и въ настоящее время. Служа гарантіей общаго развитія, умственнаго и нравственнаго, университетское образованіе облегчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтеніе спеціальныхъ техническихъ свѣдѣній; образованному человѣку нетрудно стать юристомъ настолько, насколько это нужно для мирового судьи.

Расширится ли въ ближайшемъ будущемъ сфера дѣйствій выборнаго мирового суда или останется такою, какою существуетъ съ 1864 года—во всякомъ случаѣ на долю этого суда выпадаетъ почетная задача: показать, что составители судебныхъ уставовъ не ошиблись, усмотрѣвъ въ самоуправленіи, тогда только что данномъ Россіи, надежную и прочную основу для цѣлой отрасли преобразованнаго суда. Наше общество склонно забывать заслуги учрежденій, находящихся въ загонѣ, вышедшихъ изъ моды. Настоящая книга имѣетъ цѣлью напомнить, что сдѣлалъ выборный мировой судъ для развитія въ народѣ уваженія къ закону и довѣрія къ суду, напомнить, что такое мировой судъ и какое значеніе для его дѣятельности имѣетъ система выбора мировыхъ судей самимъ населеніемъ, — напомнить, что эта выборность мировыхъ судей составляетъ одно изъ главныхъ, коренныхъ началъ судебныхъ, уставовъ 20 ноября 1864 года.

МИРОВОЙ СУДЪ
по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Мировые судьи, введенные въ Россіи по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года только по названію могутъ быть смѣшиваемы съ мировыми судьями, существующими въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ. Въ *Англіи* мировые судьи созданы были при Эдуардѣ III (1360), какъ единоличная власть, призванная охранять общественный миръ, но, постепенно расширяясь, ихъ компетенція уже въ XV в. охватила всѣ мѣстныя судебно-полицейскія функціи и мѣстное хозяйственное управленіе. Мировые судьи были съ самаго начала представителями и ставленниками короля; первоначально въ мировую коммиссію (commission of the peace) каждаго графства входили, по назначенію отъ короны, крупные мѣстные землевладѣльцы и профессіональные юристы, но въ теченіе вѣковъ помѣстное дворянство (gentry) вытѣснило изъ коммиссій чиновниковъ, частью пріобрѣтая само нужныя юридическія познанія, частью отказываясь отъ всякаго вознагражденія за свою службу; такимъ образомъ, оно постепенно превратило безмездное общественное служеніе въ мировой коммиссіи въ почетную прерогативу своего сословія; безмездность службы и въ особенности личное несеніе ея, безъ права замѣщать себя, не дали мировымъ судьямъ выродиться въ феодальное учрежденіе. Для помѣстнаго дворянства дѣятельность въ должности мироваго судьи составляла жизненное призваніе, къ которому молодежь готовилась со школьной скамьи. Нынѣшній размѣръ ценза, необходимаго для внесенія въ мировую коммиссію графства (доходъ отъ недвижимости въ 100 фунтовъ или право на недвижимость въ будущемъ съ доходами въ 300 фунтовъ), установленъ при Георгѣ II (XVIII в.). Въ мировой коммиссіи графства значатся сотни именъ, но должность мироваго судьи занимаютъ только лица, получившія спеціальное назначеніе. Высшая квалификація (quorum,— обладаніе юридическими познаніями), необходимая для права уча

стія въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, фактически присуща всѣмъ мировымъ судьямъ. Званіе мироваго судьи пожизненное и фактически безсмѣнное, хотя въ теоріи король можетъ составить новую коммиссію съ новыми именами. Мировые судьи функціонируютъ, во 1-хъ, единолично; однако, во многихъ случаяхъ, которые трудно опредѣлить принципіально, но преимущественно, когда судья затрудняется рѣшить дѣло, они дѣйствуютъ въ составѣ двухъ (малый съѣздъ, petty session); во 2-хъ, въ составѣ спеціальныхъ съѣздовъ (special sessions) всѣхъ не менѣе (двухъ) мировыхъ судей подраздѣленія графства (прежней сотни); разница этихъ съѣздовъ отъ „малыхъ" та, что они формально созываются, тогда какъ малый съѣздъ можетъ составиться экспромптомъ; наконецъ, въ 3-хъ, въ составѣ четвертныхъ (по четвертямъ года) съѣздовъ (quarter sessions), которые могутъ быть и чрезвычайными (general qu. sess.) и гдѣ должны съѣхаться мировые судьи всего графства (не менѣе двухъ). Значеніе мировыхъ судей радикально измѣнилось вслѣдствіе закона 1888 г., который реформировалъ мѣстное управленіе въ демократическомъ духѣ. У мировыхъ судей остались ихъ судебныя функціи, но всѣ административно-хозяйственныя полномочія перешли въ руки новыхъ выборныхъ графскихъ совѣтовъ (county councils) и подчиненныхъ имъ участковыхъ совѣтовъ (district councils), а завѣдываніе полицейскою силою графства перешло отъ четвертныхъ съѣздовъ къ соединенному комитету (joint committee) изъ представителей стараго съѣзда и новаго совѣта. До этой реформы въ рукахъ четвертныхъ съѣздовъ сосредоточивались всѣ дѣла графства, которыя у насъ, напр., относятся къ вѣдѣнію какъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ собраній или городской думы, такъ и мѣстныхъ полицейскаго управленія и различныхъ другихъ административныхъ и фискальныхъ учрежденій; такъ, четвертные съѣзды составляли бюджетъ графства, вводили налоги и дѣлали займы, управляли имуществами графства, завѣдывали мостами, дорогами и общественными зданіями, тюрьмами и домами умалишенныхъ, ссудными и сберегательными кассами, вѣдали санитарную часть, выдавали патенты на разные роды торговли,—словомъ, на нихъ лежала необъятная масса такъ называемыхъ дѣлъ графства (county business). Секретарь четвертнаго съѣзда, такъ называемый мировой секретарь (clerk of thepeace), былъ приблизительно тѣмъ, что у насъ непремѣнные члены мироваго съѣзда и губернскаго присутствія, прокуроръ, члены земской управы, тюремная инспекція, акцизный надзоръ и т. д. Единоличный мировой судья и спеціальные съѣзды вѣдали также всѣ дѣла, но только съ менѣе обширными полно-

мочіями. Въ современномъ своемъ видѣ, послѣ реформы 1888 г., единоличный мировой судья является судебно-полицейскою властью; онъ охраняетъ миръ, т. е. принимаетъ мѣры предупрежденія и пресѣченія (арестъ или поручительство) противъ всѣхъ нарушителей общественнаго спокойствія и порядка. Въ составѣ двухъ судей, но иногда и единолично, мировой судья производитъ предварительныя слѣдствія по дѣламъ, которыя идутъ на судъ ассизовъ или четвертныхъ съѣздовъ. Наконецъ, единоличный мировой судья творитъ судъ по уголовнымъ проступкамъ, за которые на практикѣ штрафъ налагается не свыше 5 фун. и тюрьма до 3 мѣсяцевъ (въ теоріи право наказанія выше). Гражданская юрисдикція мировыхъ судей незначительна и распространяется главнымъ образомъ на дѣла, не допускающія отлагательства, — возстановленіе владенія, иски о заработной платѣ, о квартирныхъ и арендныхъ деньгахъ и т. п. и на суммы не свыше 5 или 10 фунтовъ. Четвертные съѣзды послѣ реформы 1888 г. являются, во 1-хъ, уголовнымъ судомъ первой инстанціи съ присяжными засѣдателями, компетенція котораго распространяется на преступленія менѣе тяжкія, чѣмъ компетенція ассизовъ; во 2-хъ, они апелляціонная инстанція для дѣлъ, рѣшенныхъ какъ единоличнымъ судьею, такъ и спеціальнымъ съѣздомъ. Функція апелляціоннаго суда сравнительно новая (но все же со временъ реставраціи Стюартовъ); прежде апелляціонною инстанціею были суды королевской скамьи и канцлерскій.

Все изложенное относится къ мировымъ судьямъвъ *графствахъ*. Въ *большихъ городахъ* судебно-полицейская власть организована иначе. Отъ судей здѣсь не требуется земельнаго ценза; достаточно принадлежать вообще къ числу плательщиковъ городскихъ налоговъ. Въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Бирмингамѣ и др. судьи получаютъ жалованье изъ городскихъ средствъ; но, за исключеніемъ Лондона, на всю Англію не приходится и 20 мѣстныхъ судей на жалованьи,—такъ много лицъ, готовыхъ отправлять правосудіе безвозмездно. Въ городахъ, гдѣ болѣе 50,000 жителей, имѣются также четвертное съѣзды, но они только по названію похожи на съѣзды въ графствахъ: это періодическій судъ спеціальнаго должностнаго лица, recorder, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; городскіе судьи въ этихъ съѣздахъ не участвуютъ.

Хотя из аимствованные изъ Англіи, мировые судьи въ *Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ* искони являются исключительно органами судебной или судебно-полицейской власти. Въ 1890 году они въ 34 штатахъ и территоріяхъ избирались на общихъ политическихъ выборахъ въ разныхъ мѣстахъ на разные сроки — отъ

2 до 5 лѣтъ; въ 6 штатахъ они назначались губернаторомъ и также на сроки 2—7 лѣтъ. Для занятія должности не требуется никакого ценза; нужно быть только гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и мѣстнымъ жителемъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ городской мэръ является мировымъ судьею ex officio съ уголовною юрисдикціею. Почти во всѣхъ штатахъ мировой судья, предъ вступленіемъ въ должность, обязанъ представить залогъ или поручительство въ обезпеченіе чужихъ суммъ, которыя могутъ поступить въ его распоряженіе по должности, и убытковъ, которые могутъ быть причинены его грубою небрежностью; ошибочное рѣшеніе не влечетъ за собою отвѣтственности. Юрисдикція мировыхъ судей троякая. Въ качествѣ *уголовнаго* судьи мировой судья, во 1-хъ, распоряжается мѣрами предупрежденія и пресѣченія: даетъ приказъ объ арестѣ, требуетъ поручительства въ сохраненіи мира, распоряжается обысками; и во 2-хъ, судитъ виновныхъ въ мелкихъ правонарушеніяхъ, причемъ всякій обвиняемый имѣетъ право требовать, чтобы его дѣло было разсмотрѣно при участіи присяжныхъ засѣдателей. Компетенція мировыхъ судей разнообразна: въ однихъ штатахъ максимумъ штрафа, къ которому мировой судья можетъ приговорить, 500 долларовъ, въ другихъ 100, въ третьихъ только 10; въ однихъ штатахъ онъ можетъ посадить въ тюрьму на годъ, въ другихъ только на мѣсяцъ. Въ качествѣ *гражданскаго* судьи мировой судья не компетентенъ въ спорахъ о правахъ на недвижимости; компетенція въ дѣлахъ по личнымъ искамъ и о движимости не превышаетъ 13,33 долл. въ одномъ штатѣ и доходитъ до 1,000 долл. въ другомъ. Наконецъ, въ силу своей такъ называемой «*юрисдикціи ex officio*», мировой судья въ различныхъ штатахъ вынимаетъ изъ урны записки съ именами присяжныхъ засѣдателей, вѣнчаетъ браки, исполняетъ обязанности нотаріуса, приводитъ должностныхъ лицъ къ присягѣ и т. д. Въ немногихъ изъ южныхъ штатовъ существуютъ съѣзды мировыхъ судей на подобіе англійскихъ quarter sessions для коллегіальнаго рѣшенія нѣкоторыхъ уголовныхъ и полицейскихъ дѣлъ; они называются графскими судами (county courts). Апелляціонные суды (circuit courts, district courts) состоятъ не изъ мировыхъ судей. Какъ и всякій другой американскій судья, мировой судья, прежде чѣмъ примѣнить законъ, вправѣ провѣрить его согласіе съ конституціей.

Во *Франціи* мировые судьи созданы въ 1790 г. учредительнымъ собраніемъ, которое желало замѣнить ими существовавшіе до революціи сельскіе суды; при этомъ за образецъ были взяты не англійскіе, а голландскіе суды. Первоначально мировые судьи функ-

ціонировали вмѣстѣ съ двумя засѣдателями, но уже въ IX году (1801) мировой судья сдѣлался судьею единоличнымъ, при всѣхъ дѣйствіяхъ котораго, однако, обязательно присутствуетъ секретарь. Съ 1802 г. (конституція X года) мировые судьи не выбираются болѣе мѣстнымъ населеніемъ, а назначаются,—прежде государями, теперь президентомъ республики, на основаніи списка трехъ кандидатовъ, представленнаго первымъ предсѣдателемъ и прокуроромъ апелляціоннаго суда. Для занятія должности мироваго судья не требуется никакого образовательнаго или имущественнаго ценза; нужно имѣть только 30 лѣтъ отъ роду. Отсутствіемъ всякаго ценза объясняется, что мировые судьи одни въ ряду судей не пользуются правомъ несмѣняемости. Мировые судьи состоятъ въ каждомъ кантонѣ, въ городахъ, въ каждомъ муниципальномъ округѣ. Они подчинены надзору со стороны окружныхъ судовъ и дисциплинарной власти предсѣдателей окружнаго и апелляціоннаго судовъ. Должность мироваго судьи платная (отъ 1.800 франковъ въ маленькихъ кантонахъ, до 5.000 фр. въ большихъ городахъ и 8.000 фр. въ Парижѣ); она несовмѣстима съ должностями муниципальными, полицейскими и др. Функціи мировыхъ судей разнообразны: 1) Въ качествѣ *гражданскаго* судьи мировой судья рѣшаетъ дѣла по личнымъ искамъ и о движимости до 100 фр. окончательно и до 200 фр. въ качествѣ первой инстанціи; споры путешественниковъ съ содержателями гостинницъ и перевозчиками—до 1.500 фр.; взысканія за потравы, квартирныхъ и арендныхъ денегъ, споры между хозяевами и служащими подсудны мировымъ судьямъ безъ ограниченія цѣною иска. Кромѣ того, имъ подсудны дѣла о нарушеніи границъ, владѣнія и сервитутовъ. Апелляціонною инстанціею для рѣшеній мировыхъ судей являются окружные суды. Кассація возможна только въ случаѣ превышенія власти. Гражданская компетенція мировыхъ судей въ существѣ регулируется закономъ 1838 г. Начиная съ 1860 г., въ парламентъ вносится рядъ проектовъ о расширеніи компетенціи мировыхъ судей на счетъ окружныхъ судовъ; послѣдній проектъ о расширеніи ея—до 1.500 фр. по всѣмъ дѣламъ внесенъ въ палату въ мартѣ 1894 г. 2) Мировые судьи являются инстанціею, предъ которою должна быть совершена формальность склоненія къ миру сторонъ почти по каждому дѣлу (исключая дѣлъ фискальныхъ, торговыхъ, съ участіемъ нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, съ участіемъ малолѣтнихъ и др.) до разсмотрѣнія его въ окружномъ судѣ. 3) Въ качествѣ *уголовнаго* судьи мировой судья вѣдаетъ дѣла о правонарушеніяхъ, за которыя наказаніе можетъ быть максимумъ 15 франковъ штрафа и 5 дней ареста; окончательно онъ

приговариваетъ только къ штрафу въ 5 фр. Апелляціонною инстанціею являются суды исправительной полиціи (trib. correctionnel). 4) Сельскіе мировые судьи исполняютъ также обязанности судебныхъ слѣдователей по уголовнымъ дѣламъ; они принимаютъ сообщенія о преступленіяхъ, производятъ обыски, осмотры и т. д. 5). Мировые судьи несутъ также нѣкоторыя внѣсудебныя обязанности: они предсѣдательствуютъ въ семейныхъ совѣтахъ, приводятъ къ присягѣ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, удостовѣряютъ отсутствіе препятствій къ браку и т. п.

Въ *Россіи* учрежденіе мировыхъ судей составляло часть судебной реформы 1864 г. Отдѣленіе судебной власти отъ административной создавало потребность въ особомъ судебномъ органѣ для разбора мелкихъ уголовныхъ проступковъ и для рѣшенія несложныхъ и неважныхъ по цѣнѣ спорнаго предмета гражданскихъ дѣлъ. Законодатель ясно сознавалъ, что „маловажность“ дѣлъ нисколько не оправдываетъ пренебрежительнаго отношенія къ нимъ въ экономіи судоустройства. Дѣло не важное, если его сопоставить съ другими судебными дѣлами, можетъ быть чрезвычайно важно для тѣхъ, кого оно непосредственно касается; а такъ какъ маловажныя дѣла захватываютъ всю область повседневной жизни, то они приводятъ въ близкое соприкосновеніе съ судомъ самые обширные круги населенія; поэтому дурная организація суда для мелкихъ дѣлъ даетъ чаще и шире знать о себѣ, чѣмъ недостатки общихъ судовъ. Въ частности въ Россіи необходимо было создать для уголовныхъ дѣлъ такой органъ, который положилъ бы конецъ переполненію тюремъ узниками, ожидавшими окончанія своего дѣла,—переполненію, неизбѣжному при волокитѣ въ старыхъ коллегіальныхъ инстанціяхъ. Эта потребность, въ связи съ соображеніемъ, что во множествѣ гражданскихъ дѣлъ споръ является только слѣдствіемъ недоразумѣнія, которое легко устранить при участіи посредника,—привела къ мысли создать *единоличнаго* судью. Свойство большинства маловажныхъ дѣлъ таково, что ихъ слѣдуетъ рѣшать скоро и, кромѣ того, съ пониманіемъ мѣстныхъ условій; отсюда необходимость, чтобы судья былъ *мѣстнымъ* въ смыслѣ близости къ населенію. Единоличный мѣстный судья получилъ названіе „мироваго“, какъ охранитель мира отъ уголовныхъ нарушителей и водворитель мира среди тяжущихся. Для достиженія этихъ высокихъ цѣлей нужно было обезпечить судьѣ на первомъ планѣ уваженіе и довѣріе со стороны населенія. Отсюда сама собою вытекла необходимость сохранить для замѣщенія должности мироваго судьи *выборное начало*, которое до тѣхъ поръ примѣнялось

къ назначенію членовъ почти всѣхъ судебныхъ учрежденій въ Россіи; найти сразу огромный контингентъ людей, съ увѣренностью въ ихъ способности и добросовѣстности, было задачею для правительства неосуществимою, и оно предпочло возложить заботу о пріисканіи людей на самихъ мѣстныхъ жителей; законодатель находилъ, что мѣстные жители, съ одной стороны, реально заинтересованы въ томъ, чтобы судья, который будетъ рѣшать ихъ маловажныя дѣла, былъ хорошъ, и что, съ другой стороны, они ближе знаютъ достойнѣйшихъ людей. Но, въ отличіе отъ дореформенныхъ судей, этотъ выборный судья долженъ былъ явиться избранникомъ не отъ сословій, а отъ всесословнаго земства; на земство легла также финансовая сторона учрежденія; органомъ для избранія мировыхъ судей явились уѣздныя земскія собранія (въ столицахъ—городскія думы). Гарантіей высокихъ качествъ мирового судьи поставлены были два условія: образованіе и матеріальная независимость. Образовательный цензъ былъ, впрочемъ, ограниченъ требованіемъ средняго образованія; спеціальное юридическое образованіе казалось совершенно излишнимъ тамъ, гдѣ отъ судьи требуются преимущественно здравый смыслъ, жизненный опытъ и честность; не имѣла успѣха въ коммиссіяхъ, подготовлявшихъ реформу, и мысль сдѣлать изъятіе для столицъ и здѣсь требовать отъ кандидатовъ юридическое образованіе. Имущественный цензъ долженъ былъ выражаться въ обладаніи недвижимостью; установленный въ законѣ размѣръ его (стоимость въ 15.000 руб. для сельской, въ 6.000 рублей для столичной и въ 3.000 руб. для городской недвижимости) опредѣлился послѣ борьбы мнѣній; первоначально хотѣли требовать только чистаго дохода въ 500 р., а большинство юристовъ государственной канцеляріи стояли за пониженіе ценза до 100 руб. дохода. Земскому собранію предоставлено было право избирать единогласно лицъ, не имѣющихъ ценза. Выборное начало устраняло, однако, возможность обезпечить, какъ слѣдуетъ, независимость судьи *отъ вліянія избирателей;* первоначально (соед. деп. госуд. сов.) хотѣли примирить выборное начало съ несмѣняемостью такъ, чтобы однажды избранный судья оставался на мѣстѣ пожизненно, затѣмъ проектировали (госуд. канцелярія), чтобы мировые судьи утверждались верховною властью и чтобы потомъ каждые три года сенатъ вычеркивалъ неудовлетворительныхъ судей и тѣмъ открывалъ вакансіи для новыхъ выборныхъ; въ концѣ концовъ, рѣшено было, что тѣмъ же мѣстнымъ жителямъ, которые выбираютъ судей, нужно предоставить и право смѣнять не оправдавшихъ довѣрія, и постановлено было, что ми-

ровые судьи избираются на 3 года и утверждаются въ должности первымъ департаментомъ сената. Независимость мировыхъ судей отъ *вліянія администраціи* была обезпечена закономъ, по которому они, какъ и члены общихъ судовъ, не могутъ быть увольняемы иначе, какъ по суду за преступленіе. Уѣздъ (столица) составилъ мировой округъ (мѣстами—нѣсколько округовъ), округъ раздѣлился на участки. Рядомъ съ *участковымъ* мировымъ судьею, но не въ помощь ему, а для содѣйствія вообще цѣлямъ мировой юстиціи, созданъ былъ *почетный* мировой судья—чтобы замѣнять участковаго судью въ случаѣ его отсутствія, присутствовать въ качествѣ члена въ засѣданіяхъ мирового съѣзда и судить всякое частное дѣло по просьбѣ обѣихъ сторонъ. Эту безмездную должность предположено было замѣщать мѣстными землевладѣльцами, занятыми службою въ другомъ мѣстѣ; къ исполненію судейскихъ обязанностей почетный мировой судья долженъ былъ призываться только, когда проживалъ въ своемъ имѣніи. Мысль предоставить званіе почетнаго мирового судьи нѣкоторымъ сановникамъ въ силу ихъ должности не была принята; несовмѣстимыми съ этимъ званіемъ признаны были должности прокурорскія, полицейскія и по казенному управленію. Участковый мировой судья долженъ былъ имѣть опредѣленное мѣстопребываніе, но, независимо отъ этого, законъ обязалъ его принимать просьбы вездѣ и во всякое время. Мировые судьи составили учрежденіе, обособленное отъ общихъ судовъ. Этой обособленности сначала боялись; опасались даже, что мировые судьи, предоставленные самимъ себѣ, будутъ безконтрольны и станутъ смотрѣть на себя, какъ на привилегированное сословіе, стоящее внѣ закона; опасались, что если апелляціонною инстанціею явится коллегія изъ тѣхъ же мировыхъ судей, на судьбу дѣла будетъ влiять тотъ судья, который рѣшилъ его въ первой инстанціи. Вслѣдствіе этихъ причинъ первоначально хотѣли (соед. деп. госуд. сов.) сдѣлать апелляціонною инстанціею окружные суды, разсчитывая на полезное вліяніе профессіональныхъ юристовъ; но, въ концѣ концовъ, по закону мировые судьи одного округа должны были составлять, какъ апелляціонную инстанцію, *мировой съѣздъ*, періодическое собраніе мировыхъ судей съ постояннымъ предсѣдателемъ, избраннымъ судьями изъ своей среды, и непремѣннымъ членомъ для управленія канцеляріей; профессіональный юристъ введенъ былъ въ составъ мирового съѣзда въ лицѣ товарища прокурора, обязаннаго давать заключенія (юридическія поученія, не обвиненія) при разборѣ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ. Связь съ общими судами создана была только въ лицѣ кассаціонныхъ департаментовъ се-

ната; мысль создать кассаціонную инстанцію въ лицѣ судебныхъ палатъ была отвергнута. Компетенція мирового судьи, *какъ судьи уголовнаго*, была опредѣлена въ особомъ „уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями". Между прочимъ, право налагать штрафъ до 300 руб. было предоставлено имъ послѣ возраженій; хотѣли ограничить это право 100 руб. Единоличному судьѣ предоставлено было право приговарить окончательно (безъ права апелляціи) къ 15 руб. штрафа и 3 днямъ ареста; въ коммиссіяхъ, подготовлявшихъ реформу (второе отдѣленіе канцеляріи Е. И. В. и государств. канц.), опасались, чтобы это право не сдѣлалось дискреціоннымъ и не развило въ судьяхъ вкуса къ произволу, и чтобы мировой судья не сдѣлался объектомъ „общественнаго негодованія и ненависти". Вслѣдствіе этого проектировали, или запретить судьѣ присуждать къ аресту менѣе чѣмъ на 4 дня въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ указанъ большій максимумъ наказанія, или же сдѣлать въ такихъ случаяхъ обязательною замѣну ареста денежнымъ штрафомъ. Эти опасенія не нашли себѣ выраженія въ законѣ, и, какъ показала практика, оптимизмъ законодателя былъ основателенъ: случаи злоупотребленія дискреціонною властью со стороны мировыхъ судей неизвѣстны. Наоборотъ, нѣкоторая идеализація общества сказалась въ предоставленіи судьѣ права произносить нравственное осужденіе за проступки, совершенные по неосмотрительности, но закономъ спеціально не караемые; на практикѣ этимъ правомъ судьи почти не пользовались. Компетенція мирового судьи, *какъ судьи гражданскаго*, опредѣлена была исками о возстановленіи владѣнія и спорами о движимости и по договорамъ цѣною до 500 руб.; въ послѣднемъ отношеніи компетенція также явилась въ результатѣ борьбы мнѣній: хотѣли (госуд. канц.) ограничить ее спорами до 100 руб., опасаясь, что процессъ предъ мировымъ судомъ утратитъ характеръ примирительнаго разбирательства, такъ какъ дѣла о 500 руб. уже не могутъ считаться маловажными, и что окружнымъ судамъ почти нечего будетъ дѣлать. Послѣднее опасеніе было напрасно; первое было отчасти справедливо, но правосудіе нисколько не потеряло отъ того, что въ практикѣ мировыхъ судей подверглись разработкѣ важные юридическіе вопросы, разрѣшенные въ кассаціонномъ порядкѣ сенатомъ. Мировому судьѣ предоставлено было право рѣшать съ согласія обѣихъ сторонъ всякія дѣла, независимо отъ цѣны иска. Свободный и легкій доступъ къ судьѣ былъ обезпеченъ населенію тѣмъ, что производство у мировыхъ судей было безмездно, и судья обязанъ былъ принимать просьбы и словесныя; мировой судья получилъ право разсрочивать уплату принужденнаго взысканія въ

зависимости отъ имущественнаго положенія должника. Право окончательныхъ рѣшеній ограничено было исками о 30 рубляхъ. Кассаціонною инстанціею для дѣлъ, рѣшаемыхъ окончательно, сдѣлался мировой съѣздъ. Предполагалось, что на мировыхъ судей будутъ возложены обязанности опекунскихъ установленій, но реформа этихъ установленій до сихъ поръ не осуществилась. Кромѣ судебныхъ функцій, на мировыхъ судей легла обязанность охранять наслѣдства, мѣстами — замѣнять нотаріусовъ; мировой судья долженъ былъ также открывать земскіе избирательные съѣзды.

Избранникъ всѣхъ сословій, мировой судья не сдѣлался, однако, судьею для самаго многочисленнаго сословія—крестьянства, и это оказалось впослѣдствіи ахиллесовою пятою учрежденія. Маловажныя дѣла крестьянъ, ихъ гражданскіе споры и уголовные проступки, остались въ вѣдѣніи созданныхъ при освобожденіи волостныхъ судовъ. За сохраненіе волостныхъ судовъ стояли потому, что въ нихъ дѣла рѣшались по обычаю; уваженіе же къ обычаю выразилось и въ томъ, что мировой судья получилъ право, по ссылкѣ сторонъ, рѣшать дѣла на основаніи общеизвѣстныхъ обычаевъ въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами. Только по взаимному согласію тяжущіеся крестьяне могли разбираться у мирового судьи, вмѣсто волостного суда. Уголовные проступки крестьянъ становились подсудными мировымъ судьямъ только при совершеніи ихъ внѣ предѣловъ волости; противъ сохраненія уголовной компетенціи волостныхъ судовъ уже при обсужденіи реформы приводили, между прочимъ, что они нерѣдко злоупотребляютъ правомъ подвергать тѣлесному наказанію, а также, что, вслѣдствіе невѣжества волостныхъ судей, одинаковый проступокъ можетъ влечь за собою штрафъ въ волостномъ судѣ и арестъ у мирового судьи или наоборотъ.

Мировыя учрежденія открыты были сперва въ столицахъ (1866), затѣмъ постепенно во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Успѣхъ ихъ въ народѣ превзошелъ всѣ ожиданія. Что они явятся благодѣяніемъ для населенія, не трудно было предвидѣть уже при мысли, что они должны замѣнить собою пеструю коллекцію судебно-административныхъ мѣстъ, напримѣръ, въ столицахъ уѣздный и надворный суды, магистратъ, городовой словесный судъ, коммиссію для словесной расправы между рядчиками и рабочими, словесные суды при полицейскихъ частяхъ и управленіяхъ полицейскихъ частей. Предвидѣли, что мировые судьи будутъ разбирать больше дѣлъ, чѣмъ всѣ перечисленныя учрежденія, взятыя вмѣстѣ; напримѣръ, въ Москвѣ ожидали, что вмѣсто 7.500 дѣлъ, которыя вѣдались названными мѣстами, у всѣхъ мировыхъ судей окажется 16.000 дѣлъ

или почти по 1.000 дѣлъ на каждаго изъ 17 участковыхъ судей; вмѣсто того, въ первый же годъ на каждаго изъ судей пришлось среднимъ числомъ 2.800 дѣлъ. Въ обѣихъ столицахъ, какъ только въ народѣ распространилась вѣсть о новомъ судѣ, къ мировымъ судьямъ потянулись съ такими „мелкими" тяжбами и обидами, о которыхъ прежде не поднимали рѣчи, вслѣдствіе трудности найти удовлетвореніе. Всѣ, кто прежде чувствовалъ себя безправнымъ и молча сносилъ обиду и угнетеніе, пошелъ къ „мировому" просить правосудія и заступничества, не справляясь съ законами о его компетенціи; просьбы, напримѣръ, женъ о разводѣ или о выдачѣ вида на жительство стали обычнымъ явленіемъ. Небывалой на Руси популярности суда содѣйствовали, помимо скорости рѣшеній, вѣжливость и равное со всѣми обращеніе со стороны судей, подборъ которыхъ въ общемъ былъ очень удаченъ. Только представители привилегированнаго сословія, воспитанные въ атмосферѣ крѣпостного права, отвѣчали иногда на первыхъ порахъ на вѣжливую манеру судей ропотомъ и выходками въ крѣпостническомъ духѣ. Тождественныя явленія—притокъ дѣлъ и просителей и популярность въ народѣ—повторялись въ земской Россіи повсемѣстно, по мѣрѣ введенія мировыхъ учрежденій. На протяженіи четверти вѣка мировые судьи функціонировали, водворяя въ обществѣ и народѣ идею законности и уваженія къ личности, охраняя имущественныя права и укрѣпляя довѣріе въ оборотѣ. Законодательныя измѣненія, внесенныя въ этотъ періодъ въ учрежденіе, только отчасти исказили первоначальную идею его (напримѣръ, въ 1877 г. введена была судебная пошлина въ 1%, т. е. вдвое дороже, чѣмъ въ общихъ судахъ, сборъ въ 10 к. съ каждаго листа и кассаціонный залогъ въ 10 р.); въ общемъ они составляли несомнѣнныя техническія улучшенія. Такъ, уничтожена была обязанность заявлять въ уголовномъ процессѣ въ теченіе сутокъ о своемъ неудовольствіи приговоромъ, безъ чего апелляція прежде не допускалась (1886), и, напротивъ, допущено было право заявлять объ отказѣ отъ права обжалованія. Улучшены были правила о заочномъ разборѣ уголовныхъ дѣлъ и о заочныхъ рѣшеніяхъ (1888); напримѣръ, отвѣтчикъ получилъ право требовать, чтобы дѣло не прекращалось въ случаѣ неявки истца, а слушалось по существу; истецъ получилъ право просить, чтобы дѣло разобрано было въ его отсутствіе. Право мирового судьи рѣшать по совѣсти дѣла на всякую сумму по просьбѣ обѣихъ сторонъ было отмѣнено (1887), потому что на практикѣ оно оказалось только средствомъ для обманныхъ сдѣлокъ въ ущербъ кредиторамъ. Еще позднѣе, когда отъ учрежденія остались уже

только обломки, сокращенъ былъ кассаціонный срокъ для жалобъ въ сенатъ (1893 г., съ 4 мѣсяцевъ до 2); увеличены были случаи обращенія рѣшеній къ предварительному исполненію и т. д. Нѣкоторыя нужды, отмѣченныя практикою вскорѣ послѣ введенія учрежденія, не получили удовлетворенія до конца; напримѣръ, мировой судья не вправѣ прекратить самаго безосновательнаго обвиненія и обязанъ вызвать обвиняемаго лично, гдѣ бы тотъ ни находился; въ мировыхъ съѣздахъ право отказывать по уголовнымъ дѣламъ въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей не всегда гарантировало справедливые интересы сторонъ и т. п.

Въ связи съ судебною реформою мировые судьи введены были постепенно и на окраинахъ, но съ отступленіемъ отъ выборнаго начала и мѣстами съ измѣненіями въ компетенціи. Въ Сѣверномъ Кавказѣ (Ставропольская губ., области Кубанская и Терская) и въ Черноморской губ. судьи назначаются, съ соблюденіемъ только правила объ образовательномъ цензѣ, министромъ юстиціи, который оставилъ за собою право дѣлать изъятія изъ правила о несмѣняемости судей, впрочемъ, по испрошеніи каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія. Въ Варшавскомъ округѣ (1875) компетенція мировыхъ судей), которые введены только по городамъ (въ селахъ сохранились гминные суды), ограничена была исками до 300 р.; судьи назначаются, увольняются и перемѣщаются министромъ юстиціи по сношенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ девяти западныхъ губерніяхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Могилевской, Минской и Подольской) мировые судьи (1871) назначаются министромъ юстиціи, въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской (1878) Высочайшею властью, по представленіямъ министра юстиціи, здѣсь и тамъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ цензовые списки, составленные мѣстными уѣздными коммиссіями или губернскими комитетами, но также и изъ другихъ лицъ. Въ Закавказьи (1883) мировые судьи напоминаютъ первоначальныхъ судей только по названію: округъ каждаго окружнаго суда дѣлится на мировые отдѣлы; у мирового судьи состоятъ помощники; они исполняютъ также и обязанности судебныхъ слѣдователей; ихъ компетенція въ гражданскихъ дѣлахъ простирается на споры до 2.000 р. и даже на споры о правахъ на недвижимости: апелляціонною инстанціею является окружный судъ и т. д. Мировые судьи назначаются здѣсь Высочайшею властью.

Въ 80-хъ годахъ надъ учрежденіемъ въ его чистомъ видѣ, какъ оно продолжало дѣйствовать въ земской Россіи, стали собираться грозныя тучи. Изъ реакціоннаго лагеря посыпались нападки на

выборное начало: забыли или умышленно замалчивали, что въ свое время оно не было вовсе уступкою обществу, созрѣвшему для самоуправленія, и начали подкапываться подъ него, какъ будто бы у правительства вдругъ явилась возможность назначать тысячи лицъ съ увѣренностью въ ихъ способностяхъ и добросовѣстности. Въ 1879 г. усилено было вліяніе губернатора на утвержденіе судей сенатомъ. Случались неудачныя рѣшенія мировыхъ судей; ихъ обобщали и вопили о несостоятельности мировыхъ судей вообще. Случилось нѣсколько разъ въ двадцать лѣтъ, что въ уѣздахъ засѣданія мирового съѣзда не могли составиться за неприбытіемъ судей, и публика разъѣзжалась по домамъ; случалось, что нѣкоторые судьи медленно рѣшали дѣла. Единичные случаи подхватывали, замалчивали образцовую дѣятельность другихъ мировыхъ съѣздовъ (въ большихъ центрахъ они превратились въ постоянныя учрежденія), игнорировали и то, что рѣшенія въ общемъ были хороши, и то, что въ общемъ мировые судьи завалены работою, и требовали коренныхъ преобразованій—назначенія предсѣдателя мирового съѣзда отъ правительства, подчиненія мировыхъ судей окружнымъ судамъ отмѣны выборнаго начала и т. д. Особенно тревожнымъ симптомомъ явилась въ 1888 году рѣзкая критика со стороны добросовѣстнаго публициста, который не могъ не понимать, что правосудіемъ нельзя играть въ угоду политикѣ и что на первомъ планѣ въ судоустройствѣ должны стоять соображенія техники правосудія. Представленіе, будто въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ выборы мировыхъ судей опредѣляются кумовствомъ и будто мировые судьи неспособны творить судъ за отсутствіемъ у нихъ юридическаго образованія, такъ что фактически, будто бы, дѣло правосудія перешло въ руки частнаго ходатая и письмоводителя,—привело добросовѣстнаго критика къ мысли, что необходимо уничтожить выборное начало и назначать судей отъ правительства изъ числа юристовъ. Тогда же сдѣлано было возраженіе, что достаточно уничтожить имущественный цензъ, повысить образовательный или отмѣнить требованіе единогласія при избраніи кандидатовъ, неимѣющихъ ценза, чтобы сразу ввести въ кругъ учрежденія юристовъ, не ломая выборнаго начала. Недоумѣвали только, почему назначенный судья будетъ ближе къ народу, чѣмъ къ обществу; почему онъ не подчинится вліянію окружающей среды; почему полная зависимость отъ администраціи (въ то время нельзя было надѣяться, что при назначеніи судей имъ будетъ гарантирована несмѣняемость) лучше вліянія со стороны избирателей. Однако, весь этотъ споръ, въ которомъ, какъ показываетъ статистика, правы были сто-

ронники сохраненія выборныхъ мировыхъ судей, оказался безплоднымъ для обѣихъ сторонъ; судьба, которая постигла учрежденіе въ 1889 г., не соотвѣтствовала ожиданіямъ и тѣхъ, которые добросовѣстно видѣли улучшеніе въ назначеніи судей-юристовъ. Учрежденіе земскихъ начальниковъ поставило на мѣсто сравнительно образованнаго судьи, призваннаго охранять миръ и насаждать чувство законности, судью-администратора, въ принципѣ свободнаго отъ всякаго образовательнаго ценза, вооруженнаго дискреціонною властью, признаннаго воскресить старую патримоніальную опеку надъ крестьянскимъ населеніемъ и тѣмъ возстановить престижъ утратившаго господство сословія. Отъ того, что понадобилось создать такого народнаго попечителя, надзору котораго долженъ былъ подчиниться, между прочимъ, и волостной судъ, нашли возможнымъ всѣ маловажныя дѣла жителей уѣзда *всѣхъ* сословій поручить суду того же судьи-администратора. Въ болѣе значительныхъ городахъ, впрочемъ, маловажныя дѣла не были принесены въ жертву идеѣ властнаго попеченія о народѣ, и функціи мировыхъ судей перешли частью къ городскимъ судьямъ, частью къ уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ, которые наслѣдовали мировымъ судьямъ и въ уѣздахъ въ дѣлахъ, не вошедшихъ въ компетенцію земскихъ начальниковъ. Послѣ 1889 г. выборные мировые судьи уцѣлѣли въ С.-Петербургѣ съ его уѣздомъ, въ Москвѣ, Казани, Кишиневѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Харьковѣ и еще въ области Войска Донского. Болѣе посчастливилось учрежденію мировыхъ судей по назначенію отъ правительства. Они не только остались тамъ, гдѣ введены были раньше (кромѣ названныхъ мѣстностей, еще въ среднеазіатскихъ областяхъ и въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губ.), но, въ самый годъ упраздненія мировыхъ судей для внутренней Россіи, они введены были въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (по назначенію отъ министра юстиціи, на основаніи списка, составленнаго на мѣстахъ съ соблюденіемъ требованій обоихъ цензовъ), позже въ Архангельской губерніи и, наконецъ, съ 1896 г. они вводятся въ Сибири (по образцу Закавказья въ отношеніи компетенціи и инстанціи, но съ неограниченнымъ правомъ министра юстиціи увольнять и перемѣщать судей). Положеніе, что внутренняя Россія не менѣе окраинъ нуждается въ хорошемъ судѣ для маловажныхъ дѣлъ ея населенія, настолько очевидно, что уничтоженіе судебно-административныхъ учрежденій не можетъ долго заставить себя ждать. За возстановленіе мировыхъ судей тамъ, гдѣ они упразднены, говорятъ не только аргументы, почерпнутые изъ наблюденія надъ существующимъ порядкомъ вещей. По сравненію съ этимъ

послѣднимъ, не трудно окружить ореоломъ мировыхъ судей, которые не злоупотребляли своею властью, ни въ своекорыстныхъ видахъ, ни ради принципа, которые не оказывали явнаго предпочтенія привилегированному предъ простолюдиномъ, не прибѣгали къ физическому насилію въ отношеніи непокорныхъ, не нарушали законовъ единственно во имя своего усмотрѣнія, и т. д. Пересчитывая въ 1895 г. все, чего мировые судьи „не дѣлали", и наполняя этимъ перечнемъ скорбный листъ современнаго состоянія правосудія для маловажныхъ дѣлъ, прежняя собросовѣстная критика 1888 г. (П. Н. Обнинскій) только отчасти воздаетъ должное прошедшему. Важнѣе положительныя заслуги мировыхъ судей, засвидѣтельствованныя статистикою: она безспорно устанавливаетъ, что мировые судьи были вполнѣ удовлетворительнымъ учрежденіемъ, соотвѣтствовавшимъ и видамъ законодателя, и потребностямъ населенія.

Въ „Сборникахъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи" за 1881—1890 гг. содержатся слѣдующія данныя для оцѣнки рѣшеній мировыхъ съѣздовъ съ точки зрѣнія ихъ юридической правильности. За эти годы кассаціонными департаментами сената рѣшено дѣлъ:

ГОДЪ.	Съ оставленіемъ жалобъ безъ послѣдствій.		Съ отмѣною рѣшеній.	
	Уголовныхъ.	Гражданскихъ.	Уголовныхъ.	Гражданскихъ.
1881	3250	2609	1329	1599
1882	3239	2715	1327	1736
1883	4039	2815	1314	2258
1884	4742	2777	4099	2156
1885	4218	2855	1430	1913
1886	5475	2894	1935	1919
1887	4434	2987	1713	1914
1888	4918	3837	1765	2350
1889	4974	3869	1582	2168
1890	4808	3394	1618	1996
Итого	44097	30752	18112	20009

Такимъ образомъ, изъ общаго числа 112.970 кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, 74.840 признаны сенатомъ не заслуживающими уваженія. „Сборники“ не даютъ данныхъ для сравненія въ этомъ отношеніи выборныхъ мировыхъ судей съ назначенными.

Изъ тѣхъ же „Сборниковъ“ за 1884 — 1888 гг. видно, какъ оцѣнивалась правильность рѣшеній мировыхъ судей мировыми съѣздами:

	Рѣшено мировыми съѣздами дѣлъ.					ИТОГО.	Отмѣнено рѣшеній мировыхъ судей.					ИТОГО.
	1884	1885	1886	1887	1888		1884	1885	1886	1887	1888	
1. Въ губерніяхъ съ выборными мировыми судьями. . .	103580	112205	132511	135750	127752	611807	27453	25477	33529	34512	31089	152060
2. 9 западныхъ, Астраханской и Оренбургской, а также Бессарабской въ 1884 и 1885 гг.	49393	51881	50512	54123	53784	259693	12195	13248	10469	12486	11456	59863
3. Варшавскій округъ. . .	33880	35669	34990	38516	38696	181751	9198	8719	8735	9597	8585	44854
4. Кавказъ.	13036	11594	12295	12144	13122	62191	3347	2903	2884	2454	2498	14086
5. Среднеазіатскія области .	861	1070	963	1576	1474	5944	192	208	168	351	213	1132

Изъ этой таблицы явствуетъ, что за 5 отчетныхъ лѣтъ:

1) Въ губерн. съ выборными мир. суд. изъ 611807 дѣлъ отмѣнен. рѣш. было 152060 или 24,8%
2) » » 9 запад., Астрах. и Оренбург. 259693 » » » » 59863 » 22,8%
3) » » Варшавскаго округа 181751 » » » » 44854 » 24,7%
4) » » Кавказскаго края 62191 » » » » 14086 » 22,7%
5) » » областяхъ Средней Азіи 5944 » » » » 1132 » 19,2%

Такимъ образомъ, мировые судьи назначенные или выборные, ошибались приблизительно одинаково рѣдко или часто, и во всякомъ случаѣ то опасеніе, которое существовало въ началѣ реформы,

будто, въ силу esprit de corps, мировой судья, рѣшившій дѣло въ первой инстанціи, будетъ вліять на судьбу дѣла во второй, блистательно опровергнуто на примѣрѣ выборныхъ мировыхъ судей.

Еще поучительнѣе таблицы, показывающія отношеніе населенія къ рѣшеніямъ мировыхъ судей.

I. Уголовныя дѣла.

	Рѣшено мировыми судьями съ правомъ отзыва.					Итого.	Подано жалобъ на неокончательные приговоры.					Итого.
	1884	1885	1886	1887	1888		1884	1885	1886	1887	1888	
По всѣмъ внутреннимъ губерніямъ	475566	520316	549285	566215	476891	2588273	69711	74481	81215	85444	83520	394371
Изъ этого числа въ 9 западныхъ губерніяхъ, въ Астраханской и Оренбургской, а въ 1884 и 1885 гг. и въ Бессарабской.	164854	175756	163889	168900	144366	817765	23798	24448	23839	26020	25724	123829
На губерніи съ выборною мировою юстиціею приходится	—	—		—	—	1770508	—	—	—	—	—	270542

Такимъ образомъ, въ губерніяхъ съ назначенными судьями было обжаловано изъ 817.765 приговоровъ—123.829, или 15,2 проц.; въ губерніяхъ съ выборными судьями изъ 1.770,508 приговоровъ обжаловано 270.542 или также 15,2 проц.

II. Гражданскія дѣла.

	ГОДА.	По всѣмъ внутреннимъ губерніямъ.	Отдѣльно по 9 западнымъ, Астраханской и Оренбургской, а въ 1884 и 1885 гг. также и Бессарабской.	Отдѣльно по губерніямъ съ выборною мировою юстиціею.
Требованія истца были удовлетворены вполнѣ или въ части въ числѣ дѣлъ.	1884	438730	127391	—
	1885	480946	139553	—
	1886	463434	112591	—
	1887	482134	119959	—
	1888	465932	123636	—
	Итого. . .	2331179	623130	1708049
Истцу было всецѣло отказано въ искѣ.	1884	121323	36376	—
	1885	130847	39037	—
	1886	136683	34020	—
	1887	140206	34692	—
	1888	133017	37939	—
	Итого . . .	662076	172064	490012
Могло быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ.	1884	349340	102357	—
	1885	379035	111454	—
	1886	357508	86781	—
	1887	380896	100445	—
	1888	351763	97065	—
	Итого . . .	1818542	498102	1320440
Подано апелляціонныхъ жалобъ.	1884	62091	18322	—
	1885	68566	17900	—
	1886	71867	18244	—
	1887	72794	19240	—
	1888	68735	20258	—
	Итого . . .	344053	93964	250089

Изъ этой таблицы явствуетъ слѣдующее. За 5 отчетныхъ лѣтъ, мировые судьи въ земскихъ губерніяхъ удовлетворили требованіямъ истцовъ въ 1.708,049 дѣлахъ, а въ 490.012 признали иски неправильными; хотя 1.320,440 изъ общаго числа рѣшеній могло быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ, однако, только 250.089 тяжущихся (19 проц.) воспользовались этимъ правомъ, и, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины истцовъ, проигравшихъ дѣло у мирового судьи, сами убѣждались, что судья былъ правъ. Въ губерніяхъ съ назначенными судьями на 623.130 рѣшеній, присудившихъ иски, было 172.064 рѣшенія съ отказами въ искахъ; можно было апеллировать въ 498.102 случаяхъ, но подано жалобъ всего 93.964 тяжущимися, или 18,8 проц., и, во всякомъ случаѣ, около половины истцовъ, проигравъ дѣло у судьи, не рѣшались жаловаться дальше. Отсюда слѣдуетъ, что выборные мировые судьи функціонировали во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ назначенные, и что рѣшенія ихъ пользовались у тяжущихся, во всякомъ случаѣ не меньшимъ нравственнымъ авторитетомъ. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что довѣріе правительства къ обществу, выразившееся въ 1864 г. въ возложеніи на мѣстныхъ жителей заботы о прiисканіи достойныхъ судей, вполнѣ оправдалось, и, потому когда настанетъ моментъ для возстановленія мировыхъ судей въ земской Россіи, справедливо будетъ возвратить обществу выборное право, тѣмъ болѣе, что если черезъ 30 лѣтъ послѣ реформы у общества несомнѣнно больше средствъ узнавать и оцѣнивать людей, то у центральныхъ канцелярій способы для отыскиванія тысячъ людей должны были остаться такими же внѣшними и неудовлетворительными, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ.

М. Брунъ.

Къ 30-ти-лѣтію Мирового Суда.

Историческія справки.

(Посвящается памяти Оскара Ильича Квиста).

«Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака права, то мировой судъ вноситъ право въ такую сферу, гдѣ не существовало и призрака права, даже и понятія о возможности права». *Акад. Безобразовъ.*

«...А дворянинъ зарубитъ купца.—А купецъ въ полицію.—А дворянинъ полиціи кукишъ покажетъ. Полиція знай свое дѣло; полиція хватай черный народъ».

Гоголь.

I.

17-е мая 1896 года—тридцатилѣтняя годовщина открытія въ Россіи первыхъ мировыхъ судебныхъ учрежденій. Въ 28-ми камерахъ гор. Петербурга и 17 камерахъ гор. Москвы открыты были двери для всѣхъ ищущихъ суда и права по своимъ мелкимъ ежедневнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ. Не безъ смущенія и страха переступалъ народъ черезъ порогъ этого новаго, невиданнаго, неслыханнаго „присутственнаго мѣста", гдѣ онъ встрѣчалъ „начальство" въ совершенно необычайной для него обстановкѣ и атмосферѣ. Вмѣсто грязнаго, пропитаннаго запахомъ дыма и водки частнаго дома и съѣзжихъ домовъ, народъ попадалъ въ свѣтлое, чистое помѣщеніе. Зала раздѣлена рѣшеткою на двѣ неравныя половины, изъ коихъ каждая производитъ на простого просителя благопріятное, успокаивающее впечатлѣніе. На одной половинѣ камеры на небольшомъ возвышеніи за столомъ сидитъ не прежній грозный „поручикъ", а одѣтый въ обыкновенное платье человѣкъ, единственное отличіе котораго отъ остальной публики—это золотая цѣпь, знакъ его судейскаго достоинства. Не менѣе благопріятное

впечатлѣніе на скромнаго просителя производило присутствіе въ камерѣ публики, такъ быстро и рѣшительно подчеркнувшее въ глазахъ народа все благотворное отличіе новаго гласнаго суда отъ прежней келейной юстиціи полицейскаго суда съ его грубостью и своеручною расправою. Народъ, своимъ долгимъ и горькимъ опытомъ извѣдавшій всѣ темныя стороны тайно-канцелярскаго судилища, не могъ не почувствовать инстинктивнаго довѣрія къ новому гласному суду, производящемуся при божьемъ свѣтѣ, на міру, чуть не всенародно на площади.

Но какъ ни велико было бросающееся сразу въ глаза отличіе „новаго" мирового суда отъ прежней грубой келейной расправы, валившей, по патріархальному крѣпостническому завѣту, въ одну кучу и праваго, и виноватаго [1]), привитое вѣками недовѣріе и прямая ненависть къ суду и судьямъ были такъ велики, что сразу не могло оно исчезнуть. Какъ сообщаетъ въ своей лѣтописи петербургскій почетный мировой судья (нынѣ сенаторъ) В. И. Лихачевъ, занимавшій въ теченіе 30 лѣтъ этотъ постъ, въ первые дни, по открытіи петербургскихъ камеръ, поступало весьма ограниченное число прошеній (отъ 7 до 9). Но, вопреки извѣстной пословицѣ, добрая слава мировыхъ судей, смѣнившихъ вскорѣ свое оффиціальное званіе въ народномъ говорѣ на званіе „мирового", бѣжала съ неимовѣрною быстротою, и уже черезъ мѣсяцъ къ нимъ стали поступать прошенія десятками [2]). Причиною популярности мирового института, прежде всего, была быстрота и чрезвычайная простота новаго процессуальнаго строя. Нерѣдко два-три дня спустя послѣ подачи прошенія и послѣ получасового разбирательства оканчивались дѣла къ обоюдному удовольствію тяжущихся или поссорившихся. Но понятно, само собою, быстрота и простота не суть качества, желательныя сами по себѣ. Этими качествами могла также похвалиться и прежняя „отеческая" расправа полицейскаго суда, а также и нынѣшніе приговоры земскихъ начальниковъ, постановляемые и приводимые въ исполненіе съ прихотливою соркопали-

---

[1]) Герценъ въ „Быломъ о Думахъ" разсказываетъ о видѣнной имъ въ одной изъ московскихъ полицейскихъ частей сценѣ. Женщина жаловалась на сидѣльца за оскорбленіе дѣйствіемъ. Сначала ругалъ обоихъ квартальный, державшій къ нимъ такую рѣчь: „съ жиру собаки бѣсятся, сидѣли бы, бестіи, благо мы молчимъ и мирволимъ. Вишь, какая важность! Поругались да и тотчасъ *безпокоить* начальство!.. А ты изъ прилавка лаешься, хочешь въ сибирку?.. Сквернословъ эдакій, да еще лапу подымать,—а березовыхъ, горячихъ, хочешь?"... Къ концу „разбора" входитъ самъ частный приставъ, который выгоняетъ и обвинительницу, и обвиняемаго вонъ, а квартальному дѣлаетъ замѣчаніе, что онъ роняетъ „уваженіе къ мѣсту", пуская „всякую шваль".

[2]) См. статью В. И. Лихачева: „Къ тридцатилѣтію миров. суд. установ." въ „Журн. Мин. Юст." 1895, № 12, стр. 4.

тельностью. Быстрота тогда только цѣнна, когда ей не приносится въ жертву законъ и правда. Поэтому-то и полюбились скоро народу „мировые, что они при быстротѣ и доступности были внимательны къ нуждѣ „маленькаго человѣка", проявляя полное равенство и безпристрастіе по отношенію ко всѣмъ просителямъ".

II.

Характерною чертою дореформеннаго или крѣпостного строя жизни Россіи было полное равнодушіе къ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ массы населенія. По крайней мѣрѣ половина крѣпостныхъ не имѣла никакого суда, такъ какъ они были подчинены произволу помѣщика, который могъ назначать всякаго рода взысканія, до ссылки въ Сибирь включительно. Изъ другой половины населенія только привилегированныя сословія и особенно дворяне и чиновники пользовались всѣми средствами тогдашней сложной, хотя по существу убогой судебной защиты, даже безъ ихъ прямого участія и, такъ сказать, въ силу процессуальной инерціи, переносившей на разсмотрѣніе или ревизію высшихъ судебныхъ инстанцій дѣла лицъ, занимавшихъ высшія ступени общественной пирамиды. Для лицъ же, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, т. е. для большинства населенія, если не вовсе упразднены были пути обжалованія, то обставлены были такими формальностями и трудностями, что они равносильны были отказу въ правосудіи даже по тягчайшимъ преступленіямъ. Сенаторъ фонъ-деръ-Ховенъ въ запискѣ своей, составленной предъ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ [1]), приводитъ рядъ вопіющихъ примѣровъ, какъ невинно-осужденные *прежде*, чѣмъ добиться разсмотрѣнія сенатомъ жалобы, должны были подвергнуться наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь, такъ какъ, въ видахъ сокращенія числа жалобъ, отъ лицъ непривилегированнаго сословія жалобы принимались лишь *по исполненіи* судебнаго приговора. Въ это недавнее „доброе" старое время, когда Россія, по опредѣленію П. А. Валуева, кончалась XIV классомъ, никого не смущала эта завѣдомая жестокость, потому что жертвою ея были „мужики" и вообще неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній. Относительно ихъ существовала легальная презумпція, что они не только лишены чувства чести, но и физической чувствительности.

Если такъ третировало наше старое законодательство податныя сословія, когда рѣчь шла даже о тяжкихъ преступленіяхъ, то еще

---

[1]) См. Дѣло о преобр. судеб. части т. XVIII.

большимъ равнодушіемъ отличалось оно при устройствѣ суда по мелкимъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ заинтересованы были, главнымъ образомъ, низшія сословія. На бумагѣ мѣстъ и инстанцій было столько, что хоть отбавляй. Въ Москвѣ, напр., эти дѣла вѣдали уѣздный судъ, надворный судъ, комиссія для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девять словесныхъ судовъ при полицейскихъ частяхъ и, наконецъ, управленія 17 частей города Москвы, итого 29 мѣстъ. А все-таки, получить справедливую и быструю расправу маленькимъ людямъ по своимъ маленькимъ дѣламъ не было никакой возможности, и на дѣлѣ бѣдный людъ былъ лишенъ вовсе судебной помощи, благодаря тому, что въ полиціи имѣли вѣсъ только деньги и приказъ властныхъ людей.

Г. В. Фуксъ, заклятый врагъ реформъ 60-хъ годовъ, стало быть, публицистъ, неспособный быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ либеральной эпохѣ, въ такомъ видѣ обрисовываетъ положеніе полиціи въ дореформенное время. „До начала 60-хъ годовъ общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ высшихъ и даже въ среднихъ общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, *съ презрѣніемъ,* въ низшихъ—*со страхомъ.* Высшіе слои по своему родовому или имущественному привилегированному положенію вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованія полиціи, и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица, состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію *еще безцеремоннѣе;* а средніе промышленные и торговые классы освобождались отъ всякихъ требованій полиціи или пріобрѣтали, гдѣ было нужно, ея содѣйствіе посредствомъ *взятокъ,* получившихъ, напр., на фабрикахъ, въ заводахъ, въ лавкахъ и по питейной части характеръ *постояннаго* жалованья полицейскимъ чинамъ. Оставалась затѣмъ *безправная масса* городскихъ обывателей, а въ уѣздахъ поселяне—но для нихъ полиція была уже не охраною, а самымъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было *откупаться*" [1]).

Краснорѣчивою иллюстраціею къ судебной дѣятельности или, вѣрнѣе, бездѣйствію полиціи по подвѣдомымъ ей дѣламъ служитъ фактъ, удостовѣряемый тѣмъ же благонадежнымъ свидѣтелемъ г. Фуксомъ. Когда губернаторы ревизовали городскую полицію, то

---

[1]) См. В. Фуксъ „Судъ и полиція", 219.

книги, въ которыхъ должны были записываться жалобы просителей и состоявшіяся по нимъ рѣшенія полицейскаго начальства, оказывались чистыми отъ *первой до послѣдней* страницы" [1]).

III.

Послѣ такого неправосуднаго, вѣрнѣе, безсуднаго времени, впечатлѣніе, произведенное первыми шагами мировой юстиціи, было громадное. Здѣсь впервые крестьяне, рабочіе, ремесленники-мѣщане воочію убѣждались, что дѣйствительно настали новыя, лучшія времена, что законъ начинаетъ и на нихъ распространять свое охранительное дѣйствіе и защиту, что судья, хотя и носитъ нѣмецкое платье, но не держитъ во что бы то ни стало сторону барина, а творитъ судъ равный для всѣхъ и справедливый.

Въ рѣчи своей, сказанной 17-го апрѣля 1866 г., министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ назвалъ мировыя учрежденія *„краеугольнымъ камнемъ* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго *суда"*, и это опредѣленіе окажется безусловно справедливымъ, если принять во вниманіе качество и количество дѣлъ, подвѣдомыхъ мировой юстиціи.

Что касается количества, то достаточно сопоставить хотя бы слѣдующія данныя: тогда какъ судъ присяжныхъ разсматриваетъ во всей Россіи ежегодно около 30,000 дѣлъ, одни петербургскіе мировые судьи ежегодно рѣшаютъ болѣе 50,000 уголовныхъ дѣлъ. Положимъ, дѣла, подсудныя мировымъ учрежденіямъ, менѣе „важны", нежели дѣла, рѣшаемыя общими судебными мѣстами; но, во-1-хъ, не нужно забывать, что всякому, какъ выразился Петръ Великій въ одномъ изъ своихъ указовъ, своя обида горька и несносна есть", во-2-хъ, и важность дѣлъ далеко не всегда опредѣляется внѣшними, объективными признаками преступленія. Бѣднякъ, у котораго украли 20 руб., терпитъ большій ущербъ, нежели богачъ, потерявшій 2,000 р. Съ другой стороны, огромному большинству народонаселенія приходится имѣть дѣло только съ одними низшими судебными мѣстами, вотъ почему ихъ благоустройство или неустройство можетъ служить вѣрнѣйшимъ показателемъ средняго уровня правосудія въ странѣ въ данное время. Исходя изъ этого соображенія, совершенно упущеннаго при введеніи учрежденій 12-го іюля 1889 г., составители Судебныхъ Уставовъ снабдили мировые суды всѣми гарантіями раціональнаго судопроизводства, долженствовавшими дать народной массѣ дѣйствительно скорый и правый судъ.

И народъ быстро усвоилъ смыслъ и цѣль благороднаго и ве-

---

[1]) См. тамъ же, ч. II, 118.

ликодушнаго начинанія, имѣвшаго цѣлью обезпечить и въ мелочахъ обыденной жизни судъ и правду. Еще въ недавнее дореформенное время, не только при столкновеніи крѣпостнаго съ помѣщикомъ, но и вообще, при столкновеніи слабаго съ сильнымъ, богатаго съ бѣднымъ, знатнаго съ простолюдиномъ, обиженному ничего не оставалось, какъ топить свою обиду въ горькихъ и часто невидимыхъ слезахъ, которыя,—какъ писалъ Салтыковъ, — „капали, капали внутрь, капали кровавыми пятнами на сердце, и все накипали, все накипали, пока не перекипали совершенно". И вотъ, этому безъисходному и безсчетному горе-гореваньицу маленькихъ людей, этому вѣковому безправію обѣщалъ положить конецъ новый мировой институтъ.

Открытыя вслѣдъ за столичными тысячи провинціальныхъ камеръ не могли вмѣстить всѣхъ искавшихъ суда и права. И свѣжія обиды, и давнія, но не получившія удовлетворенія своевременно, споры и столкновенія — все приносилось съ довѣріемъ на судъ и совѣтъ „мирового". Припоминая время введенія мировыхъ учрежденій, юбилейный отчетъ московскаго столичнаго мирового съѣзда такъ характеризовалъ эту красную весну судебной реформы: „Новый судъ, кромѣ интереса новизны, быстро сдѣлался популярнымъ своею доступностью, быстротою, несложностью формальностей, сравнительно съ прежнимъ судомъ; въ народной массѣ явилось сознаніе *правъ и гарантій*, которыя или не существовали ранѣе, или существовали только по имени, но были упразднены на практикѣ за фактическою невозможностью ихъ осуществленія". Указывая затѣмъ на необыкновенный наплывъ народа въ камеры, отчетъ отмѣчаетъ, что къ мировымъ судьямъ обращались часто съ просьбами, которыя явно выходили изъ предѣловъ вѣдомства мирового суда или вовсе не подлежали судебному разсмотрѣнію: начиная отъ просьбы вникнуть въ семейныя отношенія и уладить семейные разлады, до просьбъ, имѣвшихъ характеръ бракоразводныхъ дѣлъ, начиная отъ жалобъ на ничтожныя оскорбленія, до жалобъ на истязаніе и грабежи—все это направлялось къ мировому судьѣ, который, съ первыхъ же дней, явился *живымъ истолкователемъ* правъ, предоставленныхъ каждому, и обязанностей, налагаемыхъ на него закономъ".

IV.

Какъ отнесся персоналъ мировыхъ судей къ этому громкому запросу народа на право и судъ?

Къ чести и славѣ мирового института нужно сказать, что

избранные новые представители новой мировой судебной власти съ идеальною преданностью выполняли высокое назначеніе ея. „Начальнику должно быть присуще,—говорится въ только-что вышедшей книгѣ, изданной К. П. Побѣдоносцевымъ, сознаніе *достоинства* (курс. подл.) власти. Забывая о немъ и не соблюдая его, власть роняетъ себя и извращаетъ свои отношенія къ подчиненнымъ... Однако, соблюдая свое достоинство, начальникъ столько же твердо долженъ соблюдать и *достоинство* своихъ *подвластныхъ*. Отношенія его къ нимъ должны быть основаны на *довѣріи*, ибо въ отсутствіи довѣрія нѣтъ нравственной связи между начальникомъ и подчиненнымъ [1]).

Думая не о внѣшнемъ возвеличеніи престижа своей власти путемъ страха, а о нравственномъ обаяніи ея, пріобрѣтаемымъ только безпристрастіемъ и человѣчностью, мировые судьи перваго избранія создали не меркнущій доселѣ идеалъ разумнаго служенія правосудію. Не щадя себя, стараясь восполнить пробѣлы своего знанія, они съ величайшею гуманностью и предупредительностью, а порою и самопожертвованіемъ, шли навстрѣчу нахлынувшей новой великой народной потребности въ правомъ судѣ, доходя иногда, при отправленіи должности, до настоящихъ подвиговъ гражданскаго самопожертвованія [2]). Высокій нравственный подъемъ, господствовавшій въ 60-хъ г. въ обществѣ, разумный судебный строй, обезпечивавшій мировымъ судьямъ служебную независимость, ограждавшій отъ возможности смѣщенія по навѣту сильныхъ людей, сознаніе возможности принесть своему народу пользу и способствовать его нравственному развитію—таковы были условія, привлекшія въ ряды далеко не прибыльной, крайне отяготительной мировой юстиціи много людей истинно благородныхъ, чуждыхъ сословныхъ предразсудковъ и готовыхъ служить дѣлу правосудія, не взирая на лицъ. Въ 1866 году, на обычную жалобу о неимѣніи людей, русское земство и города отвѣтили избраніемъ изъ своей среды нѣсколькихъ тысячъ достойныхъ служителей, съ любовью и преданностью взявшихъ на себя многотрудное дѣло водворенія совершенно незнакомыхъ судебныхъ порядковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ прежнимъ судебнымъ строемъ. Немало труда, нравственнаго закала и гражданскаго мужества положили эти доблестные піонеры

---

[1]) См. Московскій Сборникъ, Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1896 г., стр. 252, 253.

[2]) Петербургскій мировой судья, покойный А. В. Зиновьевъ, работая въ камерѣ по 13-ти часовъ, такъ сильно разстроилъ свое здоровье, что, уже черезъ три мѣсяца послѣ открытія мирового суда, долженъ былъ взять отпускъ для поправленія здоровья. См. ст. Лихачева, 5.

правосудія, призванные внести элементы законности и равноправности въ среду, искони воспитанную на произволѣ и привилегіяхъ. Въ спискѣ [1]) этихъ почтенныхъ именъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ знаменитый первый предсѣдатель с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда Оскаръ Ильичъ Квистъ. Правовѣдъ первыхъ выпусковъ, давшихъ столько замѣчательныхъ дѣятелей судебному вѣдомству, человѣкъ съ широкимъ общимъ и спеціально-юридическимъ образованіемъ, Квистъ принималъ участіе въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, а затѣмъ положилъ первые образцы примѣненія ихъ, согласно ихъ гуманному и просвѣтительному духу. Неутомимый, дѣятельный человѣкъ рѣдкаго самообладанія, Квистъ взялъ въ свои руки трудное дѣло проведенія въ жизнь началъ мировой юстиціи и своимъ спокойнымъ, ровнымъ характеромъ онъ успѣлъ импонировать и раздраженному самолюбію полицейской администраціи, не скрывавшей своего неудовольствія противъ судебной власти, старавшейся ввести ее въ предѣлы законности, и вызывающему пренебреженію представителей старой крѣпостнической аристократіи и чиновной знати, не хотѣвшей мириться съ тѣмъ равенствомъ, которое введено было Уставами Александра II.

Вспоминая о дѣятельности Квиста, другой знаменитый дѣятель судебной реформы, сенаторъ, А. Ѳ. Кони, писалъ: „Общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ доступнаго народу правосудія, но и *школою порядочности* и уваженія къ *человѣческому достоинству*. Веденіе дѣлъ у нѣкоторыхъ судей достигало виртуозности. Особенно выдѣлялся въ Петербургѣ покойный О. И. Квистъ. Его камера была мѣстомъ, куда ходили учиться и смотрѣть, *какъ* надо разбирать. Этотъ маленькій, живой, глубоко просвѣщенный человѣкъ, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ и лукавою усмѣшкою, за-

---

[1]) Въ Петербургѣ первыми мировыми судьями были избраны: почетными—1) В. И. Лихачевъ, 2) гр. П. II. Шуваловъ, 3) гр. П. А. Бобринскій, 4) гр. А. П. Бобринскій, 5) гр. М. Е. Ростовцевъ, 6) Н. В. Жуковскій, 7) А. Я. Качко, 8) Я. П. Митковъ, 9) кн. П. Н. Трубецкой, 10) баронъ Т. Н. Жираръ-де-Сукантонъ, 11) Н. Ф. фонъ-Крузе, 12) М. Ф. Ильинъ, 13) И. А. Неклюдовъ, 14) Г. В. Лермонтовъ; участковыми—1) А. В. Яковлевъ, 2) А. И, Протасьевъ, 3) М. П. Козляниновъ, 4) Л. Ф. Тигдель, 5) С. Д. Татищевъ, 6) Н. Н. Медвѣдевъ, 7) П. М. Майковъ, 8) О. И. Квистъ (предсѣдатель съѣзда, 9) А. Н. Унковскій, 10) Э. Л. Редеръ, 11) А. К. Фитингофъ, 12) В. А. Волотовъ, 13) А. Н. Зиновьевъ, 14) А. К. фонъ-Брюммеръ, 15) В. В. Яковлевъ, 16) П. П. Куликовъ, 17) А. П. Баумгартенъ, 18) И. И. Прейсъ, 19) А. А. Муравьевъ, 20) А. А. Ольхинъ, 21) Г. П. Орловъ, 22) П. А. Соколовъ, 23) Н. А. Неклюдовъ (нынѣ тов. министра внутреннихъ дѣлъ), 24) Н. И. Непорожненъ, 25) В. Г. Карташевскій, 26) Л. Л. Серебряковъ, 27) С. В. Алфимовъ, 28) И. А. Галовъ; запасные—1) А. О. Фрейманъ, 2) Д, Н. Гурьевъ, 3) А. Н. Матвѣевъ, 4) Н. В. Мордвиновъ, 5) А. И. Кранихфельдъ, 6) П. Н. Шамшевъ, 7) А. С. Поповъ.

ложилъ, въ качествѣ предсѣдателя, нравственный и дѣловой фундаментъ мирового съѣзда, устройство котораго не разъ потомъ признавалось образцовымъ“ [1]).

Петербургская городская Дума въ признательность за услуги, оказанныя правосудію Квистомъ, учредила въ память его стипендію его имени на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета.

V.

Образцы мирового судоговоренія, данные Квистомъ, были усвоены не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ и въ провинціи; мировые судьи полагали возвысить престижъ своей власти не грубостью и жесткостью, а мягкостью, а потому всѣмъ, безъ различія званія, стали говорить *вы*,—не стѣсненіемъ гарантій правосудія, а распространеніемъ ихъ, не произволомъ и самовластіемъ, а строгимъ соблюденіемъ законности.

Московскіе мировые, напр., стремясь расширить гласность до возможныхъ предѣловъ и находя свои камеры слишкомъ тѣсными, устраивали судебныя засѣданія подъ открытымъ небомъ, у себя на дворѣ; не рѣдко возбуждали сами дѣла и разбирали ихъ на мѣстѣ преступленія. „Столичное населеніе,—замѣчаетъ г. Лихачевъ,—съ первыхъ же шаговъ мировыхъ судей оцѣнило новыхъ дѣятелей на поприщѣ охраненія правды, соединенной съ милостью. Введенное мировыми судьями одинаково вѣжливое обращеніе съ каждымъ, не только съ просителемъ, но и съ обвиняемымъ, проявило понятное и простолюдину, и прежде для него не бывалое *равенство* въ судѣ, выражающееся не въ одной сущности рѣшенія, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ нему судей, какъ представителей правосудія и нелицепріятія. Доступность мировыхъ судей и оказываемое ими участіе къ положенію обывателя разомъ завоевали судьямъ уваженіе и довѣріе массы столичнаго населенія; исключеніе составляло меньшинство, привыкшее при старомъ порядкѣ, благодаря своему богатству и привилегированному положенію, *не считать* себя обязаннымъ подчиняться ни закону, ни суду [2])“.

По стопамъ столицъ шла и провинція. Несмотря на глухой протестъ старыхъ крѣпостниковъ, прогрессивная часть дворянства, охотно вошедшая и въ составъ мировой юстиціи изъ персонала мировыхъ посредниковъ, съ готовностію шла на служеніе законности и равноправности. Не смѣя и думать стать выше закона, въ

---

[1]) См. статью его „Новые мѣхи и новое вино“, перепечатанную въ сборникѣ „За послѣдніе годы“, стр. 487.

[2]) См. назв. ст. Лихачева; 7.

вѣрномъ охраненіи его она видѣла лучшее средство для установленія нормальныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Приводимъ одинъ образецъ.

Предводитель дворянства Подольскаго уѣзда графъ Мусинъ-Пушкинъ въ рѣчи, обращенной къ мировымъ судьямъ, такъ разъяснялъ имъ значеніе законности; „Мы, господа,—люди, избранные земствомъ. Оно довѣрило намъ всѣ проявленія своей юридической жизни на текущее трехлѣтіе въ размѣрахъ, указанныхъ закономъ. Слѣдить за догматическимъ и процессуальнымъ движеніемъ этой жизни, воспитывать во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ чувство *уваженія* къ закону,—и *только къ закону*, относиться нелицепріятно къ лицамъ всѣхъ состояній и общественныхъ положеній, *трудиться и работать* для того, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, къ которому далеко не всѣ изъ насъ были призваны, выражать болѣе недовѣрія и *скромности* въ дѣлѣ оцѣнки собственнаго знанія, чѣмъ увѣренности въ серьезной своей подготовкѣ, избѣгать всякихъ крайностей въ жизни, которыя могли бы сложиться путемъ той или другой впередъ задуманной теоретической истины,—вотъ на первыхъ порахъ начала нашей задачи и, если только эти убѣжденія раздѣляете вы, мои товарищи по новому учрежденію, то я смѣло могу надѣяться, что, при этихъ условіяхъ и по прошествіи извѣстнхъ лѣтъ совокупнаго труда, осуществятся священныя слова возлюбленнаго Государя: „правда и милость да царствуетъ въ судахъ“ [1]).

Когда должностное лицо приступаетъ съ такимъ уваженіемъ къ закону, съ такимъ серьезнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей, съ такою скромностію и горячимъ желаніемъ трудиться и учиться, а не въ горделивомъ упоеніи собственнымъ невѣжествомъ довѣренною обширною властью, то учрежденіе стоитъ на хорошей почвѣ и имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ развитія.

Другой залогъ успѣха мирового института лежалъ въ томъ духѣ корпоративнаго товарищескаго единенія, который сразу установился между мировыми судьями какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Эта корпоративная связь дала, во 1-хъ, судьямъ надежную точку опоры для сопротивленія незаконнымъ давленіямъ со стороны и сообщала имъ надлежащую независимость при столкновеніяхъ съ администраціею. Она же давала средства для проявленія болѣе дѣйствительнаго и всесторонняго контроля, чѣмъ бюрократическій и іерархическій надзоръ съ его случайными приливами гнѣва и милости, навѣянными личностью начальника или

---

[1]) См. „Моск. Вѣд.“, 1866, № 93.

настроеніями минуты. Но это не былъ тотъ нежелательный esprit de corps, который во что бы то ни стало выгораживаетъ товарища, несмотря на явное нарушеніе закона, подъ предлогомъ охраны достоинства корпораціи. Какъ передаетъ г. Лихачевъ, на первыхъ же порахъ петербургскіе судьи предложили одному изъ своихъ товарищей подать въ отставку, въ виду совершенія имъ неблаговиднаго поступка. Они же не замедлили донести сенату о превышеніи власти судьею (требовавшаго пріостановки развода моста), нисколько не смущаясь опасностью помрачить престижъ своей корпораціи. При такомъ строгомъ уваженіи къ закону, проявляемомъ прежде всего относительно исполнителей его, успѣхъ законности и интересы правосудія были обезпечены вполнѣ, что и подтвердилось на исторіи мировыхъ учрежденій.

VI.

«Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣло ея будетъ идти къ лучшему, начала, вводимыя къ намъ Судебными Уставами, будутъ въ силѣ и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ во-вѣки вѣковъ связано имя преобразователя Россіи».

М. Катковъ.

Приведенныя слова московскаго публициста прекрасно передаютъ то бодрое и радостное настроеніе, какимъ сопровождалось введеніе мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій.

Успѣхъ мировыхъ учрежденій былъ особенно поразителенъ, и онъ былъ ярко констатированъ въ первомъ же министерскомъ отчетѣ Д. Н. Замятнина. „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—писалъ Замятнинъ,—простота мирового разбирательства, допущенная при отправленіи онаго, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ скорый и справедливый судъ для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованіе Россіи суда, *столь близкаго* народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что, со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій, возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые, или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ

образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія“ [1]).

Чтобы тутъ не было заподозрѣно вліяніе оффиціальнаго оптимизма, такъ часто мѣшающаго виновникамъ реформы видѣть ихъ недостатки, очевидные для общества, приводимъ свидѣтельство общественнаго учрежденія. С.-Петербургская всесословная дума, дѣлавшая щедрыя ассигновки на мировые суды, въ виду громадной пользы, принесенной ими населенію, спустя годъ по открытіи мировыхъ установленій, единогласно поднесла 19-го мая 1867 г. отъ имени городского общества благодарственный адресъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество!

„Среди другихъ преобразованій, дарованныхъ державною волею Вашего Императорскаго Величества на благо русскаго народа, Вамъ благоугодно было водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Вашихъ.

„Указъ Вашего Императорскаго Величества о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, наполнившій сердца Вашихъ вѣрноподданныхъ той радостью, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія, уже приведенъ въ исполненіе.

„Сего мая 17-го дня исполнился годъ введенія суда, и петербургское городское общество, въ этотъ короткій періодъ времени сознавъ всю благодѣтельность новаго порядка, охраняющаго собственность, водворяющаго довѣріе къ торговлѣ и укрѣпляющаго то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно народное благосостояніе, съ благоговѣніемъ приноситъ Вашему Величеству вѣрноподданическую благодарность“.

Смыслъ этого оффиціальнаго выраженія благодарности будетъ вполнѣ ясенъ, если прочесть судебные отчеты того времени, наглядно свидѣтельствующіе о томъ, какія безчисленныя культурныя блага вносило въ обиходъ русской жизни гласное разбирательство у мировыхъ судей, сколько застарѣлыхъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ времени крѣпостного права и господства въ судахъ черной неправды, подкапывало и сносило это уравненіе всѣхъ гражданъ предъ лицомъ суда и привитіе дотолѣ без-

[1]) Журн. „Мин. Юст.“. 1867 г.

правной массѣ сознанія о личномъ его достоинствѣ, сознанія сво ихъ законныхъ правъ и обязанностей.

Въ превосходной статьѣ академика В. П. Безобразова, напечатанной М. Н. Катковымъ въ тогдашнемъ либеральномъ журналѣ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ такихъ выраженіяхъ разъяснялось значеніе *переворота*, произведеннаго судебною реформою вообще и мировыми учрежденіями въ частности.

„Судебная реформа, — пишетъ онъ,—вноситъ въ народную жизнь *право*, какъ живой, *дѣйствительный* фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не исчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло, и потому, не подлежащее никакому положительному разсчету. Мировая же власть въ особенности вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало и *призрака права*, даже понятія о *возможности права*. Чтобы убѣдиться, какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія,—продолжаетъ Безобразовъ,—надо видѣть изумленіе людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиниться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе, подавляющее своею силою даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились; рабочіе, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма только потому, что цѣны на работы поднялись; мужья, не имѣвшіе понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; баринъ, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимы были прежде всего неимовѣрныя усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки, и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Это истинный переворотъ въ умахъ и къ тому еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе, посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, ими оказанное исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ, или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить не только рабочихъ, но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе это быстро смѣняется другими

чувствами, и толпа народа валитъ къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ Божій изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ и щелей такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а, въ самомъ лучшемъ случаѣ, терпѣніемъ и забвеніемъ" [1]).

VII.

Казалось бы, дѣло, столь прекрасно задуманное, дѣло столь трудное и столь удачно осуществленное, какъ дарованіе народу доступнаго и справедливаго суда, имѣло предъ собою длинную и свѣтлую перспективу безмятежнаго существованія и процвѣтанія. Но, къ сожалѣнію, уже первые мѣсяцы существованія мирового суда показали, что ему придется выдержать долгую и упорную борьбу съ упрямыми и небезкорыстными защитниками стараго крѣпостнаго строя и административнаго полновластья. Борьба, начатая реакціею еще въ 1866 г., велась съ перемѣннымъ счастьемъ, пока не закончилась въ 1889 г. рѣшительною побѣдою противниковъ мироваго института, послѣ которой остались отъ него жалкіе остатки, въ видѣ, по выраженію г. Никитина, „обломковъ разбитаго корабля".

Во главѣ противниковъ мировыхъ учрежденій стояла крѣпостническая клика, группировавшаяся около предтечи нынѣшняго *Гражданина* — газеты *Вѣсть*. Питая непримиримую ненависть къ освободительному духу и содержанію великаго законодательнаго акта 19-го февраля, они переносили ее и на всѣ реформы, являвшіяся прямымъ или косвеннымъ его развитіемъ, и, въ томъ числѣ, на судебную, установившую впервые равенство всѣхъ предъ судомъ, это элементарнѣйшее начало цивилизованнаго общежитія.

Робертъ Пиль, говоря о судебномъ равенствѣ, выговоренномъ англійскими баронами еще по Великой хартіи 1215 г., между прочимъ высказалъ: „Бароны не присвоили правъ себѣ однимъ, но сдѣлали ихъ *общимъ* благомъ и достояніемъ всего народа. Они не сказали: таковы права большихъ бароновъ, или: таковы права большихъ прелатовъ. Нѣтъ, милорды, языкомъ грубой латыни того времени, сказали: nullus liber homo (ни одинъ свободный человѣкъ и пр.), и столь же заботливо отнеслись къ самому *ничтожному изъ подданныхъ*, какъ и къ *самому знатному*. Это чудныя слова, они обращаются къ человѣческому сердцу. Эти три слова имѣютъ гро-

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1866, октябрь.

мадное значеніе для *всѣхъ насъ*; они стоятъ того, чтобы ихъ запомнить, заучить наизусть; они стоятъ *всѣхъ классиковъ* [1]).

Въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ восхвалялъ Пиль въ палатѣ лордовъ сто лѣтъ тому назадъ равенство всѣхъ гражданъ предъ судомъ, существующее въ Англіи съ начала XIII вѣка и введенное у насъ Судебными Уставами 20 ноября 1864 года.

Какой вопіющій получается контрастъ, если сопоставить съ этимъ отношеніе со стороны нашихъ лордовъ изъ крѣпостническаго лагеря къ столь справедливому началу, какъ равенство предъ судомъ! Если и въ наши дни, 30 лѣтъ спустя, столпы нашего консерватизма не стыдятся публично говорить, что при судебномъ разбирательствѣ „законъ не только можетъ, но и *долженъ* различать темную обывательскую массу отъ просвѣщеннаго (??) общества“ [2]), то легко представить себѣ, съ какимъ зубовнымъ скрежетомъ было встрѣчено въ 60-хъ годахъ помѣщиками равенство предъ закономъ, съ особенною наглядностью проявленное на мировомъ судѣ при разборѣ мелкихъ дѣлъ, возникавшихъ изъ договора личнаго или имущественнаго найма, изъ столкновеній между хозяевами и домашнею прислугою или рабочими.

Воспитанные въ распущенныхъ привычкахъ крѣпостнаго своеволія, не привыкшіе никогда и ни въ чемъ себя сдерживать, пріученные безнаказанно глумиться надъ жертвами своей тиранніи, помѣщики приходили въ ужасъ при одной мысли, что ихъ будетъ судить мировой судья и поставитъ ихъ на одну доску съ бывшими ихъ дворовыми, которыхъ еще такъ недавно они могли бить по лицу и сѣчь, сколько душѣ было угодно. Извѣстно, что немало было такихъ помѣщиковъ и въ особенности помѣщицъ, которые всю горечь причиненной имъ актомъ 19-го февраля „обиды“ видѣли не столько въ нанесеніи матеріальнаго ущерба, сколько въ лишеніи возможности „добродушно издѣваться“ надъ дворовыми: выставлять, напримѣръ, на потѣху гостямъ, стриженую дѣвку Ольгу, заставлять Сеньку лизать пылающую сковороду и ухмыляться надъ его „красною рожею“ и предаваться, по выраженію Салтыкова, „фарсамъ кроваваго добродушія и ехидной веселости“ [3])... Съ введеніемъ мировыхъ учрежденій не только приходилось разстаться со всѣми въѣвшимися въ нравы подобными жестокими развлеченіями необузданнаго самодурства, но даже отвѣчать за поще-

---

[1]) См. монографію В. Ѳ. Дерюжинскаго — Habeas corpus Act.

[2]) Въ *Русск. Вѣстн.*, 1896, февраль.

[3]) Сочин. II, 424.

чину, сгоряча данную, или бранное слово, нечаянно сорвавшееся по адресу „хамовъ“.

Нужно читать судебную хронику 60-хъ годовъ, чтобы составить себѣ понятіе о той степени озлобленія и мелочнаго раздраженія, съ которыми ежедневно приходилось имѣть дѣло мировымъ судьямъ того времени, если участвовали въ процессѣ помѣщики или чиновники стараго закала. Не только по уголовнымъ, но и по самымъ обыденнымъ гражданскимъ дѣламъ, судьямъ приходилось тратить массу труда и энергіи, чтобы сдерживать въ порядкѣ общественныхъ просителей, никакъ не желавшихъ мириться съ обычными условіями гласнаго судопроизводства. Въ книгѣ г. Никитина приводится масса такихъ траги-комическихъ сценъ. Генералъ Симборскій негодуетъ на то, что на его требованіе подать ему, какъ кавалеру ордена св. Владиміра, стулъ, мировой судья распорядился подать два стула — одинъ ему, другой истцу - мѣщанину. Контръ-адмиралъ Арбузовъ „видитъ соціализмъ“ въ томъ, что мировой судья попросилъ его отойти за рѣшетку и дожидаться очереди. Вотъ образцы тѣхъ старыхъ крѣпостническихъ претензій, которыя приводили въ смущеніе даже архи-консервативный юнкерскій органъ печати *Крестовую Газету*.

VIII.

Сначала глухое, а потомъ и открытое неудовольствіе противъ мировыхъ учрежденій высказываетъ и администрація. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ сразу сталъ во враждебное отношеніе къ новому суду за то, что онъ отвергалъ возбужденныя имъ дутыя обвиненія противъ печати, явную неправильность какихъ признаетъ такой благонамѣренный чиновникъ, какъ цензоръ Никитенко [1]). Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, вліятельный Треповъ, негодовалъ, съ своей стороны, на то, что мировые судьи не усвоивали, по отношенію къ полиціи, точки зрѣнія, рекомендуемой въ наши дни *Гражданиномъ*, т. е. не предоставляли единственно самой полиціи сужденіе о законности предъявленныхъ ею обывателямъ требованій. Мировыя учрежденія не могли, противно Судебнымъ Уставамъ, стать на эту точку зрѣнія и оправдывали обвиняемыхъ, если предъявленное полиціею требованіе не имѣло оправданія въ законѣ, или данныя полицейскаго протокола не подтверждались на судѣ. Отсюда безпрестанныя жалобы полиціи на неудовлетворительность мировыхъ, обвиненіе ихъ въ неблагонадежности, въ колебаніи авто-

---

1) См. Дневникъ, II, стр. 116.

ритета власти и проекты о необходимости расширенія власти администраціи и отмѣнѣ несмѣняемости.

Отмѣчая нападки, начавшіяся въ высшихъ сферахъ тотчасъ за введеніемъ мировыхъ и судебныхъ учрежденій, благонамѣренный Сухотинъ заносилъ въ 1866 г. въ свои записки: „Опять начинаетъ разыгрываться тайная сила, на время было умолкнувшая. Нѣкоторые люди, упоенные властью, не терпятъ значенія и силы судебной реформы, которая есть единственно разумная сила, уважаемая добрыми и разумными и колющая глаза самодурамъ, ложнымъ либераламъ и нашимъ soit-disant петербургскимъ прогрессистамъ, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ полермерничали либеральничали, а при начавшейся реакціи потеряли всякій стыдъ, лицемѣрятъ, какъ лакеи“ [1]).

Слово „реакція“ не одному Сухотину подвертывается подъ перо. Умѣренный, осторожный, благодушный оптимистъ академикъ Никитенко уже подъ 5-мъ ноября 1866 г. заноситъ меланхолическія строки: „Свершилось то, чего боялись люди мыслящіе: наступаетъ время поворота, время реакціи“ [2]). Этотъ печальный выводъ былъ вызванъ крутыми мѣрами Валуева противъ печати, но судебныя учрежденія не были пока поколеблены, и все, что было лучшаго въ печати, горячо стояло за охраненіе судебной независимости.

Въ отвѣтъ на обвиненіе судовъ въ революціонныхъ тенденціяхъ, на образованіе status in statu, на защиту независимости выступилъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ, убѣдительныхъ статей не кто иной, какъ самъ М. Н. Катковъ, немало способствовавшій въ твердомъ укрѣпленіи навсегда въ общественномъ сознаніи разумности основъ судебной реформы. „Независимость суда отъ администраціи,—писалъ онъ,—есть *самое существенное условіе* правильнаго суда. Безъ *полной независимости* суда отъ администраціи наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы оно ни было обставлено и въ какія бы формы оно ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько *къ судейскому званію*. И то, и другое равно важно, и новое судоустройство потеряло бы *все* свое значеніе, если бы судебная власть, въ какомъ бы то ни было отношеніи, была поставлена въ подчиненное къ административнымъ властямъ положеніе... Все, что можетъ причинить ущербъ досто-

---

[1]) См. *Русскій Архивъ*, 1894 г., № 4.

[2]) См. Дневникъ, II, 121.

инству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы то ни было отношеніи унизить его предъ административными властями, было бы покушеніемъ противъ *сущности* этого *великаго* преобразованія, было бы *ненавистною* попыткою парализовать его силу“ [1]). Какія бы аберраціи ни произошли впослѣдствіи въ сознаніи автора приведенныхъ превосходныхъ строкъ, договорившагося впослѣдствіи до признанія судейской независимости за начало анархическое, сила ихъ и убѣдительность такъ велика, что они не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на общество...

Съ неменьшею энергіею защищалъ Катковъ и мировыя учрежденія отъ яростныхъ нападокъ „Вѣсти“ и партіи высокопоставленныхъ крѣпостниковъ, мечтавшихъ о возстановленіи вотчинной полиціи надъ крестьянами. Ссылаясь на щедрыя ассигновки общественныхъ учрежденій на мировой институтъ, какъ на непререкаемое заявленіе о пользѣ мировыхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями, Катковъ продолжалъ: „...а между тѣмъ, именно мировая часть судебныхъ учрежденій подвергалась и подвергается у насъ наиболѣе злобнымъ нападкамъ со стороны *нашихъ консерваторовъ извѣстнаго сорта*, сердящихся, повидимому, на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія, за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое было? Кто будетъ утверждать, что прежнее судебно-полицейское разбирательство было способно къ развитію? Теперь всякое упущеніе выходитъ наружу, и всякому доброжелателю и недоброжелателю правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мирового суда и при первомъ поводѣ подвергать порицанію, даже не заслуженному. Было ли что-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? Насколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда мнимый, и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи“.

Переходя къ „Вѣсти“, Катковъ пишетъ: „Главнымъ органомъ злобныхъ нападокъ на мировыхъ судей и вообще на судебныя учрежденія, долженствующія внести *законность* въ нашу жизнь, сдѣлалась „Вѣсть“... Думаютъ ли эти безстрастные рыцари до того отуманить своихъ читателей, чтобы убѣдить ихъ въ преимуществѣ

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1866 г., № 156.

стараго порядка судопроизводства предъ новымъ—est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, нельзя, все таки, увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны, такъ какъ все тамъ происходило келейно, *подъ сильнымъ давленіемъ администраціи*. Или новое судопроизводство оттого для насъ непригодно, что у насъ нѣтъ людей, достаточно способныхъ для правильнаго примѣненія его? Но развѣ большинство лицъ, входящихъ въ составъ новаго суда, не избираются изъ числа прежнихъ судебныхъ мѣстъ? По отношенію къ вопросу о людяхъ, различіе между прежними судами и новыми состоитъ именно въ томъ, что прежніе *портили* людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ".

Свою прекрасную отповѣдь реакціонной печати Катковъ заканчиваетъ слѣдующими трогательными словами: „Уже и теперь великая судебная реформа *вполнѣ* оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались, и *лучшее* желаніе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія *не было* вынимаемо камней, чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ *согласовались* съ общимъ духомъ новой системы" [1]).

IX.

Къ сожалѣнію, патріотическому пожеланію Каткова не суждено было осуществиться. Реакціонныя волны противъ новыхъ судебныхъ учрежденій поднимались все и выше и выше, и уже въ 1867 г. Сухотинъ въ свои записки опять заноситъ печальныя вѣсти: „Носятся печальные слухи о томъ, что администрація хочетъ наложить руку на судебную реформу и что, будто, дѣло о столкновеніи съ полиціей и жалобы на нее будутъ изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ... Всякій, кто желаетъ независимости для новыхъ судебныхъ учрежденій, тотъ заподозрѣвается правительствомъ и петербургскою знатью, какъ демократъ, красный или какъ наивный человѣкъ" [2]).

Занося эти прискорбныя новости дня, Сухотинъ добавляетъ: „Впрочемъ, это все слухи, и, вообще, послѣднее время наша политическая, судебная и административная жизнь находится въ самомъ неопредѣленномъ положеніи". Къ несчастью, это далеко не были одни „слухи", и указанное неопредѣленное положеніе создавалось весьма реальными фактами, свидѣтельствовавшими о томъ,

---

1) «Моск. Вѣд.» 1866 г., № 263.

2) «Русск. Арх.» 1894, № 4.

что реакція, предводимая Валуевымъ, все болѣе и болѣе входитъ въ силу. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, какъ сообщаетъ Никитенко [1]), былъ смѣщенъ преданный всею душею Судебнымъ Уставамъ товарищъ министра юстиціи Н. И. Стояновскій, заслуги коего въ судебной реформѣ были на - дняхъ отмѣчены въ Высочайшемъ рескриптѣ, а затѣмъ былъ уволенъ и самъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и на его мѣсто назначенъ бывшій псковскій губернаторъ гр. Паленъ.

Уже съ первыхъ же шаговъ гр. Паленъ выступилъ противъ Судебныхъ Уставовъ и хотѣлъ изъять изъ вѣдѣнія мировыхъ судей дѣла о разныхъ полицейскихъ нарушеніяхъ, допущенныхъ домовладѣльцами, извозчиками и проч. Подъ тѣмъ предлогомъ, что эти дѣла производятся медленно, гр. Паленъ проектировалъ передачу ихъ полиціи. По порученію петербургскаго мирового съѣзда извѣстный юристъ, тогда мировой судья Неклюдовъ (нынѣ тов. министра внутреннихъ дѣлъ [2]), составилъ превосходную докладную записку, въ которой онъ доказывалъ, что въ медленности виновата полиція, что передача дѣлъ въ полицію лишила бы обвиняемыхъ тѣхъ гарантій, безъ коихъ немыслимо правосудное рѣшеніе [3]).

Это начинаніе, какъ и другія реакціонныя предположенія графа Палена, не имѣло успѣха въ виду того слабаго авторитета, которымъ пользовался онъ въ высшемъ законодательномъ учрежденіи вслѣдствіе незнакомства съ судебнымъ дѣломъ. Но, минуя законодательный порядокъ, по примѣру Валуева, гр. Паленъ, немало расшаталъ строй новыхъ судебныхъ учрежденій путемъ отмѣны закона de facto.

Глухая вражда противъ мирового суда продолжалась и въ 70-хъ годахъ, но никто и не смѣлъ мечтать объ отмѣнѣ мировыхъ учрежденій въ виду огромной и очевидной пользы, ими приносимой. Съ обычнымъ своимъ невѣжествомъ консерваторы напали на выборное начало въ судѣ, какъ на демократическое нововведеніе либераловъ 60-хъ годовъ. Но имъ основательно указывали, что выборное начало искони было свойственно русскому судебному строю и даже было усилено въ царствованіе Николая I.

До 80-хъ годовъ нападки крѣпостниковъ на мировой институтъ были безвредны. Но въ это время, когда подъ вліяніемъ потрясающихъ событій, замутилось далеко не окрѣпшее общественное

---

[1]) См. Дневникъ, II, 180.

[2]) Писано въ 1896 г.

[3]) Это превосходное опредѣленіе съѣзда напечатано въ № 12 „Журн. Мин. Юстиц." за 1895 г.

сознаніе, враги реформъ 60-хъ годовъ вновь прибѣгли къ своему обычному пріему, фальшь коего въ болѣе спокойное время для всѣхъ очевидна. Они старались отвѣтственность за печальныя явленія того времени возложить на ни въ чемъ неповинныя, но ненавистныя имъ по связи съ 19-мъ февраля, гуманно-освободительныя реформы.

Тактика, къ несчастью, увѣнчалась успѣхомъ, и при реформѣ 1889 г. сгоряча не только забыты были безчисленныя заслуги мирового института предъ культурной исторіей Россіи, но оставлены были, при новыхъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ, безъ вниманія какъ азбучныя истины раціональнаго судоустройства, такъ и завѣты исторіи русскаго законодательства.

Со временъ Петра Великаго, какъ свидѣтельствуетъ столь авторитетный юристъ, какъ графъ Д. Н. Блудовъ, русское законодательство неуклонно стремилось къ отдѣленію суда отъ администраціи. Законъ же 1889 г., передавшій множество судебныхъ дѣлъ въ окончательное вѣдѣніе губернскихъ присутствій, создалъ такой порядокъ вещей, котораго не знала Россія не только предъ судебною реформою 1884 г., при Николаѣ I-мъ, но и гораздо раньше, со времени изданія Екатериною „Положенія", выдѣлявшаго судебныя дѣла изъ вѣдѣнія губернскаго правленія [1]).

Практика послѣднихъ лѣтъ показала, какъ опасно было отступленіе отъ вѣковыхъ аксіомъ правильнаго судоустройства, необходимость коихъ доказана опытомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, въ томъ числѣ и русскаго. Въ мировыхъ учрежденіяхъ могли встрѣчаться отдѣльныя ошибки, увлеченія. Но это были ошибки судебнаго учрежденія, неправильно понявшаго законъ. Никогда за все время ихъ существованія не было никѣмъ констатировано такое враждебное отношеніе къ началу законности, такія грубости, такое явное стремленіе къ произволу, какое обнаружилось въ дѣятельности многихъ земскихъ начальниковъ съ первыхъ же дней ихъ дѣятельности [2]). Это были не случайности, а симптомъ роковой ошибки, вкравшейся въ самое учрежденіе и быстро развившейся, подъ вліяніемъ рьяныхъ литературныхъ комментаторовъ „властной руки", въ безуміи своемъ дошедшихъ до приниженія закона предъ дискреціонной властью земскихъ начальниковъ.

Вредъ такого извращенія основъ разумнаго общежитія очеви-

---

[1]) См. записку его въ т. IV. Дѣло о преобр. суд. части.

[2]) Длинный списокъ превышенія власти и насильственныхъ дѣйствій земскихъ начальниковъ см. въ статьѣ г. Обнинскаго: «Мировыя судья и ихъ преемники». *Сборникъ Правовѣдѣнія*, т. V, стр. 34 и слѣд.

день. „Сознаніе достоинства власти,—говорится въ книгѣ, только что изданной К. П. Побѣдоносцевымъ, — должно быть неразлучно съ сознаніемъ долга. Власть должна быть *свободна* (курс. подлиника) въ *законныхъ* своихъ предѣлахъ. По мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ сознаніе долга, сознаніе достоинства, расширяясь и возвышаясь не въ мѣру, производитъ болѣзнь, которую можно назвать *гипертрофіею* (курс. подл.) *власти*" [1]).

Какъ ни скудны свѣдѣнія, проникающія въ печать, общій характеръ института достаточно обозначился, и симптомъ указанной болѣзни „гипертрофія власти" не подлежитъ сомнѣнію. Несмотря на усилія ревностныхъ сторонниковъ новаго института, вредныя стороны его слишкомъ явственны, контрастъ его съ просвѣтительною миссіею мирового суда слишкомъ бьетъ въ глаза.

Незадолго до своей смерти покойный предсѣдатель московскаго мирового съѣзда, старѣйшій изъ судей, П. Н. Грековъ, вскорѣ послѣ введенія земскихъ начальниковъ въ одной рѣчи выразилъ пожеланіе, „чтобы мировой съѣздъ стоялъ несокрушимо на высотѣ своего призванія, строго охраняя тѣ *нравственныя* основы, на которыхъ онъ сформировался и укрѣпился, и да будетъ онъ *маякомъ* для грядущихъ за нами поколѣній, для которыхъ, я твердо вѣрю, вновь выяснится потребность въ расширеніи мировой юстиціи на все обширное пространство нашего дорогого отечества".

Есть основаніе думать, что этому предсказанію, быть можетъ, суждено вскорѣ осуществиться. Несмотря на чрезвычайныя усилія реакціонной печати затемнить простой вопросъ, значеніе мирового института, какъ органа правосудія и проводника въ массахъ началъ законности, особенно рельефно обозначилось именно тогда, когда его не стало. Съ другой стороны, недостатки новой судебно-административной организаціи, ясные для многихъ въ самомъ началѣ, нынѣ, на практикѣ, обнаружились съ такою прискорбною наглядностью, что самыя искусныя и страстныя старанія литературныхъ почитателей административнаго произвола и „властной руки" не въ силахъ остановить раскрытія истины.

Какъ бы ночь ни длилась и небо ни темнило,
А все разсвѣта намъ не миновать.

Гр. Джаншіевъ.

[1]) См. стр. 253 «Московскаго Сборника», изданнаго К. П. Побѣдоносцевымъ.

Мировые судьи и ихъ преемники.

(Итоги сравнительной параллели).

Мудреное было время, въ которое земскій начальникъ смѣнилъ мирового судью. Историкъ, юристъ и соціологъ одинаково заинтересуются имъ: какъ въ кодификаціонной нормѣ, такъ и въ своемъ воплощеніи оба института служатъ яркими типическими выразителями создавшихъ ихъ общественныхъ настроеній двухъ смѣнившихся эпохъ.

Недалеко ушло это время, а кажется, будто пережиты долгіе, долгіе годы. По отношенію къ благоденствію нашего судебнаго строя, время это напоминаетъ севастопольское сидѣніе, когда мѣсяцъ обороны зачислялся осажденнымъ за годъ и на дѣлѣ чувствовался не короче его. Въ постоянной тревогѣ, поддерживаемой послѣдовательно возвѣщавшимся рядомъ новеллъ, изъятій и компромиссовъ, это *„переходное“* (будемъ вѣрить оптимистамъ) время тянулось невыразимо долго. Тяжелыя минуты приходилось переживать судебнымъ уставамъ, и искреннимъ друзьямъ ихъ, вѣрнымъ завѣтамъ 1864 года, минуты эти должны были казаться вѣчностью. Переживался моментъ, подобный тому, когда слѣдишь, напр., за человѣкомъ, находящимся въ той или иной опасности, съ замирающимъ сердцемъ наблюдая, какъ онъ переходитъ пропасть по зыбкимъ мосткамъ, борется съ волнами, переплывая рѣку, или идетъ по тонкому, хрупкому льду: сгибнетъ ли онъ на пути или благополучно достигнетъ желаннаго брега?..

Сегодня на очереди вопросъ о переименованіи „судебныхъ уставовъ Императора Александра II“ въ подлежащій томъ свода законовъ, завтра—объ ограниченіи ограниченной уже компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей, послѣзавтра—о замѣнѣ кассаціон-

наго порядка ревизіоннымъ и т. п. Наврядъ ли, конечно, каждая изъ подобныхъ новеллъ могла имѣть шансы на свое осуществленіе, но попытки эти были характерны, какъ знаменія времени и общественнаго правосознанія.

Кому или чему, въ самомъ дѣлѣ, мѣшало дорогое Россіи имя незабвеннаго законодателя? Оно представляло собою надежнѣйшій оплотъ противъ вторженія всяческихъ новеллъ, чуждыхъ духу законодательнаго памятника, такъ еще недавно во всеуслышаніе признаннаго „славой и гордостью минувшаго царствованія"; чтобы ввести въ него эти новеллы, надо было стереть присвоенное ему имя,—имя, украсившее одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ нашей исторической лѣтописи. Такъ спускается императорскій флагъ съ вѣнчающаго опустѣвшій дворецъ шпиля, чтобы открыть свободный доступъ постороннимъ посѣтителямъ. И посѣтители собираются. Это—обычая публика, обозрѣвающая столичныя достопримѣчательности: пріѣзжіе изъ провинціальныхъ захолустій старички и старушки, праздношатающіеся юнцы и всякаго рода разночинцы. Въ своихъ и модныхъ и допотопныхъ костюмахъ они важно расхаживаютъ по роскошной амфиладѣ залъ; имъ любо топтать своими смазными сапогами мозаичные полы, тыкать пальцами въ драгоцѣнные гобелены и высказывать о художественныхъ коллекціяхъ сужденія, вызывающія улыбку даже на неподвижной физіономіи сопровождающаго ихъ камеръ-лакея. Послѣ этихъ посѣтителей обыкновенно моютъ полы и отворяютъ окна; такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ прежнія времена.

Чѣмъ предполагалось, далѣе, замѣнить судъ присяжныхъ? Не коронными ли судами, давно уже страдающими апатій, рутиннымъ формализмомъ и т. п. недомоганіями, которыхъ не зналъ, не знаетъ и никогда не будетъ знать вѣчно освѣжаемый, вѣчно живой и отзывчивый судъ общественной совѣсти? Не декораціонными ли сословными представителями въ странствующихъ палатахъ, тратящихъ сотни казенныхъ рублей и дѣлающихъ сотни верстъ ради какой-нибудь бабы, отказавшей отворить свои ворота передъ деревенскими мытарями, пришедшими за ея послѣдней коровой?

Въ силу какихъ соображеній, наконецъ, взамѣнъ кассаціоннаго, объединяющаго трибунала, рекомендовался дореформенный ревизіонный порядокъ, при которомъ, вмѣсто живого слова человѣка, скрипѣли гусиныя перья, наглухо запиралась дверь въ присутственную камеру, но зато широко раскрывалась та, что вела въ квартиру судьи?...

Все это—„покушенія, остановленныя обстоятельствами, отъ соб-

ственной воли независящими". И благо еще, что существуютъ пока эти обстоятельства, хотя сдерживающая, благодатная, защитная сила ихъ замѣтно ослабѣваетъ,—ослабѣваетъ соразмѣрно смѣнѣ двухъ чередующихся поколѣній. Въ позднѣйшемъ изъ нихъ нѣтъ вѣрующей любви къ основамъ, на которыхъ преобразовывалось отечественное правосудіе. Это поколѣніе, въ данномъ случаѣ, „безъ догмата". Оттого ли, что оно не видало „неправды черной", царившей въ прежнихъ судахъ, оттого ли, что не присутствовало при „водвореніи правды и милости", призванныхъ царить въ новыхъ, оттого ли, что оно, вообще, противъ какихъ бы то ни было идеаловъ—Богъ вѣдаетъ. Современники этого „водворенія" мало-по-малу сходятъ со сцены и умираютъ съ завѣщаніемъ, „къ исполненію неутвержденнымъ".,. А они *вѣрили* и *любили*, потому что *знали* и *видѣли*: дороже и ближе намъ человѣкъ, ранніе дѣтскіе годы котораго протекли на нашихъ глазахъ, за воспитаніемъ котораго мы любовно слѣдили, который веселилъ наше сердце своею первою улыбкою, рѣзвился и шалилъ у насъ на рукахъ; къ человѣку же, котораго мы узнали лишь въ зрѣломъ возрастѣ, мы, естественно, болѣе равнодушны, а если его идеалы расходятся съ нашими, то и холодны. Не въ этомъ ли корень того взаимнаго непониманія, тѣхъ ѣдкихъ и до боли жгучихъ споровъ, которые ведутъ подчасъ старые съ молодыми, бесѣдуя о современныхъ судебныхъ порядкахъ, пока, подъ гнетомъ одна на другую наростающихъ новеллъ, еще не утратился и самый предметъ спора?

Почва, на которой велись эти споры и выростали эти новеллы, была несомнѣнно вулканическаго происхожденія, и, стоя на колеблемой поверхности, нельзя было не ощущать постоянной тревоги, нельзя было быть „увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ" нашего судебнаго дѣла. Не отсутствіемъ ли этой увѣренности слѣдуетъ объяснить то охлажденіе общественнаго и профессіональнаго интереса къ этому дѣлу, на которое такъ часто и такъ справедливо теперь жалуются? А кратеръ давно уже дѣйствуетъ и до сихъ поръ продолжаетъ свою работу. Зачастую дѣло ограничивается подземнымъ гуломъ или незначительными сотрясеніями почвы, но случаются и изверженія: густой дымъ взвивается на верхушкѣ, разверзается жерло, и хлещущая оттуда лава превращаетъ стоящіе на пути грады въ новообразованія вулканическаго происхожденія. Отношеніе, въ которомъ стоитъ наше законодательное движеніе къ общественному настроенію, опредѣлится довольно точно, если первое мы уподобимъ поверхности кратера, а второе—его клокочущему нутру, стремящемуся выбросить на поверхность то, что давно и, казалось,

на-вѣки было погребено въ его нѣдрахъ. Въ этомъ взаимоотношеніи нѣтъ, слава Богу, какой-либо твердой системы, какого-либо опредѣленнаго плана, и изверженія прорываются наружу тамъ только, гдѣ, благодаря случайнымъ космическимъ условіямъ, внѣшняя кора рыхлѣе, податливѣе и внутренній напоръ интенсивнѣе. Вслѣдствіе этого мы видѣли вожделѣнія, не получившія успѣха, но видѣли и такія, которыя, идя въ разрѣзъ съ общимъ законодательнымъ направленіемъ, добивались, однако, своей санкціи, видѣли правовые конгломераты изъ несоединимыхъ по своей природѣ элементовъ, видѣли капризнѣйшія сочетанія, естественныя лишь въ сновидѣніи. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ только показывался дымъ на верхушкѣ кратера, простодушные обыватели окрестныхъ долинъ кричали: „пожаръ, пожаръ!“ и стремились на гору съ ведрами и баграми, не подозрѣвая о томъ, что причина—въ глубоко сокрытыхъ нѣдрахъ ея. Тамъ, гдѣ нуженъ свѣтъ и только свѣтъ—рекомендовались предначертанія; тамъ, гдѣ нужно изслѣдованіе—писались рецепты.

Во всякомъ случаѣ, борьба и временные компромиссы, побѣды и пораженія—все это не такъ страшно, какъ устойчивая, безповоротная реакція, безпощадно и неуклонно совершающая свое сокрушительное дѣло. Въ первомъ случаѣ, при всей хаотической пестротѣ положенія, возможны и реализуемая оцѣнка и осуществимыя указанія, лишь бы всѣ симптомы эволюціи совершались на глазахъ у всѣхъ, и вотъ почему нельзя не пожалѣть, что оглашавшіеся прежде въ такомъ обиліи факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ вдругъ, почему-то, съ начала 1893 года перестали оглашаться, и надъ этою дѣятельностью временно раскинулся едва проницаемый покровъ. Молчаливый перерывъ закончился къ концу 1894 года, когда, вмѣстѣ съ вѣстями о пересмотрѣ положенія о земскихъ начальникахъ и слухами о занятіяхъ учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, въ періодической печати снова зашла рѣчь о дѣятельности института, на этотъ разъ болѣе откровенная и болѣе рѣшительная: къ частно корреспондирующимъ протестантамъ примкнули и оффиціальныя ходатайства нѣкоторыхъ земствъ и даже дворянскихъ собраній. Какъ и отчего послѣдовалъ этотъ перерывъ,—потому ли, что былыя нарушенія моментально и повсемѣстно прекратились, оттого ли, что затруднилось стороннее наблюденіе, оттого ли, что de mortuis aut bene aut nihil—рѣшить мудрено. Это скажетъ намъ лишь будущій историкъ института. Ему же, объективному изслѣдователю былого, придется констатировать и разъяснить и теперь уже рѣзко обосо-

бившійся между однородными прецедентами фактъ небывалой уступчивости законодательства передъ общественнымъ настроеніемъ среды, проводившимъ тенденціи, совершенно чуждыя уже усвоеннымъ имъ ранѣе и, въ общемъ, еще не поколебленнымъ принципамъ,—уступчивости, въ особенности широкой по отношенію къ данному институту, несмотря на всю несомнѣнность его вулканическаго происхожденія.

Намѣреваясь выяснить въ настоящемъ изложеніи роль и значеніе, которыя занялъ этотъ институтъ въ ряду другихъ учрежденій существующаго государственнаго и общественнаго строя, мы воспользуемся сравнительнымъ методомъ изслѣдованія и въ двухъ направленіяхъ: въ кодификаціонной нормировкѣ функціи и въ ея бытовомъ проявленіи. Кромѣ того, оба направленія мы прослѣдимъ въ параллели, образуемой упраздненнымъ мировымъ судомъ, съ одной стороны, и ставшимъ на его мѣсто преемственнымъ институтомъ—съ другой,—параллели, на этотъ разъ очень удобно и наглядно объясняющей дѣло. Въ такомъ перекрестномъ освѣщеніи эта роль и это значеніе могутъ быть выяснены и опредѣлены не только въ прошломъ и настоящемъ, но и въ своемъ будущемъ.

I.

Не преждевременна ли такая резюмирующая параллель?—спроситъ осторожный читатель. Мировые судьи дѣйствовали безъ малаго четверть вѣка, земскіе же начальники—лишь нѣсколько лѣтъ и на сравнительно меньшей территоріи?

Совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ условія соизмѣряемости опредѣляются не временемъ и пространствомъ, *а сущностью самой организаціи* двухъ соизмѣряемыхъ величинъ. Въ природѣ мы видимъ организмы, для полнаго развитія которыхъ требуются цѣлые годы, и рядомъ съ ними видимъ другіе, процессъ развитія которыхъ совершается и заканчивается въ нѣсколько часовъ, чуть не на нашихъ глазахъ. Сколько лѣтъ нужно, напр., брошенному въ землю жолудю, чтобы изъ него выросъ могучій, вѣтвистый дубъ, а тутъ же подъ нимъ какой-нибудь дождевикъ готовъ въ одну ночь; онъ весь тутъ налицо, созрѣлъ и опредѣлился. Чѣмъ выше и сложнѣе структура организма, тѣмъ большими обладаетъ онъ задатками дальнѣйшаго развитія и тѣмъ продолжительнѣе періодъ этого развитія. До полнаго окончанія этого періода будетъ, конечно, рискованной всякая попытка опредѣлить его судьбу и обозначить его роль; но совершенно инымъ представляется этотъ вопросъ тамъ, гдѣ передъ нами является организмъ пониженный

упрощенный и, какъ вылупленное яичко на ладони, вполнѣ опредѣлившійся.

Такъ стоитъ дѣло въ природѣ. Также стоитъ оно и въ человѣческой культурной эволюціи: выяснить и усвоить себѣ значеніе реформаціоннаго, напр., движенія, предпринятаго Лютеромъ и длившагося цѣлые вѣка, гораздо труднѣе, нежели понять и опредѣлить короткую историческую миссію какого-нибудь отважнаго завоевателя. Приближаясь къ нашей темѣ, мы видимъ, напр., государственно-правовые институты, имѣющіе за собою цѣлую вѣковую литературу, но видимъ и такіе, о которыхъ не сказано и слова. Кто помнитъ, напр., французскихъ судебно-полицейскихъ prévôts de la maréchaussée, подвизавшихся наканунѣ провозглашенія принципа раздѣленія властей судебной и административной и назначавшихся изъ среды арміи и крупнопомѣстнаго дворянства?

Мировой институтъ дѣйствовалъ безъ малаго 25 лѣтъ и, несмотря на то, къ моменту его упраздненія нельзя было съ полной увѣренностью сказать, что циклъ его развитія завершился, что онъ далъ все, чего отъ него ждали, и больше дать уже не можетъ. О достоинствахъ и недостаткахъ института велись горячіе споры, и опредѣлить *точно и добросовѣстно* его значеніе стало возможнымъ *лишь теперь*, когда гордіевъ узелъ страстнаго отношенія къ предмету спора разрубился мечомъ, когда смолкли восторженныя похвалы и неистовыя порицанія, и когда судьба помогла этой задачѣ, пославъ упраздненному институту удобопонятнаго преемника и тѣмъ открывъ дорогу обоюдо-сравнительному наблюденію. Запоздавшею оказалась эта возможность оттого, что институтъ, помимо своей сложной и возвышенной организаціи, обладалъ и необыкновенною живучестью; онъ жилъ своею молодою, еще неуравновѣшенною жизнью и на цѣлую голову былъ выше своихъ сверстниковъ. Живымъ легъ онъ и въ свой неожиданный гробъ; но не совершенъ еще обрядъ полнаго погребенія: мѣстами институтъ живетъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Правда, этихъ оазисовъ оставлено немного; но они—не обломки разрушеннаго зданія, уцѣлѣвшіе среди общаго крушенія и сохранившіе лишь археологическій интересъ, а корни, глубоко засѣвшіе въ землѣ, —корни жизнеспособные,—жизнеспособные до того, что неприкосновенность ихъ оказалось необходимымъ оговорить въ контрактѣ о продажѣ всего остальнаго лѣса на срубъ. Придетъ время, корни эти разростутся и по прежнему зазеленѣетъ яркая молодая поросль тамъ, гдѣ теперь среди засухи и безводія гуляетъ на просторѣ вѣтеръ „личнаго усмотрѣнія“ и распоряжается „властная рука“.

Съ полнымъ, слѣдовательно, основаніемъ старѣйшій изъ мировыхъ судей, покойный предсѣдатель московскаго мирового съѣзда, П. Н. Грековъ, отвѣчая на поднесенный ему юбилейный адресъ, могъ сказать слѣдующія знаменательныя слова: „Пожелаемъ искренно и задушевно, чтобы московскій мировой съѣздъ стоялъ несокрушимо на высотѣ своего призванія, строго охраняя тѣ нравственныя основы, на которыхъ онъ сформировался и укрѣпился, и да будетъ онъ освѣщающимъ путь маякомъ для грядущихъ за нами поколѣній, для которыхъ, *я твердо вѣрю*, наступитъ вновь потребность *въ расширеніи мировой юстиціи на все обширное пространство нашего дорогого отечества*".

Эти „искреннія и задушевныя пожеланія" и эта „твердая вѣра" будутъ рости и крѣпнуть въ обществѣ по мѣрѣ ознакомленія его, посредственно и непосредственно, съ развитіемъ дѣятельности преемниковъ мирового суда—земскихъ начальниковъ и, если эта дѣятельность будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, какое обозначилось съ ея первыхъ шаговъ, то ожидавшаяся почтеннымъ юбиляромъ эра наступитъ гораздо скорѣе. „Мировому институту, сказалъ намъ недавно одинъ весьма компетентный въ вопросѣ юристъ, *нужно было это испытаніе, нуженъ былъ этотъ контрастъ* для того, чтобы общество могло по достоинству оцѣнить то, чего лишилось". Замѣчаніе глубоко вѣрное. Дѣйствительно, пока человѣкъ здоровъ и благополученъ, онъ не чувствуетъ благъ, которыми спокойно пользуется; напротивъ того, онъ становится неравнодушнымъ къ малѣйшему недомоганію, къ малѣйшей непріятности; но измѣняетъ здоровье, расшатывается благополучіе, и онъ *тогда только* всецѣло начинаетъ понимать всю тяжесть утраты, все ничтожество этихъ недомоганій и непріятностей, и какъ бы охотно примирился онъ съ ними теперь, лишь бы вернуть прежнее здоровье, прежнее благополучіе.

Совершенно въ такомъ положеніи чувствуетъ себя пишущій эти строки, вспоминая былую полемику по поводу статьи его о мировомъ институтѣ (см. „Юрид. Вѣстн". 1888 г. №№ 3 и 5). Основныя начала мирового института, въ рядахъ котораго онъ началъ свою судебную дѣятельность и за развитіемъ котораго онъ сдѣдилъ, затѣмъ, въ качествѣ прокурора, до того были близки ему и дороги, что трудно было относиться равнодушно даже и къ второстепеннымъ недочетамъ практики, такъ или иначе искажавшимъ ихъ. Путемъ долгаго и непосредственнаго наблюденія ему нельзя было не убѣдиться, что эти недочеты вызываются съ одной стороны системою назначенія, а съ другой—недостаткомъ юридическаго образо-

ванія. Выходъ изъ затрудненія естественно представлялся въ измѣненіи этой системы и въ повышеніи образовательнаго ценза; предлагались для этого временныя мѣры и ни о какомъ колебаніи основъ института не было и не могло быть и рѣчи. Несмотря на то, реакціонная печать, давно уже эти основы колебавшая, воспользовалась случаемъ, чтобы приписать автору цѣли и стремленія, совершенно чуждыя его задачѣ, и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, выводы его были ошибочно перетолкованы и органами иного направленія.

Но дѣло здѣсь не въ этомъ, и если мы сочли нужнымъ вспомнить о былой полемикѣ, то сдѣлали это, главнымъ образомъ, для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ пристрастіи нашемъ къ мировому институту въ разсматриваемой здѣсь параллели. На ясномъ еще тогда общественномъ горизонтѣ каждое облачко вызывало невольную тревогу; отъ мировой юстиціи, какъ это оказывается теперь, мы требовали слишкомъ многаго и спѣшили поправить то, что современемъ могло бы устраниться само собою, безъ ломки и новеллъ. Но какими ничтожными кажутся намъ эти недочеты въ настоящее время, когда не проходитъ дня, чтобы не пришлось читать или слышать о такихъ явленіяхъ, которымъ вѣришь только потому, что они скрѣплены судебными приговорами, разсказаны лицами, въ правдивости которыхъ не возникаетъ никакого сомнѣнія, или сообщены печатью и никѣмъ и ничѣмъ не опровергнуты.

Кто изъ мировыхъ судей отважился бы, напр., явившись въ нетрезвомъ видѣ на пожаръ, избить и изругать при народѣ священника съ дарами на груди?

Кто изъ нихъ рѣшился бы грозить полицейскимъ городовымъ „бить морды“, если не будутъ ему дѣлать подъ козырекъ?

У кого бы изъ нихъ хватило духу обѣщать сельскому сходу перебить половину собравшихся на немъ „сельскихъ обывателей“, если они вздумаютъ обращаться съ жалобами и прошеніями?

Кто изъ нихъ рѣшился бы объявлять, и также всенародно, на сельскомъ сходѣ, что „каждый, совершившій похищеніе или не уважающій родителей, будетъ имъ жестоко битъ до суда“?

Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ ударить человѣка только за то, что тотъ, не замѣтивъ его, не снялъ предъ нимъ шапки?

Кто изъ нихъ рискнулъ бы брать людей подъ стражу безъ всякаго соблюденія установленныхъ для сего правилъ?

Кто изъ нихъ давалъ бы свою санкцію волостнымъ судамъ

приговаривать къ тѣлесному наказанію неоплатныхъ должниковъ фиска?

Кому изъ нихъ могло бы придти въ голову и исполниться въ „мѣропріятіи“ мысль поощрять земледѣліе путемъ уголовной репрессіи, или, наоборотъ, запрещать крестьянамъ своего участка всякія культурныя его улучшенія?

Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ на цѣлую недѣлю арестовать человѣка только за то, что онъ, по обязанности сельскаго старосты, донесъ начальству объ умиравшей съ голоду деревнѣ и, кромѣ того, жаловаться на священника, также заступившагося за голодающихъ своихъ прихожанъ?

Кто изъ нихъ могъ бы оказаться героемъ пресловутой Лукояновской эпопеи?

Кто изъ нихъ позволилъ бы себѣ „тыкать“ на судоговореніи, или обязывать непривилегированнаго обывателя снимать шапку предъ привилегированнымъ? [1])

И т. д., и т. д., и т. д...

Возможно ли было, затѣмъ, встрѣтить въ мировомъ судопроизводствѣ то „безграничное довѣріе къ голословно-заявленнымъ обвиненіямъ или исковымъ требованіямъ, ту безусловную вѣру въ показанія землевладѣльца-обвинителя, или его прислуги, хотя бы опровергаемыя другими доказательствами дѣла, ту необъяснимую ретивость въ охранѣ владѣльческихъ интересовъ во что бы ни стало, ту безцеремонность въ обращеніи съ закономъ“,—всѣ эти огульныя, характерныя черты и бьющія въ глаза свойства новаго „опрощеннаго судоговоренія“, полусудебнаго-полуадминистративнаго? Возможно ли было въ этомъ, нынѣ упраздненномъ, судопроизводствѣ встрѣтить такія дѣла, какъ, напр., о крестьянкѣ Е—вой, приговоренной ко взысканію въ 42 р. только за то, что она везла свой собственный лѣсъ по дорогѣ, ведущей въ господскую рощу; о крестьянинѣ Ч—вѣ, присужденномъ къ трехмѣсячному аресту за несуществующую порубку; о крестьянахъ С. и М. Б—хъ, присужденныхъ къ двухнедѣльному аресту, благодаря тому, что уединенную помѣщичью усадьбу судья квалифицировалъ „публичнымъ мѣстомъ“; о крестьянинѣ П—вѣ, рисковавшемъ десятидневнымъ арестомъ за заочную и, слѣдовательно, ненаказуемую брань; о крестьянахъ П—вѣ и С—вѣ, приговоренныхъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за „дѣяніе“, въ которомъ послѣ

[1]) „Русск. Вѣд.“, „Церковный Вѣстникъ“. „Юрид. Вѣстникъ“, „Журналъ Гражд. и Угол. Права“, „Недѣля“. „Новое Время“ и др.

двукратнаго въ двухъ судахъ разсмотрѣнія дѣла не было обнаружено и тѣни какой-либо преступности; о сельскомъ обществѣ деревни И—вой, присужденной ко взысканію 135 р. за потраву на нанятой ими для пастьбы своего скота землѣ—и т. д.

Въ этомъ скорбномъ перечнѣ мы взяли на выдержку лишь нѣсколько характеризующихъ положеніе дѣла фактовъ, констатированныхъ судебными приговорами, напечатанными или въ публичныхъ засѣданіяхъ объявленными; о массѣ подобныхъ же и еще болѣе удивительныхъ фактовъ, циркулирующихъ въ устной передачѣ, мы, по весьма понятнымъ причинамъ, здѣсь совершенно умалчиваемъ, хотя бы и они отличались тою же несомнѣнною достовѣрностью. И, все-таки, все это—лишь ничтожная, микроскопическая доля наличнаго статистическаго матеріала, доступнаго, какъ это всѣмъ извѣстно, лишь случайному и частичному обнаруженію: извѣстно, какъ относятся земскіе начальники къ попыткамъ обжалованія своихъ рѣшеній и приговоровъ; извѣстно, какими тяжелыми условіями обставлено это право въ нашей деревенской, безграмотной и неимущей средѣ; извѣстно, наконецъ, какъ трудно какое бы то ни было постороннее наблюденіе за ея правовою жизнію. Поэтому, въ данномъ случаѣ, передъ нами—лишь невысокія, видимыя съ берега волны морского прибоя, по которымъ безошибочно заключаютъ о высотѣ волненія въ открытомъ, съ этого берега невидимомъ „окіянъ-морѣ“ и тѣхъ безчисленныхъ кораблекрушеніяхъ, жертвахъ и аваріяхъ, которыя скрыты въ его бездонныхъ пучинахъ.

II.

Но и эти невысокія, замѣтныя лишь съ берега волны морского прибоя долгое время, какъ это было указано выше, прикрывались непроницаемымъ слоемъ берегового льда, на которомъ виднѣлись лишь любители зимняго спорта—конькобѣжцы, выписывающіе замысловатые вензеля по гладкой поверхности застывшаго моря. Но прошла зима, повѣяло тепломъ, ледъ растаялъ, и снова показались волны.

Трудно передать все обиліе и разнообразіе этихъ новыхъ „даровъ моря“, и мы остановимся лишь на болѣе типичныхъ образцахъ.

Законъ предоставляетъ земскимъ начальникамъ широкую и дискреціонную на практикѣ власть надъ крестьянскимъ волостнымъ и сельскимъ „самоуправленіемъ“; какъ этою властью воспользовались блюстители—видно изъ циркуляра мин. вн. дѣлъ, еще въ 1891 году указавшаго имъ, что наблюденіе въ данномъ случаѣ должно ограничиваться охраною правъ отдѣльныхъ лицъ

отъ нарушеній ихъ мірскими приговорами и заботою о томъ, чтобы эти приговоры представляли собою выраженіе воли большинства членовъ схода. Циркуляръ, какъ и всѣ циркуляры, былъ прочитанъ и „подшитъ къ наряду“; но практика отъ этого ничуть не измѣнилась, и однимъ изъ послѣдствій такого порядка явилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чрезмѣрное увеличеніе мірскихъ повинностей. „Какъ ни трудно проникаютъ въ печать (читаемъ мы въ „Р. Вѣд.“ № 348) свѣдѣнія о дѣятельности земскихъ начальниковъ въ этой сферѣ, однако, въ разное время оглашено въ газетахъ не мало весьма поучительныхъ фактовъ. То у земскаго начальника проявляется особенная наклонность къ противопожарнымъ мѣрамъ: въ участкѣ возникаютъ сторожевые пункты, на которыхъ крестьяне по очереди должны дежурить и наблюдать, не появится ли гдѣ зарево; то земскій начальникъ рѣшитъ, что волостныя правленія должны быть размѣщены въ огромныхъ зданіяхъ спеціально измышленной архитектуры,—и зданія воздвигаются, конечно, на крестьянскій общественный счетъ; бываетъ, что земскому начальнику покажется полезнымъ организовать нѣчто въ родѣ обязательныхъ общественныхъ работъ, и вотъ производится заемъ на нужды волости, покупается большая партія лѣса, и крестьяне, повинуясь приказу, выставляютъ подводы и рабочихъ для выполненія замысла земскаго начальника; въ другомъ мѣстѣ обнаруживается непомѣрное усердіе въ исправленіи дорогъ,—цѣлыя недѣли въ іюлѣ мѣсяцѣ выдерживаются крестьяне на дорогахъ, и, когда, ссылаясь на тяжелое и крайне нужное для хозяйства время, они просятъ отсрочить поправку дорогъ до осени, то цѣлыя селенія подвергаются трехдневному аресту—и т. д.

Такимъ образомъ, возлагаются на общества и сходы совершенно не узаконенныя обязанности, а законныя ихъ права, какъ, наприм., выборъ должностныхъ лицъ, попираются: „Въ одномъ изъ волостныхъ правленій—сообщаетъ газета „Волгарь“—былъ собранъ сходъ для выбора старшины за окончаніемъ срока службы состоявшаго на этой должности крестьянина М. На выборы прибылъ мѣстный земскій начальникъ, который и предложилъ сходу избрать М. и на новый срокъ. Крестьяне съ своей стороны указали другихъ кандидатовъ, а избрать М. отказались положительно. Долго шли пререканія между сходомъ и земскимъ начальникомъ, который, въ концѣ концовъ, распустилъ сходъ и уѣхалъ домой, обѣщаясь прибыть въ другой разъ. Теперь крестьяне находятся въ большомъ затрудненіи: прежняго старшину избрать имъ не хочется, а дѣлать вопреки желанію земскаго начальника неудобно“.

„Одинъ мужикъ—читаемъ мы въ газетѣ „Недѣля“—по разсѣянности, или вслѣдствіе нѣкотораго опьяненія, не поклонился земскому начальнику Нижегородскаго уѣзда г. Михайлову на базарной площади въ селѣ Полецахъ. Михайловъ тростью сшибъ шапку съ мужика и, кромѣ того, ударилъ его кулакомъ. Мужикъ, съ свою очередь, началъ ругаться и толкнулъ земскаго начальника; тотъ приказалъ сотскимъ отвести мужика на конюшню и тамъ его „хорошенько выдрать“. Губернское присутствіе представило министру внутреннихъ дѣлъ о преданіи г. Михайлова суду. Состоялось ли это преданіе—неизвѣстно, но въ газетахъ появилось слѣдующее краткое извѣстіе: приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ земскій начальникъ 5 уч. Нижегородскаго уѣзда, отставной поручикъ Михайловъ, уволенъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы въ отставку.“

По поводу этого факта „Вѣстн. Европы“ указываетъ на необходимость устранить самый источникъ, изъ котораго вытекаетъ непрерывный рядъ возмутительныхъ беззаконій. Этотъ источникъ—неправильное представленіе съ одной стороны о власти, какъ объ орудіи обузданія массы per fas et nefas, съ другой стороны—о народѣ, какъ объ объектѣ подтягиванья и грубѣйшихъ формъ примитивной расправы. Пока тѣлесныя наказанія входятъ въ кругъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ, широко примѣняемыхъ всѣми органами мѣстной администраціи, начиная съ низшихъ—волостныхъ судовъ и до высшихъ—губернаторовъ, до тѣхъ поръ они неизбѣжно будутъ проникать и въ частныя отношенія между лицами властными и безвластными, извращая всѣ понятія о правѣ, подрывая въ корнѣ уваженіе къ человѣческой личности и накопляя раздраженіе *тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ меньше оно выступаетъ наружу.*

Въ той же газетѣ „Недѣля“ мы находимъ слѣдующую корреспонденцію изъ Аткарскаго уѣзда: „Въ здѣшней мѣстности пользуется огромнымъ вліяніемъ земскій начальникъ г. Б. Къ сожалѣнію, это вліяніе далеко не благотворное. Въ январѣ приходится крестьянамъ платить подати. Денегъ нѣтъ и продать нечего. Крестьяне идутъ къ г-ну Б. и просятъ у него взаймы подъ лѣтнюю работу. Даетъ онъ деньги при такихъ условіяхъ, благодаря которымъ получаетъ на свой капиталъ до пятисотъ % годовыхъ. Если г-ну Б. не хватаетъ такихъ злополучныхъ должниковъ, чтобы убрать весь посѣвъ, онъ сзываетъ „помочь“. И идутъ всѣ на „помочь“, потому что по опыту знаютъ, какъ плохо придется тому, кто укло-

нится отъ работы. Время горячее—лучше проработать даромъ день, чѣмъ просидѣть три".

Далѣе тотъ же корреспондентъ сообщаетъ: „Въ прошломъ году осенью вздумалъ г. Б. съ пріятелями устроить облаву на волковъ. По всей Лысогорской волости былъ отданъ приказъ, чтобы въ назначенный день и часъ на эту облаву изъ каждаго дома явился одинъ человѣкъ. Сборнымъ пунктомъ было назначено мѣсто около моста черезъ р. Медвѣдицу у Лысыхъ Горъ. Съ ранняго утра началъ стекаться народъ. Старшина и писарь стояли на мосту и отмѣчали прибывшихъ по спискамъ. Всѣ неявившіеся были оштрафованы на 1 р. (интересно знать—въ чью пользу?). Затѣмъ явилась кавалькада охотниковъ во главѣ съ г. Б., и вся собравшаяся орава, человѣкъ въ 500, была направлена въ лѣсъ. Цѣлый день эта орава бродила, голодная, по лѣсу, но не выгнала ни одного волка. Раздраженные неудачей охотники приписали это нерадивости облавщиковъ и собственноручно угощали зуботычинами и нагайками тѣхъ, которымъ приходила дерзкая мысль сѣсть и отдохнуть."

Опуская длинный рядъ болѣе или менѣе печальныхъ столкновеній по поводу неснимaнія шапокъ—предметъ особенной заботливости попечительнаго начальства,—мы приведемъ одинъ подобный инцидентъ, въ которомъ виновнымъ оказался пятилѣтній ребенокъ, а наказаннымъ—его отецъ. Подъѣзжаетъ земскій начальникъ къ околицѣ; мальчикъ бѣжитъ, чтобы отворить ее, и, такъ какъ обѣ руки у него заняты, шапки че снимаетъ. Земскій начальникъ, въѣхавъ въ околицу, останавливается, подзываетъ мальчика и спрашиваетъ, какъ смѣлъ онъ не снять передъ нимъ шапки? Мальчикъ отвѣчаетъ, что не зналъ, что это требуется.—„Позови отца!"—Приходитъ отецъ.—„Чему ты, такой сякой, учишь своего сына? Подъ арестъ на три дня!..." И приговоръ, какъ это заведено, тотчасъ же приводится въ исполненіе.

Помимо цѣлой коллекціи фотографическихъ карточекъ съ обозначеніемъ именъ, отчествъ, фамилій и мѣстожительства оригиналовъ, имѣюся и общія группы на фонѣ пейзажа съ весьма широкими перспективами. Такъ г. Ромеръ въ „Новомъ Времени" пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я, конечно, очень хорошо помню, что, создавая институтъ земскихъ начальниковъ, правительство надѣялось обрѣсти въ нихъ истинныхъ хозяевъ своего участка, людей, которые будутъ поддерживать общественный порядокъ властною рукой, но, не ограничиваясь этимъ, съумѣютъ вникнуть и въ хозяйственныя обстоя-

тельства ввѣреннаго имъ крестьянства. Да, я хорошо помню эту радужную идиллію медоваго мѣсяца гг. земскихъ начальниковъ, сочиненную въ Петербургѣ; помню и озабоченное покачиваніе головами мѣстныхъ пророковъ провинціи, обрѣтавшихся далеко не въ столь розовомъ настроеніи... Въ самомъ дѣлѣ, земскими начальниками, за весьма рѣдкими исключеніями, состоятъ либо (въ лучшемъ случаѣ) землевладѣльцы съ подорванными средствами, либо даже неизвѣстно откуда появившіеся офицеры. Мудрено ли, что въ крестьянствѣ утвердилось убѣжденіе, будто „настоящій, стоющій баринъ" въ земскіе не пойдетъ? Я живу въ уѣздѣ, который по личному составу земскихъ начальниковъ находится въ исключительно счастливомъ положеніи: трое изъ нихъ мѣстные землевладѣльцы съ университетскимъ образованіемъ, а четвертый чуть ли не двадцать лѣтъ сряду служилъ непремѣннымъ членомъ и, разумѣется, тоже землевладѣлецъ. Поищите, много ли такихъ уѣздовъ въ имперіи!.. Однако, я вынужденъ засвидѣтельствовать по совѣсти, что, даже и при такомъ составѣ ближайшаго начальства, крестьянское благосостояніе въ уѣздѣ не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ, а, напротивъ, замѣчается даже какъ бы обратное движеніе; да и вообще, особенныхъ похвалъ новымъ порядкамъ я ни отъ одного крестьянина—буквально ни отъ одного—не слыхивалъ. Что же происходитъ въ другихъ уѣздахъ, менѣе счастливо обставленныхъ? Я не позволю себѣ передавать здѣсь сотни печальнѣйшихъ фактовъ, которые мнѣ, подобно всякому другому, приводилось слышать отъ обывателей того или другого изъ уѣздовъ. Это матеріалъ сырой и непровѣренный. Но я приведу нѣсколько характерныхъ примѣровъ, несомнѣнность которыхъ удостовѣрена либо оффиціальными фактами, либо печатью, либо, наконецъ, лицами, безспорно заслуживающими довѣрія. Существуетъ циркуляръ одного изъ гг. земскихъ начальниковъ, которымъ предписывается волостнымъ правленіямъ наблюдать, чтобы каждый крестьянинъ, *даже ѣдущій съ нагруженнымъ возомъ*, при встрѣчѣ съ землевладѣльцемъ, *свернулъ бы въ сторону*, всталъ, снялъ шапку и проводилъ бы встрѣченную особу глазами... Губернскій гласный, землевладѣлецъ и врачъ П. Н. Пущинъ разсказалъ цѣлой земской комиссіи, что въ самый разгаръ холерной эпидеміи одинъ земскій начальникъ, прямо вопреки закону, своею властью разрѣшилъ крестьянамъ мочить пеньку въ рѣкахъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ чего было 19 заболѣваній холерой, констатированныхъ врачемъ. Предсѣдатель орловской земской управы В. Н. Телѣгинъ свидѣтельствуетъ, что въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по раздачѣ пособій въ неуро-

жайный годъ, когда зашла рѣчь о какомъ-то попорченномъ хлѣбѣ, которымъ брезгали даже голодающіе, г. земскій начальникъ упорно отстаивалъ этотъ хлѣбъ съ тѣмъ только, чтобы предложить его голодающимъ непремѣнно въ видѣ муки. Настойчивость защиты произвела даже нѣкоторое удивленіе въ комиссіи... Хотя потомъ разъяснилось, что г. земскій начальникъ арендуетъ нѣсколько мельницъ. Двое гг. земскихъ начальниковъ въ той же губерніи вынуждены были оставить службу, такъ какъ супруги ихъ открыли по питейному заведенію. Даже такая прекрасная мѣра, какъ устройство учебныхъ садиковъ при народныхъ училищахъ, благодаря хозяйственной умѣлости гг. земскихъ начальниковъ, успѣла *озлобить* населеніе и это гдѣ же?—въ Корочанскомъ уѣздѣ, гдѣ сады приносятъ по тысячѣ и по двѣ годового дохода..." Всѣ разсказанные факты, по словамъ г. Ромера, *отнюдь не особенно рѣдки или исключительны, а, напротивъ, принадлежатъ къ числу явленій достаточно заурядныхъ*. Замѣчательно въ особенности то, что факты эти сообщены очень осторожнымъ авторомъ—*землевладѣльцемъ* и напечатаны въ неменѣе осторожной газетѣ, къ новому институту вообще и очень еще недавно крайне благосклонной.

Благодѣтельный процессъ разочарованія идетъ быстрыми шагами, охватывая собою все новыя и новыя, иногда совсѣмъ неожиданныя сферы. „Одинъ изъ предводителей дворянства", разсуждая на страницахъ того же „Новаго Времени" о несовершенствахъ института и *„неудачныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ"*, объясняетъ бѣду тѣмъ, что въ Положеніи 12 іюня 1889 г. „очень много неяснаго, недоговореннаго, а разъясненіе закона идетъ крайне медленно, отчасти потому, что дѣятельность сената по этимъ вопросамъ сокращена до минимума, отчасти же вслѣдствіе того, что этимъ дѣломъ занято не одно, а два министерства. При такихъ условіяхъ, даже люди, прежде съ успѣхомъ исполнявшіе свои обязанности, точно закономъ опредѣленныя, напр., бывшіе мировые судьи, попавъ въ земскіе начальники, дѣйствуютъ ощупью, вразбродъ, произвольно толкуя свои права и основываясь сплошь и рядомъ не на законѣ, а на авторитетѣ, на личномъ усмотрѣніи; это порождаетъ массу разнорѣчій не только въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, но, къ несчастью, и въ двухъ сосѣднихъ участкахъ, несомнѣнно умножая ошибки „земскихъ начальниковъ и *возбуждая въ населеніи недовѣріе къ ихъ компетенціи*. Но изъ прежнихъ дѣятелей мирового суда вступили въ должность земскихъ начальниковъ очень немногіе. Пришлось заполнить вакантныя мѣста пришлымъ элементомъ, лицами, *не имѣющими даже ясного по-*

нятія, въ чемъ именно состоятъ ихъ главнѣйшія обязанности, какъ за нихъ слѣдуетъ приниматься, и не знающими ни быта, ни нуждъ участка. Они подпадали всецѣло или подъ вліяніе „Гражданина“, или, что еще хуже, подъ вліяніе своихъ писарей и слишкомъ увлекались своими личными взглядами и вкусами“.

Гжатскій предводитель дворянства въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ дворянское собраніе, указывая на недостатки въ томъ же законѣ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Близко стоя къ дѣлу судебно-административныхъ учрежденій со дня ихъ открытія, въ виду тѣхъ укоровъ, которые раздаются по ихъ адресу, я рѣшаюсь утверждать, что, помимо условій, лежащихъ внѣ воли дворянства и его представителей, извѣстная доля неуспѣха въ дѣятельности названныхъ учрежденій должна быть приписана недостаткамъ дѣйствующаго закона“. Недостатки эти г. предводитель видитъ: 1) въ отсутствіи самостоятельности, необходимой въ должности, связанной съ выполненіемъ судебныхъ функцій, 2) въ полной зависимости земскихъ начальниковъ отъ администраціи, 3) въ массѣ сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, возложенныхъ на земскихъ начальниковъ, и лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ затрудненій считаетъ возстановленіе должности прежняго мирового судьи. Другую причину непорядковъ г. предводитель видитъ въ замѣнѣ кассаціонныхъ деп. сената губернскими присутствіями. „Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, что эти учрежденія далеко не пользуются необходимымъ имъ авторитетомъ, а нѣкоторыя ихъ рѣшенія порождаютъ даже серьезныя недоразумѣнія. Можно бы привести случаи, когда губернское присутствіе по самымъ элементарнымъ вопросамъ впадало въ существенныя ошибки, игнорируя, напримѣръ, такое различіе, какъ различіе приговоровъ и рѣшеній“. Въ заключеніе г. предводитель высказываетъ убѣжденіе, что для того, чтобы „дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“, необходимо *коренное измѣненіе законоположеній 1889 года.* Дворянское собраніе постановило представить докладъ на усмотрѣніе министра юстиціи („Русск. Вѣд.“ дек. 1894 г.).

Просуществовавъ мирно, и даже въ нѣкоторомъ родѣ торжественно, пять лѣтъ, институтъ земскихъ начальниковъ, очевидно, находится наканунѣ если не окончательнаго крушенія, то, во всякомъ случаѣ, значительной трансформаціи: уже объявленъ пересмотръ законоположеній 1889 года, а учрежденная при министерствѣ юстиціи комиссія приступаетъ къ разрѣшенію капитальнаго вопроса о передачѣ судебной функціи изъ среды административныхъ учрежденій въ надлежащее, родное ей мѣсто.

Какъ бы предчувствуя „начало конца", члены переживающаго свой кризисъ института усердствуютъ совсѣмъ уже не въ мѣру, чтобы удержаться на своихъ позиціяхъ,—усердствуютъ все въ томъ же направленіи, все тѣми же пріемами и мѣропріятіями, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что, одинъ за другимъ, начинаютъ отворачиваться отъ нихъ ихъ же вѣрные, еще вчерашніе друзья.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи характеренъ „циркуляръ" одного изъ тульскихъ земскихъ начальниковъ, разосланный имъ всѣмъ землевладѣльцамъ своего участка и опубликованный въ „Гражданинѣ".

Задавшись цѣлью сразу угодить и казнѣ и помѣщикамъ, этотъ администраторъ-судья, не стѣсняясь, по обыкновенію, существующими узаконеніями, изобрѣлъ новый способъ взысканія недоимокъ. Способъ заключается въ томъ, чтобы землевладѣльцы не выдавали своимъ рабочимъ денегъ на руки и вручали бы ихъ нарочито для того приглашаемымъ волостнымъ и сельскимъ властямъ въ уплату недоимокъ. Въ заключеніе авторъ циркуляра беретъ на себя обязательство самаго предупредительнаго содѣйствія землевладѣльцамъ, желающимъ послѣдовать его совѣтамъ. „Съ своей же стороны, говоритъ онъ, я, какъ земскій начальникъ, ручаюсь господамъ землевладѣльцамъ за то, что я заставлю рабочихъ работать такъ, какъ слѣдуетъ, и прошу, въ случаѣ какихъ-нибудь упущеній со стороны ближайшихъ властей, обращаться ко мнѣ съ жалобами во всякое время на бездѣйствующія власти, съ которыхъ мною будетъ строго взыскиваться. Причемъ присовокупляю, что для приведенія въ дѣйствіе предлагаемаго мною правила относительно возбужденія отъ спячки населенія, необходима строгая солидарность всѣхъ гг. землевладѣльцевъ".

„Вотъ примѣръ—замѣчаютъ по этому поводу „Русск. Вѣдомости"—до чего можетъ дойти произволъ чиновника, предѣлы власти котораго надъ населеніемъ точно не ограничены и который дѣйствуетъ, притомъ, фактически безконтрольно. Удастся-ли или не удастся земскому начальнику его планъ, во всякомъ случаѣ, уже самый фактъ появленія на свѣтъ циркуляра подобнаго рода весьма характеренъ для института земскихъ начальниковъ, имѣющихъ полную возможность продѣлывать такіе эксперименты и безъ огласки, не вынося сора изъ избы". Но что всего интереснѣе въ этомъ „циркулярѣ"—это то, что онъ уже въ самомъ себѣ носитъ всѣ задатки несомнѣннѣйшей безплодности: явивъ настроеніе и систему автора, онъ самоуничтожается въ чаемыхъ имъ послѣд-

ствіяхъ своихъ, такъ какъ никто изъ крестьянъ, конечно, не пойдетъ работать, зная, что заработки отъ него отберутъ; чрезвычайно странно и то, что исходъ этотъ, казалось бы, представлялся неизбѣжнымъ и для самого автора, заявившаго въ началѣ своего циркуляра, что онъ „по опыту убѣдился въ нежеланіи распущеннаго крестьянства зарабатывать что-либо свыше того, что необходимо для годового личнаго прожитія, а объ уплатѣ повинностей оно не желаетъ и думать"...

Въ данномъ случаѣ мы видимъ какое-то безтолковое заискиваніе передъ казной и помѣщиками,—заискиваніе вплоть до готовности превратиться въ дарового приказчика вотчинной экономіи, чтобы посредствомъ даровыхъ же выборныхъ крестьянскихъ властей смотрѣть за исправностью работъ въ этой экономіи. А вотъ и другіе, еще болѣе опрощенные пріемы въ той же цѣли заявить свое усердіе и свою энергію, сообщаемые газетою „Недѣля" изъ Тульской и Нижегородской губерній.

Купецъ Вознесенскій, проигравшій поземельную тяжбу съ сосѣдними крестьянами, задумалъ доѣхать ихъ „не мытьемъ, такъ катаньемъ", и „нашелъ въ этомъ опору въ лицѣ земскаго начальника Миллера. Въ прошломъ году г. Миллеръ избилъ мѣстнаго крестьянина Воробьева, и слѣдствіе подтвердило фактъ побоевъ; за это земскій начальникъ получилъ строгій выговоръ, что произвело благотворное впечатлѣніе на всю округу: крестьяне видѣли, что кулачная расправа не поощряется. Но недавно тотъ же земскій начальникъ вызвалъ къ себѣ въ камеру сельскаго старосту д. Козловки (сосѣдей Вознесенскаго), Грибкова, и избилъ его жестоко по лицу, приговаривая, что бьетъ его за то, что мужики не живутъ мирно съ помѣщикомъ".

Другое сообщеніе касается земскаго начальника Лаубе, преемника того Михайлова, который „собственною властью выпоролъ мужика на конюшнѣ". „Лаубе — пишетъ корреспондентъ — сразу началъ всѣми средствами наводить страхъ на всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ. Мужики пріуныли, но терпѣливо переносили всѣ строгости. Но Лаубе казалось, что мужики сопротивляются, бунтуютъ, не признаютъ его власти. Онъ зарядилъ ружье и отправился стрѣлять „своихъ" крестьянъ. „Ввѣренные" крестьяне увидали, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и бросились, куда кто могъ. Земскій начальникъ ихъ преслѣдовалъ, стрѣлялъ, но, къ счастью, безуспѣшно. Началось разслѣдованіе, которое показало, по словамъ газеты „Волгарь", психическое разстройство земскаго начальника".

Усердіе, возведенное на степень умопомѣшательства,—что же

ѣще надо!.. Впрочемъ, врядъ-ли это и умопомѣшательство: стрѣльба по обывателю,—на нашъ взглядъ по крайней мѣрѣ,—является въ данномъ случаѣ лишь предѣльнымъ эволюціоннымъ пунктомъ, логическимъ послѣдствіемъ, вѣнцомъ, такъ сказать, всей той системы, яркимъ и нагляднымъ выраженіемъ которой служатъ вышеприведенные нами факты.

Если мы теперь бросимъ общій взглядъ на физіономію института, какъ обрисовывается она въ сообщеніяхъ прессы *всѣхъ оттѣнковъ и направленій*, то получимъ слѣдующія ея основныя черты: безпредѣльность „личнаго усмотрѣнія", какъ главный масштабъ рѣшеній и мѣропріятій, полная, умышленно-предвзятая и откровенная невнимательность къ закону (избираемъ самыя сдержанныя выраженія), охрана лишь землевладѣльческихъ интересовъ во что бы то ни стало и „попечительство" надъ крестьянами, выражающееся только муштрованіемъ, насильственнымъ введеніемъ необязательнаго, запретами невоспрещеннаго и, наконецъ, широкая эксплоатація судебной розги и административныхъ заушеній. Эта физіономія является строго выдержанною въ одномъ и томъ же стилѣ во всѣхъ органахъ печати, съ тою лишь разницею, что одни изъ нихъ стиль этотъ порицаютъ, а другіе восхваляютъ, *фактъ же остается всюду и всегда одинъ и тотъ же*. Напрасно будемъ искать здѣсь какого-либо противоположенія или смягченія: взору наблюдателя не надъ чѣмъ отдохнуть, не надъ чѣмъ развлечься, нѣтъ исключеній, даже тѣхъ, которыя зовутся „счастливыми" и „рѣдкими". И это понятно: должность обставлена условіями, при которыхъ свѣтлыя личныя качества парализуются и сводятся въ общемъ итогѣ къ нулю. Въ лучшемъ случаѣ они выражаются лишь отрицательно: не дерется, мужика не тѣснитъ, надъ нимъ не мудруетъ, кабаковъ не держитъ, по народу не стрѣляетъ и т. п.

III.

Такова хроника, обнимающая собою очень незначительный сравнительно періодъ времени—всего *пять* лѣтъ. Ничего подобнаго не найдемъ мы въ упраздненномъ институтѣ мирового суда, дѣйствовавшаго *двадцать пять* лѣтъ.

Глубокій и просвѣщенный знатокъ нашего судебнаго дѣла, оберъ-прокуроръ сената А. Ф. Кони, наблюдавшій дѣятельность этого института съ высоты учрежденія, которому принадлежитъ

„надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ имперіи“ (Учр. Суд. Уст. ст. 249), упоминая въ своей рѣчи, произнесенной въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, о „промахахъ и увлеченіяхъ мировой юстиціи“, могъ сказать *лишь слѣдующія слова*: „Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали преюдиціальные вопросы; наконецъ, вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, въ голову; случаи послѣдняго рода имѣли свою комическую сторону и, во всякомъ случаѣ, не обнаруживали дурного намѣренія,—es war nicht bös'gemeint! Но на-ряду съ этими *единичными* явленіями—общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры *не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія*, *но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству*“. Такъ начинали мировые судьи свою дѣятельность; такъ и продолжали ее: слѣдя за нею въ теченіе 25 лѣтъ въ трехъ судебныхъ округахъ, имѣя массу знакомыхъ сослуживцевъ въ другихъ, пишущему эти строки ни разу не приходилось видѣть или слышать что-нибудь подобное „дѣяніямъ“ и „мѣропріятіямъ“, заявившимся съ первыхъ же шаговъ преемственнаго института. И это—не „промахи и увлеченія, имѣющіе свою комическую сторону“, неразлучные съ новизною начинаемаго дѣла и потомъ сглаживаемые его дальнѣйшимъ развитіемъ. Далеко нѣтъ! Это—*система*, *направленіе*, *миссія*, предсказывающія будущее. Это—не первые, нетвердые шаги робкаго почина, а каменная поступь сорвавшейся съ кладбища статуи, смутившая безстрашнаго Донъ-Жуана, не ожидавшаго, что приглашеніе будетъ принято, а пиръ окажется послѣднимъ. Холодомъ могильнаго мрамора, а не „игрой молодого вина“ вѣетъ отъ этихъ „первыхъ шаговъ“, не „комедія“, а драма на этотъ разъ передъ нами, и то нѣмецкое изреченіе, которымъ такъ вѣрно охарактеризовалъ ораторъ „промахи и увлеченія“ мировыхъ судей, въ „дѣяніямъ“ и „мѣропріятіямъ“ ихъ преемниковъ, приложимо лишь въ своемъ обратномъ *положительномъ* смыслѣ.

Отчего же объ этихъ дѣяніяхъ и мѣропріятіяхъ не было ни слуху, ни духу въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій,—дѣятельности, отправляемой, по извѣстному выраженію бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова, „*подъ стекляннымъ колпакомъ*“, въ которомъ малѣйшая неисправность бросалась въ глаза каждому, ихъ имѣющему? Отчего мы не слышимъ ничего подобнаго о другихъ *болѣе близкихъ* преемникахъ мирового суда—объ уѣздныхъ членахъ окружныхъ судовъ и о городскихъ

судьяхъ? Отчего *теперь только* этими дѣяніями и мѣропріятіями пестрятъ газетные столбцы, журнальныя страницы и изобилуютъ устныя сообщенія? Отчего та фракція нашего общественнаго мнѣнія, которая такъ горячо привѣтствовала новый преемственный институтъ и такъ злобно относилась къ его предшественнику, ставя ему „всякое лыко въ строку", отчего эта фракція, при всемъ такомъ стремленіи, не могла выставить противъ мировыхъ судей ничего сколько-нибудь подобнаго фактамъ, которыми полны едва начатыя лѣтописи ихъ преемниковъ, и ограничивалась лишь злобствующимъ глумленіемъ, или наускиваніями по поводу того, напр., что мировые судьи говорятъ съ подсудимыми на „вы", ставятъ „на одну доску" барина съ мужикомъ, требуютъ доказательствъ и не вѣрятъ „благородному слову дворянина"? Отчего такое порицаніе звучитъ похвалою въ озлобленныхъ устахъ? Отчего ни единымъ изъ подобныхъ фактовъ не грѣшила дѣятельность мировыхъ посредниковъ—этого прототипа новаго учрежденія?.. Отчего все это?

Никто еще не задавалъ себѣ подобныхъ, вопросовъ, а они чрезвычайно важны и чрезвычайно во всѣхъ отношеніяхъ интересны. Въ ихъ рѣшеніи мы найдемъ вѣрный критерій общественно-правового самосознанія, переживаемаго въ данный моментъ, выяснимъ себѣ все великое значеніе упраздненнаго института и увидимъ огни того „освѣщающаго путь маяка", о которомъ говорилъ П. Н. Грековъ на своемъ юбилеѣ.

„Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто",—это правда. Но не менѣе правда и то, что бываютъ такія мѣста, на которыхъ заурядный человѣкъ можетъ оказаться красавцемъ, и такія, на которыхъ самый красивый человѣкъ окажется уродомъ. Поставьте прекраснѣйшее изъ художественныхъ произведеній, картину или изваяніе, въ невыгодномъ для него освѣщеніи, возведите зданіе Кельнскаго, напр., собора на тѣсной, застроенной площадкѣ, и они потеряютъ половину своей прелести; условія свѣта и обстановки въ этихъ случаяхъ составляютъ необходимую, *органическую* часть общаго, конечнаго впечатлѣнія. Совершенно такое же значеніе принадлежитъ и любому установленію, въ предѣлахъ котораго развивается дѣятельность человѣка. „Великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, писалъ Катковъ въ „Моск. Вѣд." 1866 г. (№ 263), что *создаетъ* людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ новое начало".

Вспомнимъ наши 30-ые и 40-ые годы, когда культурное развитіе личности достигало такой высоты, что и до сихъ поръ, при

словахъ „человѣкъ сороковыхъ годовъ“ въ нашемъ представленіи встаетъ нѣчто чрезвычайно благородное, симпатичное, идеальное, прекрасное. Но этотъ человѣкъ не могъ украсить собою ни одного изъ тогдашнихъ „присутственныхъ мѣстъ“, и, вступая въ него, неминуемо или терялъ всю свою красоту, или стушевывался, или бѣжалъ поскорѣе прочь. Мѣсто этому человѣку нашлось только съ наступленіемъ „эпохи великихъ реформъ“. Но этого мало: на открывшемся мѣстѣ появились и новые, молодые люди, изъ которыхъ немногіе могли называться героями, а, между тѣмъ, узаконенная обстановка сферы ихъ служебной дѣятельности до того была совершенна, что эти люди современнымъ пигмеямъ представляются исполинами, эпоха ихъ—„героическою“, а слова „человѣкъ шестидесятыхъ годовъ“ будятъ въ нашемъ представленіи тотъ же возвышенный, благородный, идеальный и прекрасный образъ: факторомъ впечатлѣнія является на этотъ разъ уже не *личность* дѣятеля, а *учрежденіе*, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.

Г-нъ Протопоповъ и tutti quanti приближающихся къ нему типовъ, народившихся въ изумительномъ обиліи и такой же быстротѣ вмѣстѣ съ закономъ 1889 года, были бы немыслимы въ рядахъ судебно-мирового института. Высота призванія—служить великому дѣлу правосудія, и только ему одному, задача „утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе“, освобожденіе судейской совѣсти, „самостоятельность судебной власти, равной для всѣхъ подданныхъ“, полнѣйшая ея независимость отъ администраціи, возвышенная простота и ясность руководящаго кодекса, безусловная гласность судопроизводства—вотъ та чистая, здоровая атмосфера, въ которой не могъ зародиться какой-либо болѣзнетворный микробъ, а если иногда и заносился въ нее *извнѣ*, то обезвреживался ея озономъ и уже ни въ какомъ случаѣ не могъ вызвать тѣ тяжкіе болѣзненные симптомы, которые были, напр., вскрыты извѣстнымъ діагнозомъ харьковской судебной палаты и такъ назидательно затѣмъ оцѣнены въ блестящей рѣчи А. Ф. Кони. Живая, развиваемая этою атмосферою сила облагораживала человѣка, *освобождала и вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплинировала его*. Это непостижимое, казалось бы, сочетаніе достигалось основнымъ рѣшеніемъ законодателя „возвысить судебную власть и дать ей надлежащую самостоятельность“. Цитируя эти „знаменательныя, дорогія каждому русскому слова“ Высочайшаго Манифеста въ своей рѣчи при открытіи московскихъ судебныхъ установленій, министръ юстиціи пояснялъ, что слова эти, указывающія значеніе и цѣль судебнаго преобразованія, должны служить руко-

водствомъ для всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ. И они, эти „дорогія слова“, *дѣйствительно стали „руководствомъ“*—тѣмъ руководствомъ, которое въ сто кратъ сильнѣе всякихъ начальственныхъ предписаній и всякаго начальственнаго контроля.

Совершенно на иныхъ началахъ построенъ законъ, учредившій земскихъ начальниковъ. Тогда какъ въ Судебныхъ Уставахъ основною задачею законодателя являлось стремленіе возвысить *личность* дѣятеля, воскресить въ немъ *человѣка*, умершаго въ дореформенномъ судьѣ, законъ 1889 года главнѣйшей цѣлью имѣлъ „благо сельскаго обывателя“, оставивъ личность охранителя этого блага въ совершенно инородныхъ, какъ это мы увидимъ ниже, условіяхъ. Въ первомъ случаѣ руководящимъ являлось индивидуальное начало, во второмъ—объективное. Достигаться намѣченная имъ цѣль должна была двоякимъ путемъ: объединеніемъ власти и попечительствомъ надъ крестьянами. Насколько была достигнута первая задача—достаточно извѣстно, что же касается второй, то, благодаря бытовымъ и культурнымъ условіямъ общественнаго самосознанія, а, слѣдовательно, по причинамъ, уже вовсе въ предѣлахъ данной задачи отъ законодателя не зависѣвшимъ, результаты получались такіе, какіе отнюдь не могли входить въ планъ задуманнаго преобразованія.

Задолго до обнародованія новаго закона въ нашемъ общественномъ самосознаніи, главнымъ образомъ, въ молодыхъ его представителяхъ, сталъ замѣчаться крутой поворотъ съ того пути, который намѣтился въ эпоху реформъ. Уничтоженіе самостоятельности суда, возстановленіе дворянскаго престижа, надменное и суровое отношеніе къ народу, свобода административнаго произвола—вотъ „идолы“, поворотомъ этимъ воздвигнутые на мѣстѣ прежнихъ „идеаловъ“. Эта общественная тенденція, воспособляемая (хотя и неумышленно, конечно), проповѣдью опрощенія, національной самобытности и научнаго индифферентизма, давно и тщетно искала себѣ того или иного выхода изъ своей теоретической области и, наконецъ, нашла его въ новомъ законѣ. Она вложила въ него содержаніе, имѣющее мало общаго съ его основными цѣлями: „попечительство“ выродилось въ „муштрованіе“, а „объединеніе власти“—въ „личное усмотрѣніе“; постановленія закона потеряли свою прежнюю обязательную силу; въ немъ стали усматривать не общественную охрану, а стѣсненіе для спасительнаго, якобы, властнаго произвола. Органы печати, вчера еще возмущавшіеся дарованнымъ мировому суду правомъ судить „по убѣжденію совѣсти“, теперь рукоплескали свободѣ этого произвола, и земскіе начальники очень

скоро стали открыто тяготиться участіемъ судебныхъ чиновъ въ своихъ засѣданіяхъ [1]).

Индивидуальные, личные рессурсы вновь открывшейся дѣятельности, на этотъ разъ не входившіе, какъ это было замѣчено выше, въ задачу новаго закона, сложились такъ, что исполнителямъ его пришлось лавировать между этимъ, навязаннымъ закону и чуждымъ его духу содержаніемъ и тѣми начертанными въ немъ предѣлами, дальше которыхъ „личное усмотрѣніе" идти уже не могло. Такъ, по крайней мѣрѣ, стояло дѣло въ началѣ, но послѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ шаговъ, тотчасъ же одобренныхъ всею „передовой дружиной", стали намѣчаться на фонѣ всего того, что говорилось и писалось объ институтѣ и pro и contra, три огульныхъ теченія: 1) небывалая, въ мировыхъ учрежденіяхъ неслыханная безцеремонность съ закономъ; 2) рѣшительно ничѣмъ не оправдываемое самомнѣніе, достигшее на извѣстномъ „общемъ съѣздѣ" своего апогея въ попыткѣ провозгласить земскаго начальника „хозяиномъ своего участка", „безъ вѣдома котораго въ немъ ничего бы не дѣлалось и къ которому, по всѣмъ мѣропріятіямъ, обращались бы прежде всего", и 3) какая-то предвзятая ненависть къ „сельскому обывателю", которому начали вмѣсто прежняго миролюбиваго „вы" говорить сухое, жесткое и отнюдь не патріархальное „ты"; потомъ стали его сѣчь при благосклонномъ содѣйствіи волостныхъ судовъ, а, подъ-конецъ, и „бить по мордѣ" собственноручно. Положеніе осложнялось массою разнообразнѣйшихъ обязанностей, изъ которыхъ одна мѣшала другой: земскій начальникъ—и судья, и администраторъ, охранитель владѣльческихъ интересовъ, и опекунъ надъ крестьянами, начальникъ надъ избираемыми ими должностными лицами, завершитель крестьянскаго дѣла; онъ печется „о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи", онъ охраняетъ „благочиніе, общественный порядокъ, безопасность и права частныхъ лицъ". У него широкая, въ усвоенной практикѣ—дискреціонная, власть надъ подчиненными ему „сельскими обывателями", но онъ же, въ свою очередь, подчиненъ губернатору, губернскому и уѣздному предводителямъ дворянства, а за ними, хотя бы и косвенно, всему мѣстному дворянству—вотъ его начальники; но это—только ближайшіе и непосредственные, затѣмъ надъ нимъ же—начальствующія высшія инстанціи: уѣздный съѣздъ, губернское присутствіе, два министерства и сенатъ. Одни

[1]) Въ одномъ публично объявленномъ рѣшеніи уѣзднаго съѣзда заключительная часть буквально начиналась такъ: „сообразивъ изложенныя обстоятельства дѣла, уѣздный съѣздъ *по всѣмъ статьямъ закона* постановилъ" и т. д.

только „сельскіе обыватели“ на его служебную судьбу не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія. Руководиться ему пришлось въ непроходимомъ лабиринтѣ всяческаго законодательства, обнимающаго неисчерпаемую сферу правовыхъ потребностей его участка и его функцій; но рядомъ съ этимъ лабиринтомъ ему же отведена весьма широкая область „личнаго усмотрѣнія“, требующая всесторонне образованнаго ума, гражданскаго мужества, несокрушимой энергіи и не ошибающейся проницательности.

Такова обстановка миссіи въ юридическомъ отношеніи. Бытовыя условія отличаются еще большею разновидностью, конфликтами и противоположеніями. Одни видятъ въ земскомъ начальникѣ заступника сословныхъ интересовъ среды, поставившей его на мѣсто, и предъявляютъ къ нему соотвѣтственныя требованія, понимая миссію, какъ надлежащій revanche отмѣнѣ крѣпостного права. Другіе, наоборотъ, возлагаютъ свои упованія на усматриваемаго въ немъ, съ тѣми же шансами на успѣхъ, опекуна надъ крестьянами, радѣтеля о нуждахъ и пользахъ сельскаго обывателя. Третьи—„властную руку“, долженствующую водворить миръ и благоденствіе въ чреватую всяческими пороками и, якобы, набалованную, распущенную деревенскую среду. Всего менѣе интересуются его судебною юрисдикціею, не отмежевывая ей какого-либо особаго мѣста среди простора административныхъ воздѣйствій, внѣдреній, насажденій и мѣропріятій. Но, переступая этотъ межникъ, земскій начальникъ рискуетъ встрѣтиться съ короннымъ охранителемъ закона въ уѣздномъ съѣздѣ, остерегающимъ его отъ чрезмѣрнаго въ этомъ направленіи усердія, ожидаемаго, однако, и весьма настойчиво, вліятельными, хотя и не коронными охранителями и ревнителями этого простора. Сложившаяся уже въ институтѣ профессіональная традиція—не стѣсняться закономъ—влечетъ его въ эту же сторону. Хорошо еще, если между начальственными представителями администраціи и сословія (съ судебнымъ вѣдомствомъ разсчетъ легче) существуетъ нѣкоторая entente cordiale въ воззрѣніяхъ, а если ея нѣтъ, если не благоволитъ правитель губернаторской канцеляріи, если въ сословіи имѣется забракованный соперникъ?..

Что за удивительная пестрота сравнительно съ тою простою и величавою юрисдикціею, въ предѣлахъ которой дѣйствовалъ спокойный и независимый, упраздненный мировой судья! Какъ тутъ не потерять своей головы, даже если бы она принадлежала молодому университетскому кандидату правъ, какъ, напр., г. Протопопову.

IV.

„Я не успѣлъ еще достаточно освоиться съ кругомъ своихъ новыхъ обязанностей“, говорилъ онъ на судѣ въ свое оправданіе...

Мягко выражается г. Протопоповъ: прослужи онъ въ своей должности хотя бы до полной пенсіи, желаемое освоеніе оставалось бы на одной и той же степени, потому что нельзя отвѣтить всѣмъ задачамъ, какія данный законъ объединилъ въ одномъ лицѣ, „нельзя быть слугою двухъ господъ“, нельзя „стоять на стражѣ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дрожать за собственную судьбу. И вотъ, отъ этого-то ни у кого не оказывается особенной охоты къ попыткамъ въ этомъ родѣ. Мудрено дать опекаемому обывателю дѣльный юридическій совѣтъ, въ которомъ онъ чуть не ежедневно нуждается въ разросшейся до невозможности своей обиходной правовой сферѣ; мудрено вызволить его изъ кабалы мѣстнаго „благодѣтеля“; мудрено разыскать въ „книгахъ“ разбросанныя по нимъ его права, растолковать, охранить, а подчасъ и самому понять ихъ... Несравненно легче объявить ему на сходкѣ, что его „прошенія будутъ на мордѣ, а жалобы—на...“ иномъ, еще менѣе огражденномъ мѣстѣ; несравненно легче „наказать“ его за плохо вспаханную полосу въ его же собственномъ полѣ, подвернувшуюся подъ глаза при служебномъ разъѣздѣ; несравненно легче заставить его отдавать честь господамъ и сворачивать съ дороги передъ начальствомъ; несравненно легче писать старшинамъ и старостамъ грозные приказы о разныхъ мѣропріятіяхъ, придуманныхъ въ тиши кабинета и круто расходящихся съ „законами“, мирно ожидающими въ шкафу, когда у ретиваго хозяина выищется свободная минутка, чтобы заглянуть въ нихъ. Несравненно легче, наконецъ (да и выгоднѣе при этомъ), прослыть расторопнымъ администраторомъ, нежели осуществить задачу мудраго и независимаго судьи, въ которомъ, прежде всего, и нуждается „неинтересный“ въ данныхъ цѣляхъ сельскій обыватель.

Но войти въ эту мертвую колею свѣжему человѣку трудно: благо сельскаго обывателя, какъ высокій девизъ новаго закона, университетскія, не смятыя еще въ этой колеѣ преданія, молодость, наконецъ, — все это приглашаетъ его совсѣмъ въ иную, противоположную сторону. Тутъ-то и наступаетъ трагическая коллизія: у дѣятеля и крылья за спиной, чтобы парить кверху, и увѣсистый водолазный шлемъ на головѣ, чтобы опускаться на дно морское, въ пучину волнъ; оба аппарата дѣйствуютъ сразу, и въ

результатѣ нравственный разладъ, тупое, злобное, безъисходное отчаяніе, аффектъ, если хотите.

И очень можетъ быть, что именно въ состояніи такого аффекта находился и г. Протопоповъ, расточая удары направо и налѣво и переходя къ звѣрскимъ, циническимъ угрозамъ, когда рука „уставала бить“ обывательскія „морды“. Очень можетъ быть, что ненавистными представлялись ему не эти неповинно предстоящія обывательскія морды, а та нравственная безпомощность, въ которой ощущалъ онъ самого себя, то раздвоенное по закону и по жизни положеніе, которое онъ, „не успѣвъ еще освоиться съ кругомъ своихъ обязанностей“, успѣлъ, однако же, восчувствовать и вкусить. Въ одномъ изъ разсказовъ Гл. Успенскаго, если не ошибаемся, доведенный своимъ мимовольнымъ разореніемъ до послѣднихъ предѣловъ отчаянія, мужикъ варварски избиваетъ свою тихонько плачущую, любимую и любящую жену; *не онъ, горемычный, ее бьетъ, а горе его!* И сорвать это горе на первомъ, попавшемся подъ руку, кто бы онъ ни былъ,—вотъ его единственный импульсъ. Не сдѣлался-ли пассивною жертвою подобнаго импульса и г. Протопоповъ, не срывалъ-ли и онъ на ввѣренныхъ ему обывателяхъ своего личнаго, неизбывнаго горя?..

Трудно, почти невозможно допустить, чтобы молодой кандидатъ правъ, каковы бы ни были его убѣжденія, могъ безъ всякой причины выродиться въ этого отчаяннаго, изступленнаго сокрушителя мужицкихъ мордъ, и если мы будемъ искать скрытый психическій мотивъ, то найдемъ его лишь въ тѣхъ обстоятельствахъ, „отъ собственной воли обвиняемаго не зависящихъ“, на которыя было указано выше.

Это—герои драмы. Но имѣются, затѣмъ, и герои совершенно иного рода, въ положеніи которыхъ нѣтъ уже ничего драматическаго. Къ нимъ мы и переходимъ теперь.

На этотъ разъ передъ нами типъ иной эволюціонной формаціи, комплектуемый какъ непосредстненно, такъ и перебѣжчиками изъ драматическихъ амплуа. Это типъ средній, заурядный преобладающій и поэтому въ особенности для насъ интересный; имъ знаменуется общее положеніе дѣла.

Надъ нимъ, этимъ главенствующимъ типомъ, точно также тяготѣетъ атмосфера высокаго давленія, слагаемая причудливою смѣсью факторовъ, стимуловъ, ингредіентовъ и реактивовъ. Идеальныя требованія закона возлагаютъ на него непосильную задачу, приблизиться къ ней, осуществить ее хоть отчасти—трудно, а человѣку мало-опытному, того меньше свѣдущему—и совсѣмъ невоз-

можно. Затѣмъ, надъ нимъ требованія среды, въ которой приходится дѣйствовать,—требованія, какъ это мы уже видѣли, крайне разношерстныя, того же хаотическаго свойства, но еще болѣе измѣнчивыя, подвижныя; разобраться въ нихъ такому человѣку очень мудрено. *Единеніе* въ его лицѣ судебно-административнаго Януса переходитъ на практикѣ въ *раздвоеніе*, создающее ему столь опасные конфликты и коллизіи, что у Януса вмѣсто двухъ головъ очень легко можетъ не оказаться и одной. Высшія, завѣдующія этими соединенными въ немъ функціями инстанціи ожидаютъ отъ него каждая своего, и зачастую, подчиняясь одной, онъ рискуетъ оказаться ослушникомъ другой. Одинъ бывшій земскій начальникъ разсказывалъ намъ, что, прослуживъ безъ году недѣлю, долженъ былъ подать въ отставку, благодаря такому „инциденту“: разъ какъ-то на барскомъ дворѣ сторожа избили бабу; та пожаловалась, и земскій начальникъ разобралъ дѣло, какъ и слѣдовало, въ судебномъ порядкѣ; помѣщику это не понравилось, и онъ обратился „въ губернію“; земскаго начальника вызвали и „предложили“ ему... *прекратить дѣло въ административномъ порядкѣ.* Открывалась, вслѣдствіе того, альтернатива: исполнить предложеніе и потерять мѣсто по суду, или ослушаться и потерять его „по прошенію“—и начальникъ-судья подалъ въ отставку, предварительно доложивъ принципалу о законахъ, препятствующихъ ему исполнить желаніе его превосходительства.

Далѣе, сознаніе извѣстной самостоятельности, необходимое каждому чиновнику-дѣятелю (а въ земскомъ начальникѣ ихъ нѣсколько), утрачивается, замѣняясь „страхомъ іудейскимъ“ и чувствомъ самосохраненія, не угнетавшимъ, въ данномъ случаѣ, нашего знакомаго только потому, что онъ—человѣкъ, матеріально хорошо обезпеченный и въ службу пошелъ лишь для дѣла. Рядомъ съ утратою самостоятельности, расчленяется и единство дѣйствій, къ полному недоумѣнію всѣхъ завѣдуемыхъ обывателей. Дѣятель не можетъ успокоиться, даже опираясь на законность своихъ распоряженій, рѣшеній и приговоровъ, потому что вовсе не это отъ него требуется и вовсе не это ставится ему въ заслугу, да и неся сразу нѣсколько обязанностей, изъ которыхъ каждая нормируется своими уставами и томами въ сводѣ, своими „дополненіями“ и „изъятіями“, циркулярами, инструкціями, разъясненіями и новеллами, особенно часто измѣнявшими только-что объявленный законъ 1889 г., онъ, если бы и хотѣлъ основаться на такой нейтральной позиціи, а, главное, если бы нуждался въ томъ, все-таки не могъ бы долго продержаться на ней: провіанту въ этой осаждаемой

крѣпости много, слишкомъ много, но сваленъ онъ въ кучу на неприступной высотѣ.

И остается нашему дѣятелю одинъ только выходъ—тотъ выходъ, который избираетъ себѣ человѣкъ, стоящій у распутья трехъ дорогъ, изъ которыхъ каждая, какъ это извѣстно, ведетъ въ Римъ. Онъ и выбираетъ этотъ „Римъ", идетъ „напрямикъ" и потому скорѣе прочихъ достигаетъ цѣли. Руководясь болѣе стихійною, нежели сознательною силою, движимый преимущественно утробными стимулами, путникъ воспособляется въ своей задачѣ: 1) подготовкой, получаемой ранѣе; 2) усвоенною уже податливостью передъ толчкомъ, даваемымъ судьбою, и 3) тѣмъ зоологическимъ чутьемъ, инстинктомъ, по которому „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше", и тѣмъ вѣрнѣе получаетъ искомое, чѣмъ менѣе склоненъ, въ противность своему соискателю, къ какимъ-либо углубленіямъ, чѣмъ поверхностнѣе нравственная суть его.

Подготовка въ данномъ случаѣ, по мѣткому, хотя и слишкомъ сильному выраженію г. Вл. Соловьева [1]), преимущественно, если не исключительно, получается „въ конюшнѣ или въ опереткѣ" и тѣмъ даетъ воспитаннику свободную отъ „праздныхъ умствованій" и „сантиментовъ" способность благополучно оріентироваться тамъ, гдѣ менѣе свободный въ этомъ отношеніи абитуріентъ сломалъ бы себѣ голову. Въ столицахъ, въ университетѣ (если воспитанникъ заканчиваетъ тамъ свое образованіе), отъ него еще сторонятся — слишкомъ крѣпокъ отдающій запахъ конюшни; но для обтерпѣвшихся провинціальныхъ носовъ запахъ этотъ, напротивъ, очень пріятенъ, и его носителю остается только „плыть по теченію". Не всегда, правда, удается сразу разгадать и намѣтить это теченіе; иногда случается принимать за русло одинъ изъ впадающихъ въ рѣку притоковъ и, вслѣдствіе этого, не съ желаемою скоростью и безошибочностью попадаютъ туда, гдѣ „зимуютъ раки", а туда-то, главнымъ образомъ, и стремится направляемый челнъ. Но узнать мѣсто этой зимовки нашему пловцу немудрено, онъ и здѣсь выходитъ изъ затруднительнаго положенія при содѣйствіи двухъ, обязательно получаемыхъ изъ Петербурга и Москвы, адресъ-календарей; календари эти, какъ и слѣдуетъ календарямъ, часто, разумѣется, провираются, но въ провинціальной глуши всякое вранье, какъ это извѣстно, очень легко сходитъ за правду, особенно, если одинъ изъ издателей въ видѣ преміи обѣщаетъ подписчикамъ метеорологическія свѣдѣнія, ему одному доступныя, а

---

[1]) „Идолы и идеалы" въ „Вѣстн. Евр.".

другой унаслѣдовалъ громкую фирму. Руководясь такимъ справочнымъ указаніемъ, молодой человѣкъ спѣшитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться и со „сливками“ своего участка (до снятого молока ему нѣтъ никакого дѣла) и находитъ тутъ все, что нужно: и компасъ, и флюгель, и барометръ, и термометръ, указующіе направленіе вѣтра, температуру и ожидаемую погоду, не только у него въ участкѣ, но и въ „губерніи“. И вотъ онъ готовъ въ путь-дорогу: лихая тройка, колокольчикъ съ малиновымъ звономъ, фуражка съ краснымъ дворянскимъ околышемъ, военнаго покроя шинель, золоченый знакъ на груди, почтительно склоненныя головы крестьянскаго „самоуправленія“, обыватели безъ шапокъ, хлѣбосольные помѣщики, любезныя помѣщицы, винтъ по вечерамъ... Чего еще ему надо?! Зачѣмъ ему „идеалы“, зачѣмъ ему „чужое благо“, зачѣмъ ему указанный въ законѣ объектъ этого блага.—голодающій, болѣющій, отовсюду прижатый на своей „сиротской десятинѣ“ сельскій обыватель?

И вотъ онъ въ „Римѣ“. Какъ и на берегахъ Тибра, нашъ „вѣчный городъ“ основанъ волчицею, не особенно интересуется „догматомъ непогрѣшимости“, обладаетъ памятниками и монументами въ болѣе или менѣе живописныхъ руинахъ, вокругъ которыхъ толпятся знатоки и любители, именитые потомки почтенной основательницы, и если у мѣстныхъ лаццарони иногда не хватаетъ макаронъ, то виновато въ томъ ихъ собственное „мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство“, противъ чего имѣется вѣрное средство, символически знакомое церемоніальнымъ ликторамъ древняго города, но вполнѣ осязательное у насъ.

Въ обрѣтенномъ Римѣ нашъ герой устраивается прекрасно и тотчасъ же приступаетъ къ рьяной реставраціи руинъ. Въ потребное время онъ испрашиваетъ благословеніе у папы, хотя, въ случаѣ надобности, готовъ отправиться и на поклоненіе въ Мекку и если не возвращается изъ родины пророка съ присвоенной его поклонникамъ зеленою чалмой, то неукоснительно снабжается „шапкой-невидимкой“, весьма душеспасительно конкуррирующей съ „недреманнымъ окомъ“ мѣстнаго блюстителя закона. Получаемыя тамъ инструкціи онъ принимаетъ „къ свѣдѣнію“, но въ ближайшемъ обиходѣ болѣе руководится мѣстной программой: не продавать своего брата дворянина, сельскаго обывателя держать впроголодь и въ надлежащемъ решпектѣ, не особенно церемониться съ закономъ, съ судейскими юридической каши не ѣсть, а въ затруднительныхъ случаяхъ—творить волю пославшаго. Угадать этого „пославшаго“ не всегда легко, но и здѣсь его выручаетъ „адресъ-календарь“,

или собственное профессіональное чутье; въ крайнихъ случаяхъ онъ отправляется къ мѣстной ворожеѣ и тамъ, въ прорицаніяхъ надъ кофейной гущей, находитъ требуемыя разъясненія. Что дѣлать!— герой нашъ при всей своей практичности человѣкъ суевѣрный, онъ вѣритъ въ розгу въ мертвецовъ, встающихъ изъ гроба, вѣритъ, поэтому, въ возстановленіе крѣпостного права, безприсяжныхъ судовъ, торговой казни и т. п. фантомовъ и даже живетъ этою вѣрою; онъ боится темноты по ночамъ, но днемъ очень охотно допускаетъ ее въ обывателяхъ ради вящшаго внѣдренія „оздоровительныхъ корней"; онъ вѣритъ и въ лѣшихъ, игнорируя, что чины эти давно уже упразднены за обезлѣсеніемъ владѣльческихъ дачъ, и приписываетъ таковое исчезновеніе собственной бдительности: въ моемъ-де участкѣ и лѣшимъ житья нѣтъ! Для полноты картины скажемъ, что даже и при разрѣшеніи возникающихъ на практикѣ юридическихъ вопросовъ онъ, faute de mieux, руководствуется снотолкователемъ Мартына Задеки. Нѣсколько вольнодумнѣе сталъ онъ съ нѣкотораго времени относиться лишь къ опасности отъ дурного глаза, не встрѣчая таковой даже въ „недреманномъ окѣ", ежемѣсячно устремляемомъ въ него съ лѣвой стороны судейскаго стола.

Благодаря всѣмъ вышеприсанннымъ свойствамъ, данный типъ новаго дѣятеля не ощущаетъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ мы говорили раньше и которыя существуютъ для особей, не обладающихъ въ такой мѣрѣ біологическою способностью приспособленія. Ихъ зато и гораздо меньше. Большинство идетъ по прямой, уже наторенной дорогѣ въ Римъ и ломится въ его ворота, благо они легче прочихъ уступаютъ напору, а въ иныхъ злачныхъ и гостепріимныхъ мѣстахъ остаются настежь даже и по ночамъ; для входа особенныхъ формальностей не требуется, и вмѣсто всякой стражи виситъ подъ иллюминованною мавританскою аркою большой газовый фонарь, на которомъ крупными литерами намалевано: „добро пожаловать!"...

Въ началѣ дѣло стояло нѣсколько строже: предполагалось не допускаетъ абитуріентовъ тѣхъ воспитательныхъ заведеній, о которыхъ говорилъ Вл. Соловьевъ въ упомянутой выше статьѣ своей; но очень скоро пришлось поступиться не только этимъ желавшимся, но и инымъ цензомъ, пріобрѣтаемымъ съ колыбели,—слѣдовательно безъ особенныхъ затрудненій, но зато и безъ особенной теперь цѣнности. Уступки не вызвали какихъ-либо осложненій въ виду уже усвоеннаго статутомъ и обычаемъ „дуализма", и дѣло обошлось легко, гораздо легче, чѣмъ въ Австро-Венгріи, такъ какъ наши венгерцы не слишкомъ дорожили своею самостоятельностью, а

австрійцы должны были сократить свой расовый антагонизмъ,— „на нѣтъ и суда нѣтъ!"—и ограничиться упованіемъ на большую плодовитость со введеніемъ майоратовъ, соло-векселей, избраній безъ баллотировки и т. п. болѣе или менѣе остроумныхъ изобрѣтеній къ сохраненію своего доблестнаго рода.

Однако, колыбельный цензъ заявился въ практикѣ такими результатами, что вызвалъ соображенія, грозящія ему скорымъ и повидимому, неизбѣжнымъ крушеніемъ.

„Въ окончательно выработанномъ и представленномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія проектѣ измѣненій въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (читаемъ мы въ № 14 „Русск. Вѣд." 1893 г.), министерство прежде всего указываетъ, что существующія у насъ ограниченія въ правахъ гражданской службы въ зависимости отъ происхожденія уже утратили свой смыслъ. Крайнее неравенство правъ лицъ совершенно равнаго образованія, но неравнаго происхожденія, не вызывается интересами гражданской службы, нарушаетъ требованія справедливости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вредитъ прямо тому сословію, въ пользу котораго установляется привилегія: дарованныя потомственному дворянству чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ всё болѣе и болѣе клонятъ къ оскудѣнію его высшимъ образованіемъ и къ оттѣсненію черезъ то отъ высшихъ поприщъ дѣятельности, какъ въ государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр., поприщѣ. Поэтому служебныя права при опредѣленіи на службу предположено поставить въ соотношеніе только со степенью образованія. *Министерство особенно настаиваетъ на важности юридическаго образованія для административной службы*: оно необходимо для административныхъ чиновниковъ потому, что оно *развиваетъ уваженіе ко всякому существующему праву* какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и лицъ юридическихъ, и *способно предохранить администратора отъ напрасныхъ нарушеній этихъ правъ ради предполагаемой имъ общей пользы.*"

Да! прямодушно и вѣрно направленное высшее юридическое образованіе—узда административному произволу, панацея для всѣхъ тѣхъ недуговъ, по поводу которыхъ мы взялись на этотъ разъ за перо. Но для этого, кромѣ того, нужны Рѣдкины, Грановскіе, Кавелины, Кудрявцевы, Крыловы, Мейеры... Они давно сошли въ могилу и „отрезвленная" молодежь наполняетъ горечью родительскія сердца учениковъ ихъ, кощунствуетъ надъ прошлымъ и грозитъ будущему въ образѣ „кирасиро-подобнаго студента", о которомъ говорили мы, вспоминая на страницахъ „Русск. Архива" объ его предшественникахъ. Она же, эта отрезвленная молодежь, всего болѣе пособила

трудному дѣлу комплектованія новоявленнаго института: случись реформа нѣсколько раньше, и охотниковъ бы не нашлось!.. Говорятъ, что при составленіи новаго закона, учредившаго институтъ земскихъ начальниковъ, прототипомъ ихъ имѣлся въ виду образецъ изъ далекаго прошлаго,—*далекаго*, если не въ хронологическомъ, то въ идейно-культурномъ смыслѣ этого слова: памяти составителей, якобы, предносился дѣятель освободительной эпохи—мировой посредникъ перваго призыва. Не знаемъ, насколько это вѣрно, но не подлежитъ сомнѣнію, что это очень вѣроятно: „заботы по завершенію крестьянскаго дѣла", „попечительство надъ сельскими обывателями", судебно-административное полномочіе для „разбирательства маловажныхъ дѣлъ", преимущественно аграрнаго характера, помѣстный цензъ назначенія и т. п. аттрибуты новой должности какъ нельзя болѣе подтверждаютъ эту вѣроятность. Но если это такъ, то въ возсозданіи этой должности *теперь* не только нельзя было усматривать какихъ-либо шансовъ на полученіе хотя бы блѣдной копіи съ минувшаго оригинала, но, напротивъ того, слѣдовало предвидѣть, что подобная задача неосуществима въ наши дни. Историческій оригиналъ только потому такъ привѣтливо смотритъ на насъ изъ своего далекаго прошлаго, что, прежде всего, онъ вызванъ былъ одною изъ тѣхъ великихъ идей, которыя нарождаются и воплощаются вѣками,—идеею освобожденія рабовъ. Идея эта вдохновила дѣятеля, а поставила его на служеніе ей среда, не только не имѣющая ничего общаго съ современною, но діаметрально ей противоположная,—среда, которая жила высшими, теперь забытыми идеалами и вѣровала въ нихъ, обновленная въ томъ общемъ духовномъ подъемѣ, которымъ навсегда будетъ гордиться свѣтлая эра начала 60-хъ годовъ. Затѣмъ, крупная доля успѣха освободительной миссіи мировыхъ посредниковъ, какъ это теперь всѣми признается, принадлежала приснопамятной и также давно минувшей эпохѣ московскаго университета, большую и наилучшую часть ихъ воспитавшаго.

Вотъ гдѣ колыбель этого успѣха. Этой колыбели нѣтъ теперь. Родившемуся въ ней не нужно было, не разбирая дорогъ, идти въ „Римъ", справляться въ адресъ-календаряхъ и руководствоваться снотолкователемъ; онъ не могъ приспособляться,—онъ могъ только царить. „Мировой посредникъ, писали мы однажды, оттого только и снискалъ себѣ благодарную, чтимую до сихъ поръ память, что, не взирая ни на какія „вѣянія" и „тенденціи", всегда оставался вѣренъ великому духу закона, радѣлъ объ охраняемыхъ имъ правахъ сельскаго обывателя и видѣлъ въ немъ человѣческую и

полноправную личность, а не вчерашняго раба, послушнаго лишь палкѣ [1])“.

Ему, этому радѣтелю о правахъ сельскаго обывателя, не вмѣнялось въ обязанность и не ставилось въ заслугу „наведеніе страха на всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ“. Ему, совершенно напротивъ, указывалась необходимость заручиться „полнымъ довѣріемъ крестьянъ“. 22 марта 1861 г. послѣдовалъ на имя губернаторовъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. „Законъ, облекая посредниковъ обширною властью и полнымъ довѣріемъ,—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ,—ставитъ ихъ внѣ личной зависимости отъ административныхъ учрежденій. Нравственныя качества, требуемыя отъ должности мирового посредника, показываетъ самое ея названіе. Главное ея назначеніе быть—примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій. Столь высокое призваніе не можетъ быть съ успѣхомъ выполнено ни лицами, которыя своею прежнею общественною дѣятельностью или, вообще, своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного лишь сословія, ни, еще менѣе, обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые по службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственныя, нерѣдко корыстныя, выгоды. *Личныя* достоинства новыхъ посредниковъ должны утвердить за ними то высокое значеніе и общее довѣріе, которыя предоставлены имъ Верховною законодательною властью. Для успѣха всѣхъ предстоящихъ мѣръ особенно важно, чтобы посредники пользовались не одною только властью надъ крестьянами, но и *полнымъ ихъ довѣріемъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ этихъ видахъ необходимо пригласить въ посредники лишь такихъ лицъ, которыя извѣстны *несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами* (курсивъ въ подлинникѣ).

Только такимъ „довѣріемъ“, а не страхомъ, можетъ создаваться тотъ „престижъ власти“, которымъ такъ старательно и такъ тщетно заботились окружить дѣятельность земскихъ начальниковъ. Вмѣсто довѣрія и уваженія получился обратный результатъ. Всего больше помогли этому превращенію тѣ собственноручныя заушенія, пощечины, затрещины и зуботычины, которыми такъ скоро обогатилась эта дѣятельность. Народъ совершенно основательно сообразилъ, что подобными средствами не могутъ орудовать настоящее нравственное достоинство и настоящій служебный авторитетъ. Со временъ отмѣны крѣпостного права народъ этотъ успѣлъ отвыкнуть

[1]) „Розга какъ карательная мѣра“ (Юрид. Вѣстн.).

отъ всѣхъ подобныхъ разновидностей тѣлеснаго воздѣйствія, а если иногда и встрѣчался съ ними, то видѣлъ ихъ исходящими лишь отъ низшихъ исполнительныхъ агентовъ мѣстной власти,—сотскихъ, десятскихъ, урядниковъ, сторожей и т. п. Земскіе начальники, унаслѣдовавъ пріемъ отъ этихъ низшихъ чиновъ сельской администраціи, неизбѣжно должны были въ глазахъ народа отождествиться съ ними, приравняться къ нимъ и унаслѣдовать, вслѣдствіе этого, и ту степень довѣрія и уваженія, какими пользуются въ народѣ эти низшіе чины. За это долгое время народъ никогда не видывалъ, чтобы къ такимъ пріемамъ воздѣйствія прибѣгали мировые посредники, мировые судьи, товарищи прокурора, и потому видѣлъ въ нихъ „настоящаго, стоющаго барина", власть котораго не нуждается въ обстановкѣ подобными аттрибутами, а, напротивъ того, гнушается ими. Вотъ почему рукопашный бой, повсемѣстно предпринятый въ цѣляхъ „престижа", далъ на дѣлѣ совершенно обратный и совершенно естественный результатъ. Народъ отвернулся, „пріунылъ, испугался и сталъ терпѣливо переносить всѣ строгости". Эта терпѣливость, въ нормальномъ порядкѣ вещей обезоруживающая нападеніе, въ данныхъ условіяхъ лишь развязала ему руки...

Съ другой стороны, довѣріе и уваженіе можетъ привлечь къ себѣ лишь та дѣятельность, которая устойчива, едина и симпатична, или, по крайней мѣрѣ, понятна. Ни того, ни другого, ни третьяго мы на этотъ разъ не видимъ. Насколько пестръ законъ, ее нормировавшій, настолько же пестрою оказалась и дѣйствительность. Не только уѣздъ не похожъ на сосѣдній, но и участки одного уѣзда, несмотря на ежемѣсячныя совѣщанія дѣятелей, не похожи другъ на друга. Въ одномъ участкѣ сѣкутъ, въ другомъ, рядомъ же, не сѣкутъ (отчетъ по ревизіи смоленскаго губернатора); въ одномъ участкѣ поощряется земледѣліе путемъ уголовной репрессіи, въ другомъ воспрещается всякое культурное улучшеніе; въ одномъ уѣздѣ крестьяне на сторожевыхъ пунктахъ наблюдаютъ, не покажется-ли гдѣ зарево, въ другомъ земскій начальникъ бьетъ за распоряженія къ тушенію пожара; въ одномъ мѣстѣ организуются общественныя принудительныя работы, въ другомъ—увеселительныя охоты за волками; въ одномъ участкѣ обыватель обязывается при встрѣчѣ съ начальникомъ сворачивать съ дороги, снимать шапку и „провожать особу глазами", въ другомъ онъ можетъ ограничиться лишь „отданіемъ чести"; въ одномъ участкѣ начальство открываетъ кабаки, въ другомъ—обывателя сѣкутъ за пьянство; въ одномъ—„населеніе возбуждается отъ спячки" кон-

фискаціею заработковъ, въ другомъ—стрѣльбою изъ ружья—и т. д. и т. д. Переживаются времена удѣльной Руси, и если новые князья не воюютъ другъ съ другомъ, то только потому, что ихъ ратныя наклонности легко и безопасно удовлетворяются въ границахъ ввѣреннаго удѣла.

V.

Итакъ мы видимъ нѣсколько путей, то усѣянныхъ терніями, то засыпанныхъ цвѣтами, и всѣ они, вѣрные пословицѣ, ведутъ въ одинъ и тотъ же „Римъ". Но, увы!—въ вѣчномъ городѣ, ни на одномъ изъ семи холмовъ его, нѣтъ на этотъ разъ мѣста „благу сельскаго обывателя", во имя котораго изданъ законъ, нѣтъ мѣста этому закону, нѣтъ мѣста свободному убѣжденію судейской совѣсти, нѣтъ мѣста сознанію исполненнаго долга, нѣтъ мѣста всей той свѣтлой вереницѣ преподанныхъ Судебными Уставами животворящихъ началъ, благодаря которымъ „мировыя учрежденія успѣли сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы" (Джаншіевъ, „Изъ эпохи великихъ реформъ", стр. 182).

Вотъ отчего поневолѣ думается, что всѣ эти оглашенныя и неоглашенныя посягательства на законъ, на права, на личность человѣческую, всѣ эти юридическія язвы на лонѣ вновь открывшейся дѣятельности, берутъ свое начало не въ личности дѣятеля только, но, и главнымъ образомъ, въ кодификаціонныхъ условіяхъ института, нормирующихъ его дѣятельность, съ одной стороны, и въ воззрѣніяхъ и требованіяхъ среды, въ которой она развивается,—съ другой. Какъ бы то ни было, но эти язвы оказываются заражающими: эпидемія растетъ и распространяется, она уже покидаетъ свои облюбленныя гнѣзда и переходитъ предѣлы порубежныхъ, благополучныхъ сравнительно областей. Идетъ она, затѣмъ, и скачками, переносясь съ мѣста на мѣсто какою-то еще непостижимою силою. Открывшееся наслѣдіе одной изъ ея первыхъ жертвъ объявляется „имуществомъ выморочнымъ"; снимаются охранявшие его сторожевые посты и печати, права личныя и имущественныя утрачиваютъ гарантію прежней защиты, и каждый, будь то туземецъ-сосѣдъ или эмигрантъ, считаетъ себя въ правѣ на захватъ того или иного клочка изъ выморочнаго достоянія. То здѣсь, то тамъ обнаруживаются „мѣропріятія"-метаморфозы, подвѣдомственныя и по дѣйствующимъ пока законамъ судебной компетенціи, но предпринимае-

мыя, однако, и невозбранно чинимыя представителями полицейской власти: она возбуждаетъ преслѣдованія, судитъ, лишаетъ правъ и караетъ, немедленно исполняя свои рѣшенія. Равнымъ образомъ, то здѣсь, то тамъ, все чаще и смѣлѣе, совершаются подобныя же мѣропріятія-метаморфозы и въ иныхъ вѣдомствахъ; мы видимъ, напр., *губернскій*, слѣдовательно никѣмъ, ничѣмъ, не установленный съѣздъ земскихъ начальниковъ, постановляющій свои рѣшенія по предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію земскихъ собраній и управъ. Мы видимъ уѣзднаго предводителя дворянства, принудительно взыскивающаго чрезъ волостныя правленія добровольный и необязательный по закону сборъ на церковно-приходскія школы. Мы видимъ, затѣмъ, училищный совѣтъ, отмѣняющій законное право учителей и учениковъ на лѣтній вакантный отдыхъ, столь необходимый и тѣмъ и другимъ.

„Властная рука“ оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „легкою“!

Совершенно наоборотъ, мировой судья, олицетворяя въ себѣ живое начало законности, справедливости и человѣчности, служилъ для всѣхъ прочихъ властей и образцомъ, и сдерживающимъ старыя привычки стимуломъ. Если для однихъ онъ оказывался, вслѣдствіе этого, „бѣльмомъ въ глазу“, то, зато, передъ нимъ открывались и дотолѣ совсѣмъ слѣпыя очи: отъ него впервые узнавалъ „сельскій обыватель“ свои и чужія права и обязанности; въ немъ, въ этомъ еще недавно безправомъ обывателѣ, росло и крѣпло невѣдомое ему „уваженіе къ закону“, къ чужому праву, и этотъ ростъ бывалъ до того быстръ и внушителенъ, что крестьянинъ, напр., отказывался отъ своей исторической прерогативы бить жену или непокорнаго сына. До него, судьи-человѣка, доходили неслышные раньше „бабьи стоны“ и „дѣтское горе“ [1]). Ему не предстояло, затѣмъ, никакой надобности заставлять обывателей снимать предъ нимъ шапки, или сѣчь человѣка за то, что не своротилъ предъ нимъ съ дороги: *все это исполнялось само собой*. Ему, носителю юной еще у насъ идеи праваго, милостиваго, для всѣхъ равнаго суда, не предстояло, однако, никакой необходимости и въ тѣхъ дикихъ, преступныхъ проявленіяхъ своей мнимой власти, отъ которыхъ мозолится глазъ и вянетъ ухо, и благодаря которымъ, при одномъ имени „земскій начальникъ“, встаетъ въ вашемъ представленіи такой специфически-несимпатичный образъ, что жутко становится на душѣ.

Тыканіе на судоговореніи, мордобитіе на сельскомъ сходѣ,

---

[1]) См. прекрасныя статьи подъ этими заглавіями Мантейфеля и Лудмера въ „Юрид. Вѣстн.“.

безпротокольные аресты, пристрастіе къ розгѣ—отвратительны сами по себѣ, но это лишь внѣшніе, видимые показатели, символы того невидимаго и безпредѣльнаго, хотя и болѣе мирнаго содержанія, которое повседневно наполняетъ собою судебныя, административныя, опекунскія и самозванныя функціи земскаго начальника. Знаменуемое этими символами содержаніе всецѣло можетъ быть выражено извѣстнымъ девизомъ: „дерзай!“ — и онъ дерзаетъ, поощряемый отовсюду. Еще при самомъ введеніи института, вѣроятно, въ видахъ облегченія предстоявшей ему задачи, были, и устно и письменно, предприняты всѣ мѣры къ расчищенію предлежавшаго пути; юристамъ преподаны были авторитетныя указанія не быть слишкомъ требовательными, — льгота, о которой не имѣли и понятія мировые судьи, сами пробивавшіе себѣ дорогу. Эта льгота, претворяясь въ практикѣ, не могла, понятно, не поселить въ неофитѣ, окруженномъ столь нѣжными заботами, извѣстной увѣренности въ безотвѣтственности всего, что касается его юрисдикціи, и однажды, на уѣздномъ съѣздѣ, когда товарищъ прокурора спросилъ одного изъ этихъ привилегированныхъ неофитовъ, почему онъ не замѣнилъ назначеннаго волостнымъ судомъ тѣлеснаго наказанія за одно изъ новоявленныхъ, караемыхъ практикою, но не преступныхъ по закону „дѣяній“,—то получилъ короткій и ясный отвѣтъ: „оттого, что *не желалъ*, — пусть выпорютъ“.

Да! Въ этой только области земскій начальникъ не чувствуетъ надъ собою тѣхъ тисковъ, о которыхъ было говорено выше, и на ней вымещаетъ ихъ, отводя свою душу *„по всѣмъ статьямъ закона“*, какъ выразился уѣздный съѣздъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи своемъ. Въ ней онъ, ничѣмъ не рискуя, попадаетъ въ господствующій и благопріятный ему тонъ и смѣло можетъ бросить подобный отвѣтъ коронному представителю закона на судѣ,—sic volo, sic jubeo!

Совершенно иначе относился къ этому представителю мировой судья: не только съ глубочайшимъ уваженіемъ и вниманіемъ выслушивалъ онъ его заключенія, но закидывалъ его своими юридическими вопросами, не тяготился его участіемъ, а искалъ его; онъ сознавалъ свое духовное родство съ нимъ, воспріявъ это родство у общей купели.

Для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ дисциплинирующей силѣ, органически присущей мировому институту и съ такимъ успѣхомъ работавшей въ немъ, стоитъ лишь принять на видъ, что задача земскаго начальника, взятая внѣ идеальной сферы кодификаціонныхъ нормъ своихъ, невольно имъ игнори-

руемой, и уже нормированная обычаемъ, въ сущности чрезвычайно проста сравнительно съ тою, какая выпадала на долю мирового судьи: мировой судья былъ *піонеромъ*, земскій начальникъ — *только реставраторъ;* первому приходилось плыть противъ теченія, второй плыветъ по теченію и, несмотря на то, безпрестанно захлебывается, относится въ сторону, садится на мель или выбрасывается за линію фарватера, чего никогда не случалось съ его предшественникомъ.

Отчего же происходитъ это?

Кромѣ всего уже сказаннаго выше, отвѣтить на этотъ вопросъ можно слѣдующимъ фигуральнымъ, и потому сжатымъ, сопоставленіемъ.

Представимъ себѣ двухъ живописцевъ. Оба они, положимъ, одинаковаго дарованія; оба работаютъ на одинъ и тотъ же конкурсъ, но одному изъ нихъ отвели свѣтлую, просторную студію, дали чистое, обрамленное полотно, кисти и палитру въ руки, предоставивъ остальное свободному творчеству художника; другого помѣстили въ мансардѣ, гдѣ складывается всякій старый, вышедшій изъ употребленія хламъ, взяли изъ этого хлама цѣлую коллекцію вылинявшихъ и потрескавшихся картинъ съ разнообразнѣйшими, едва замѣтными подъ слоемъ пыли и всяческихъ наносовъ сюжетами, и заставили его реставрировать эти картины. Дѣло немудрое, если хотите; но свѣтъ едва проникаетъ въ узенькое слуховое оконце; рядомъ развѣшено для просушки бѣлье; подъ покатою крышею нельзя выпрямить свою склоненную голову; полъ пересѣченъ балками, о которыя то-и-дѣло спотыкаешься, а стулъ, на которомъ работаетъ реставраторъ, о трехъ ножкахъ... Нетрудно угадать, чья работа выйдетъ лучше. Но первому живописцу не пришлось окончить свою задачу, — его студію закрыли, а картину снесли въ мансарду, гдѣ она и стоитъ теперь рядомъ съ готовыми уже продуктами реставраціи. Оказалось возможнымъ сравненіе. Въ незаконченной картинѣ, разумѣется, сквозитъ коегдѣ подмалевка, виднѣются кое-какіе непоправленные еще промахи, но это не мѣшаетъ цѣльности и единству общаго впечатлѣнія. Обращаясь, затѣмъ, къ трудамъ реставратора, наблюдатель останавливается въ полнѣйшемъ смущеніи: на картинѣ, изображавшей нѣкогда Амура и Психею, Амуръ оказывается пѣтухомъ, а Психея съ усами; морской заливъ съ бѣлѣющимъ парусомъ на горизонтѣ южнаго неба превратился въ зимній ландшафтъ съ колокольней вдалекѣ; уцѣлѣвшій на первомъ планѣ рыбакъ закидываетъ свою удочку въ снѣгъ и т. п. Сравнительно удачнѣе вышли батальныя

сцены, видъ одного изъ аракчеевскихъ поселеній и портреты двухъ безшабашныхъ совѣтниковъ „Дыбы“ и „Удава“,—каковыя произведенія были тотчасъ же скопированы любителями, а неоконченная картина сдана въ архивъ.

Но придетъ ея художникъ, снова сядетъ за свою работу, сорная мансарда преобразится въ опрятную студію, и піонеръ смѣнитъ реставратора!

VI.

Въ свое время было заявлено не мало протестовъ по поводу выборнаго начала; протестовалъ, между прочимъ, и пишущій эти строки. Но время это давно прошло, и съ тѣхъ поръ многое успѣло измѣниться. Современное общество далеко не то, какимъ было прежде, лѣтъ 10—12 тому назадъ. Единодушныя ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, заботы о развитіи народнаго просвѣщенія и стойкая охрана своихъ полномочій, ярко и убѣдительно свидѣтельствуютъ о совершившемся оздоровленіи прежней избирательной среды. Печальныя явленія, знаменовавшія иногда порядокъ избранія мировыхъ судей, врядъ ли будутъ возможными теперь. Повысился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умственный уровень избирателей-крестьянъ, благодаря стараніямъ мѣстныхъ земствъ, и потому врядъ ли съ прежнимъ успѣхомъ можно будетъ устраивать послушныя и соблазнимыя избирательныя группы—безгласныя орудія въ рукахъ властвующаго меньшинства, при условіи, конечно, 1) допущенія гласныхъ-крестьянъ, *выбираемыхъ*, какъ прежде, а не *назначаемыхъ*, какъ теперь, и 2) возвращенія земству правъ, дарованныхъ Земскимъ Положеніемъ первой редакціи и такъ круто урѣзанныхъ закономъ 1890 года. Наконецъ, всѣ уже слои мѣстнаго населенія выучились многому новому, пройдя сквозь суровое „горнило опыта“, открытое дѣятельностью судебно-административныхъ органовъ съ 1889 года.

Затѣмъ, еслибъ подобныя утвержденія показались слишкомъ оптимистичными, возможно выборную систему назначенія мѣстныхъ участковыхъ судей организовать на иныхъ началахъ, не пріурочивая ее къ вѣдомству земскихъ собраній, въ которыхъ малочисленность избирательной группы даетъ возможность легко орудовать ею немногимъ поборникамъ партійнаго интереса и не представляетъ собою общей воли всего населенія, подсуднаго избираемому.

Мировой судья могъ бы избираться на спеціально созываемомъ для того всесословномъ съѣздѣ и, притомъ, избирателями даннаго

мирового участка, а не всего *уѣзда*, какъ было прежде. Этимъ порядкомъ устранится всякая возможность образованія въ средѣ немногочисленнаго земскаго собранія главенствующей партіи, благополучно прошмыгивающей изъ трехлѣтія въ трехлѣтіе и заправляющей всѣми дѣлами уѣзда. Избираемый такимъ порядкомъ судья не можетъ знать, кому изъ своихъ избирателей онъ будетъ обязанъ своимъ мѣстомъ; для сохраненія его ему не будетъ предстоять ни малѣйшей надобности мирволить властвующей партіи въ ущербъ остальному населенію; онъ будетъ чувствовать свою независимость, служить дѣлу, а не лицамъ, и какимъ-либо злоупотребленіямъ выборнымъ правомъ уже не найдется мѣста.

Равнымъ образомъ можетъ быть обойдено и другое неудобство выборнаго назначенія—трудность найти въ мѣстной средѣ кандидатовъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

На первое трехлѣтіе участковые судьи будутъ, положимъ, назначены отъ правительства изъ лицъ, обладающихъ этимъ образовательнымъ цензомъ. Ко второму трехлѣтію они станутъ уже мѣстными обывателями, знакомыми съ мѣстными условіями своего участка и, обладая высшимъ юридическимъ образованіемъ, совмѣстятъ въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ должности. На второе трехлѣтіе они должны подвергнуться избранію вышеуказаннымъ порядкомъ; прослужившіе по выбору два трехлѣтія могутъ быть избраны на 6 лѣтъ, чѣмъ устранится опасенія въ недостаткѣ желающихъ занять должность съ краткими избирательными сроками. На случай невозможности избрать потребное число судей долженъ быть всегда на-лицо резервный фондъ, комплектуемый двумя путями: 1) указаніями избирательному собранію за три мѣсяца до выборовъ министерскихъ кандидатовъ по постоянно ведомымъ спискамъ и 2) представленіемъ каждому мѣстному обывателю права держать въ испытательной комиссіи государственный экзаменъ на должность участковаго судьи по сокращенной программѣ университетскаго курса.

При вышеизложенныхъ условіяхъ трудность комплектованія мирового института избирательнымъ порядкомъ и юристами значительно утрачиваетъ свое прежнее значеніе, и наличная дѣйствительность такъ или иначе — путемъ ли избранія въ земскихъ собраніяхъ, путемъ ли спеціальнаго всесословнаго выбора—очень убѣдительно высказывается за предпочтеніе избирательной системы назначенію отъ короны.

П. Обнинскій.

Замѣчанія С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей.

Сохраненіе выборнаго начала въ порядкѣ назначенія мировыхъ судей.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли допустить участіе общественнаго элемента въ назначеніи судей, или же выборъ судей долженъ зависѣть исключительно отъ высшей государственной власти, подвергался обсужденію при разработкѣ судебной реформы, и составители Судебныхъ Уставовъ крайне удачно рѣшили его въ примѣненіи къ русской жизни. Въ этомъ отношеніи они ясно указали тѣ рамки, въ которыхъ общество можетъ имѣть рѣшающій голосъ въ дѣлѣ отправленія правосудія, а именно—въ выборѣ судей для судовъ низшей инстанціи и въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей при разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судахъ, и такая постановка вопроса на практикѣ вполнѣ подтвердила правильность его рѣшенія Судебными Уставами, какъ намъ показалъ 30-лѣтній опытъ. Не желая повторять общеизвѣстныхъ доводовъ въ защиту выборнаго начала, С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ считаетъ необходимымъ указать на то, что начало это, составляющее развитіе исторически сложившагося чисто русскаго характера судоустройства, со времени составленія Судебныхъ Уставовъ 1864 года не было предметомъ обсужденія высшихъ законодательныхъ учрежденій, и отрицательныя стороны этого начала, присущія всякому порядку, не получили надлежащей оцѣнки и сопоставленія со всѣми его положительными сторонами.

Законъ 1889 года, уничтожившій выборный мировой судъ, имѣлъ точкой своего отправленія не избираемость мировыхъ судей, а желаніе упорядочить крестьянское управленіе. Признано было необходимымъ во главѣ крестьянскаго управленія поставить помѣст-

ныхъ дворянъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ, по первоначальному проекту совершенно независимо отъ мирового института, который предполагалось сохранить. Затѣмъ, только тогда, когда проектъ этотъ встрѣтилъ затрудненія съ финансовой стороны, признано было возможнымъ на земскаго начальника возложить, кромѣ административныхъ обязанностей, и функціи судьи. Реформа 1889 года введена въ тѣхъ именно губерніяхъ, гдѣ существовали выборные мировые судьи, и только поэтому районъ дѣятельности ихъ съузился. Нельзя здѣсь не обратить вниманія на то, что одновременно съ уничтоженіемъ мирового суда въ земскихъ губерніяхъ состоялось введеніе мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ. Такое обстоятельство еще не можетъ считаться признаніемъ негодности выборнаго начала въ дѣлѣ назначенія судей. Если-бъ къ 1889 году въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ предположено было ввести земскихъ начальниковъ, существовали судьи по назначенію, то несомнѣнно, что и они были бы упразднены, но это ничего еще не говорило бы противъ системы назначенія судей по опредѣленію отъ правительства. И, дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ реформа 1889 года не коснулась, хотя бы и въ районѣ дѣйствія выборнаго мирового суда, послѣдній существуетъ и никакихъ неудобствъ не вызываетъ (Петербургъ, Москва, другіе университетскіе города, часть Вологодской губерніи, область Войска Донского).

Этимъ можно было бы, пожалуй, и ограничиться, въ увѣренности, что разъ только будетъ вопросъ о сохраненіи выборнаго начала поставленъ на обсужденіе, то преимущества этой системы устранятъ всѣ приводившіяся до сихъ поръ возраженія.

Однако, въ настоящее время восьмилѣтній перерывъ въ примѣненіи выборнаго начала въ большей части имперіи не могъ не оставить слѣда; людямъ свойственно свыкаться съ совершившимся фактомъ и искать въ немъ свои хорошія стороны, а при этомъ тѣ неопровергнутыя основанія, которыя въ свое время вызвали къ жизни бездѣйствующее уже начало, мало-по-малу забываются. Вотъ почему С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ не можетъ теперь ограничить свою задачу однимъ только пожеланіемъ, чтобы выборное начало было поставлено на обсужденіе, но считаетъ необходимымъ со своей стороны привести и нѣкоторые изъ доводовъ въ пользу этого начала, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать и на тѣ поправки, которыя, по мнѣнію съѣзда, могли бы съ пользою для дѣла быть внесены при предстоящей реформѣ мѣстнаго суда въ институтъ выборныхъ мировыхъ судей.

Великая заслуга судебныхъ уставовъ 1864 года состояла въ томъ, что они поставили авторитетъ суда въ глазахъ населенія на подобающую ему высоту.

Суды общіе, съ коллегіальнымъ своимъ устройствомъ, съ независимостью и несмѣняемостью судей, назначаемыхъ Высочайшею властью, съ участіемъ общественнаго элемента въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей при разрѣшеніи болѣе важныхъ дѣлъ,—даютъ несомнѣнно всѣ гарантіи для успѣшнаго отправленія правосудія и не могутъ не внушать къ себѣ полнаго довѣрія со стороны населенія.

Подборъ личнаго состава общихъ судебныхъ мѣстъ изъ числа юристовъ по образованію и со служебнымъ судебнымъ опытомъ вполнѣ обезпечивается установленнымъ порядкомъ избранія кандидатовъ общимъ собраніемъ судебнаго мѣста.

Дѣятельность мирового судьи по необходимости поставлена въ менѣе благопріятныя условія для его судейскаго авторитета.

Въ коллегіальныхъ судахъ резолюція объявляется отъ имени суда, какъ понятія отвлеченнаго, независимо отъ личностей членовъ, составляющихъ этотъ судъ; резолюція мирового судьи, уже въ силу только того, что онъ рѣшаетъ дѣло одинъ, является неразрывно связанной съ его личностью. Вотъ почему безусловно необходимо, чтобы не только должность мирового судьи была поставлена въ условія, гарантирующія авторитетность этого званія, но, чтобы, главнымъ образомъ, авторитетъ этого суда получалъ свою силу и значеніе въ полномъ довѣріи и уваженіи населенія къ личности самого судьи.

Полное довѣріе мѣстныхъ жителей, имѣющихъ, главнымъ образомъ, дѣло съ мировымъ судомъ, и послужило поэтому главной точкой отправленія при составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года. „Это довѣріе", говорятъ составители уставовъ, „не можетъ быть достигнуто, если составъ суда будетъ предоставленъ исключительному усмотрѣнію административныхъ властей, безъ участія самого общества".

„Назначеніе отъ правительства, говорится далѣе, есть въ существѣ не что иное, какъ назначеніе однимъ лицомъ, коему правительство довѣряетъ этотъ выборъ, но чѣмъ шире кругъ дѣйствій этого лица, чѣмъ большее число лицъ предоставлено его выбору, тѣмъ для него труднѣе дѣлается выборъ и тѣмъ менѣе оно имѣетъ возможности назначать людей съ чувствомъ полной увѣренности въ хорошемъ выборѣ".

Эта невозможность для одного лица дѣлать назначеніе судей

на всю Имперію не можетъ быть, по мнѣнію составителей судебныхъ уставовъ 1864 года, „устранена и перенесеніемъ права назначенія судей къ низшимъ правительственнымъ агентамъ“, такъ какъ „чѣмъ ниже передавать право назначать судей, тѣмъ болѣе роняется ихъ значеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшается и довѣріе къ нимъ мѣстнаго населенія“.

На этихъ основаніяхъ реформа 1864 года установила, что для назначенія мировыхъ судей единственно раціональною должна быть система выбора ихъ всѣми сословіями.

Выборный мировой судья въ разрѣшеніи дѣлъ является такимъ же представителемъ народной совѣсти, какъ и учрежденіе присяжныхъ засѣдателей, вѣдѣнію которыхъ отнесены наиважнѣйшія уголовныя дѣла. Въ томъ и другомъ случаѣ судъ получаетъ свой авторитетъ изъ сознанія, что въ разрѣшеніи дѣла принимаетъ участіе чрезъ посредство своихъ представителей само мѣстное общество.

Тѣмъ не менѣе выборный мировой судья, утверждаемый въ должности сенатомъ, является такою же правительственною властью, какъ и всѣ другіе судьи, независимо отъ системы ихъ назначенія; онъ рѣшаетъ дѣла именемъ „Его Императорскаго Величества“, состоитъ на государственной службѣ и подчиненъ надзору правительственныхъ учрежденій.

Двадцать четыре года выборный мировой судъ существовалъ въ большей части Имперіи, существуетъ еще и теперь тамъ, гдѣ онъ, въ силу указанныхъ выше обстоятельствъ, не былъ вынужденъ уступить мѣсто реформѣ крестьянскаго управленія 1889 года и нельзя не признать, что онъ въ достаточной степени оправдалъ возлагавшіяся на него въ 1864 году надежды.

Несмотря на постоянно высказываемый недостатокъ въ образованныхъ людяхъ, всюду, за весьма рѣдкими исключеніями, мѣстное общество всегда находило людей, которымъ безбоязненно вручало высокой важности дѣло отправленія правосудія.

Останавливаясь на исторіи С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, мы не можемъ не указать на то отношеніе мѣстнаго общества къ своему выборному суду, которое сказалось въ цѣломъ рядѣ постановленій городской думы, увеличившихъ предположенный въ первый годъ введенія мирового суда расходъ на этотъ институтъ съ 168,400 рублей до 326,233 рублей въ 1896 году; при этомъ личное вознагражденіе мировыхъ судей, въ зависимости отъ продолжительности времени службы, ихъ доведено въ настоящее время съ періодическими прибавками до 4200 рублей въ годъ, съ соотвѣтствующею пенсіею за 15 и 25 лѣтъ.

Общественныя управленія, какъ это хорошо извѣстно, однако, далеко не во всѣхъ отрасляхъ своего хозяйства склонны увеличивать свои ассигнованія, особенно же по тѣмъ учрежденіямъ, которыя не находятся въ прямомъ ихъ завѣдываніи. Насколько довѣріе общества и сочувствіе его къ выборному мировому суду можетъ сказаться въ соотвѣтственныхъ заботахъ общественныхъ учрежденій въ обезпеченіи матеріальной стороны дѣла, мы видимъ цѣлый рядъ подтвержденій примѣрами и изъ жизни провинціи. Если въ этомъ отношеніи уѣздныя земства и оставались позади большихъ городовъ, то нельзя при этомъ не принять въ разсчетъ всѣмъ извѣстнаго безденежья уѣздныхъ земствъ, но, тѣмъ не менѣе, и въ земствахъ расходы на мировой судъ, на канцеляріи мировыхъ съѣздовъ, на судебныхъ приставовъ и т. п., повсемѣстно были повышаемы, а не понижаемы. Довѣріе общества къ выборному мировому суду не расходилось, повидимому, и съ преобладавшими о немъ мнѣніями ревизующихъ этотъ судъ учрежденій. Въ министерствѣ юстиціи имѣется, конечно, солидный матеріалъ, представляемый производившимися неоднократно, какъ общими, такъ и частными ревизіями мировыхъ судебныхъ учрежденій.

Насколько извѣстно, общія ревизіи С.-Петербургскаго столичнаго мироваго округа, въ окончательномъ выводѣ своемъ всегда давали результаты вполнѣ удовлетворительные и не было примѣра, чтобы послѣдствіемъ такой ревизіи явилось возбужденіе дисциплинарнаго производства хотя бы противъ одного изъ судей.

Мы не касаемся этого вопроса въ отношеніи остальныхъ мировыхъ округовъ выборнаго мироваго суда, такъ какъ намъ эти данныя неизвѣстны, но считаемъ умѣстнымъ сказать, что въ годъ закрытія выборнаго мирового суда въ земскихъ губерніяхъ, дѣятельность его получила компетентную оцѣнку со стороны министерства юстиціи, которое, опубликовавъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ оффиціальныя данныя объ этомъ судѣ, приходитъ къ выводу, что дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій была весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности постановляемыхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты судопроизводства.

Однимъ изъ главныхъ возраженій противъ выборности мировыхъ судей приводится обыкновенно стремленіе видѣть въ составѣ мировыхъ судей исключительно людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Мы привели выше взглядъ составителей судебныхъ уставовъ 1864 года на выборный мировой судъ; „особенно важно, говорилось тогда, чтобы мировой судья пользовался *полнымъ до-*

впріемъ мѣстныхъ жителей, для него важно имѣть болѣе практическихъ свѣдѣній и житейской мудрости, чѣмъ юридическихъ познаній и судебной опытности.“

Тѣмъ не менѣе, требованія спеціальнаго характера судейской службы не могли не оказывать вліянія на образовательный цензъ личнаго состава судей. Просматривая списки мировыхъ судей, какъ выборныхъ, такъ и назначавшихся, мы видимъ постоянную тенденцію къ замѣщенію судейскихъ должностей персоналомъ наиболѣе образованнымъ, одинаково, какъ со стороны центральнаго вѣдомства, такъ и со стороны избирательныхъ собраній; мы видимъ также, что въ зависимости, конечно, отъ общаго количества учебныхъ заведеній въ государствѣ, гдѣ населеніе могло-бы получать образованіе, привлеченіе къ судейскимъ должностямъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, ставитъ почти въ одинаковыя условія какъ министерство юстиціи, такъ и мѣстныя избирательныя учрежденія.

Для того, чтобы провести правильную параллель въ этомъ отношеніи, намъ необходимо возвратиться къ 1889 году, послѣднему въ существованіи выборнаго мироваго суда. По даннымъ министерства юстиціи за этотъ годъ, мы видимъ, что изъ числа назначенныхъ правительствомъ мировыхъ судей число лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ не превышало 60 проц.

Общее же число лицъ съ высшимъ образованіемъ въ составѣ назначенныхъ правительствомъ мировыхъ судей составляло 67 проц., безъ указанія на спеціально юридическое образованіе.

Одновременно съ этимъ мы видимъ, что въ губерніяхъ Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Бессарабской, Полтавской въ составѣ выборныхъ мировыхъ судей число лицъ съ высшимъ образованіемъ составляло 61—76 проц.

Разница въ положеніяхъ заключается только въ томъ, что центральное вѣдомство можетъ повсемѣстно распредѣлять болѣе одинаковый процентъ юристовъ и не юристовъ, а избирательныя собранія, имѣющія дѣло только съ элементомъ мѣстнымъ, получаютъ судей съ юридическимъ образованіемъ въ большей, чѣмъ министерство юстиціи, зависимости отъ близости къ населенію университетскаго центра.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи надлежащихъ данныхъ, могущихъ выяснить степень вліянія установленнаго закономъ 1864 года образовательнаго ценза для выборнаго мирового суда на его дѣятельность повсемѣстно, мы считаемъ полезнымъ привести цифровыя данныя по нашему съѣзду о числѣ отмѣненныхъ

сенатомъ его рѣшеній и приговоровъ. Такъ мы видимъ, что за послѣднее трехлѣтіе въ общей сложности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ С.-Петербургскимъ столичнымъ съѣздомъ, поступило въ сенатъ по кассаціоннымъ жалобамъ 1184, изъ нихъ отмѣнены были рѣшенія съѣзда только по 176 дѣламъ, что составляетъ всего проц. 14,86, отмѣненныхъ рѣшеній.

За то же трехлѣтіе всѣми мировыми судьями разрѣшено было неокончательно, съ правомъ апелляціи, а слѣдовательно, и съ возможностью обращенія къ кассаціонному разсмотрѣнію сената 150,250 дѣлъ.

Такимъ образомъ, изъ общаго числа всѣхъ рѣшеній и приговоровъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового суда отмѣнено сенатомъ только 0,117 проц.

Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи цифровыхъ данныхъ по тому же предмету относительно всѣхъ остальныхъ выборныхъ мировыхъ съѣздовъ, но полагаемъ, что значительныхъ уклоненій отъ приведеннаго процента отмѣненныхъ сенатомъ рѣшеній съѣзда не встрѣтится и повсемѣстно.

Это предположеніе наше находитъ себѣ подтвержденіе въ компетентномъ отзывѣ сенатора Н. Г. Принтца, который въ статьѣ своей, помѣщенной въ журналѣ Министерства Юстиціи за 1894 годъ, декабрь, говоритъ слѣдующее: „Достовѣрно, однако, что Правительствующій Сенатъ, по гражданскому кассаціонному департаменту, отмѣняетъ по нарушенію законовъ матеріальнаго права и судопроизводства такой же почти процентъ рѣшенія судебныхъ палатъ, какъ и мировыхъ съѣздовъ“.

Слѣдующее возраженіе противъ выборности мировыхъ судей состоитъ въ томъ, что, періодическія избранія не даютъ, будто-бы, надлежащей устойчивости въ личномъ персоналѣ этого института.

Дѣйствительно, должность мирового судьи по характеру своему именно такая, гдѣ особенно желательно, чтобы лицо, близко знающее все населеніе своего участка, оставалось на своемъ мѣстѣ какъ можно долѣе, а потому и возраженіе въ указанномъ смыслѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Обращаясь къ составу нашего же С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, мы видимъ въ своей средѣ на 1 января 1897 года одного судью, прослужившаго въ одномъ и томъ же участкѣ 27 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, затѣмъ одинъ судья состоитъ въ должности 23 года и 7 мѣсяцевъ, четверо —20 лѣтъ 10 мѣсяцевъ, 12 судей— отъ 10 до 20 лѣтъ, 9 судей — отъ 5 до 10 лѣтъ, трое служатъ второе трехлѣтіе и только пятеро добавочныхъ судей, вновь избран-

ные на послѣднихъ выборахъ, на 5 открывшихся вакансій, служатъ менѣе 3-хъ лѣтъ, причемъ двое изъ нихъ занимали уже должности мировыхъ судей.

Наврядъ-ли данныя эти вполнѣ оправдываютъ предположеніе, будто избираемость судей не даетъ устойчивости въ личномъ ихъ персоналѣ и служитъ помѣхою для сохраненія на должности лицъ, уже пріобрѣвшихъ опытность.

Съ другой стороны несомнѣнно, что, при назначеніи мировыхъ судей правительствомъ, такія должности будутъ замѣщаться: или начинающими свою служебную карьеру юристами, т. е. преимущественно изъ числа кандидатовъ на судебныя должности, или же такими изъ болѣе пожилыхъ дѣятелей судебнаго вѣдомства, которые, занимая должности судебныхъ слѣдователей, или служа по разнаго рода канцеляріямъ, пожелаютъ, или будутъ вынуждены, завершать свою служебную карьеру должностью мирового судьи.

При сохраненіи выборнаго начала почти совершенно устраняется вліяніе карьеризма; выборный мировой судья, уже въ силу характера этой службы, не разсчитываетъ ни на какое дальнѣйшее повышеніе: — полнымъ удовлетвореніемъ для него служитъ новое избраніе на ту же должность.

Право періодичныхъ перебаллатировокъ составляетъ неоцѣнимую принадлежность выборнаго мирового суда. Если въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ такое право мѣстнаго общества и отзывается тяжело на судьбѣ отдѣльныхъ личностей, то во всякомъ случаѣ, весь институтъ, въ цѣломъ, отъ такихъ періодическихъ провѣрокъ со стороны общества не можетъ не выигрывать.

Часто бываетъ трудно, иногда даже совершенно невозможно, чтобы та или другая нежелательная сторона дѣятельности судьи получила надлежащее воздѣйствіе судебнымъ или дисциплинарнымъ порядкомъ. Отсюда, при системѣ назначенія, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ является все большая и большая неустойчивость принципа несмѣняемости судей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ корнѣ подрывается одно изъ главныхъ условій правильности отправленія правосудія—несмѣняемость судьи по административному воздѣйствію. Только система выборовъ совершенно удачно совмѣщаетъ необходимое для судей условіе несмѣняемости съ возможностью, путемъ періодическихъ перебаллатировокъ, удаленія изъ состава судей тѣхъ изъ нихъ, которые не совсѣмъ отвѣчаютъ высокому званію судьи. При этомъ надо замѣтить еще, что устраненіе отъ должности путемъ забаллатированія далеко не такъ тягостно для

личности судьи, какъ удаленіе его по непосредственному усмотрѣнію единоличной власти.

Остается теперь еще затронуть одинъ вопросъ, возбуждаемый иногда противниками выборнаго суда, о томъ: не страдаетъ-ли иногда судейская совѣсть выборнаго судьи въ столкновеніяхъ съ участвующими въ дѣлахъ тѣми изъ мѣстныхъ жителей, которые, такъ или иначе, могутъ повліять на послѣдующіе выборы мировыхъ судей.

Съ точки зрѣнія судей выборныхъ, система назначенія какъ разъ и представляется такою, которая должна въ дѣятельности судьи чаще ставить его въ затруднительное положеніе: назначенный центральнымъ вѣдомствомъ, мировой судья долженъ находиться постоянно въ значительной зависимости отъ всѣхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, а отчасти и недолжностныхъ, которыя могутъ имѣть вліяніе въ высшихъ сферахъ. Трудно допустить, чтобы дѣятельность провинціальнаго судьи протекала подъ постояннымъ наблюденіемъ центральной власти, назначающей его и увольняющей; очевидно, что всегда должны быть посредники, могущіе дать ту или иную аттестацію судьѣ, и очевидно, что вліяніе подобныхъ посредниковъ не можетъ дать надлежащаго спокойствія назначаемому судьѣ при исполненіи имъ своихъ обязанностей.

Практика С.-Петербургскаго столичнаго мироваго округа представляетъ многочисленные примѣры, когда по отношенію къ вліятельнымъ и иногда высокопоставленнымъ лицамъ, когда воздѣйствіе на судей тѣмъ или инымъ путемъ казалось возможнымъ, законъ примѣнялся во всей его полнотѣ и справедливости.

Неоднократныя ревизіи выборныхъ мировыхъ судовъ и въ остальной части Россіи, насколько извѣстно, не давали также матеріала къ тому, чтобы признать, что выборный характеръ мировыхъ судей вліялъ когда-нибудь на судейское ихъ убѣжденіе въ пользу группы избирателей и во вредъ остальному населенію. Насколько извѣстно, и въ 1889 году мировымъ судьямъ не ставили въ вину, чтобы они вѣсы правосудія склоняли на сторону вліятельнаго крупнаго землевладѣнія, являющагося наибольшей силой въ земскихъ собраніяхъ.

Совокупность изложенныхъ соображеній приводитъ С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Что выборная система назначенія мировыхъ судей, не исключая правительственнаго характера ихъ службы, есть наилучшая форма соединенія необходимаго для каждаго судьи условія его несмѣ-

няемости съ возможностью постоянной провѣрки соотвѣтствія личнаго состава судей съ носимымъ ими званіемъ;

что условіе избираемости судей не служитъ препятствіемъ къ заполненію личнаго состава ихъ людьми, получившими юридическое образованіе; что выборная система, не давая мѣста карьеризму, въ достаточной степени обезпечиваетъ необходимую продолжительность службы и соединенную съ нею служебную опытность, чему можетъ также способствовать увеличеніе выборнаго періода;

что система назначенія мировыхъ судей центральнымъ вѣдомствомъ, возможная, пожалуй, въ небольшомъ, сравнительно, государствѣ, гдѣ центральная власть можетъ знать весь личный судейскій персоналъ, у насъ, въ Россіи, при необъятныхъ ея пространствахъ и при незначительномъ развитіи гласности, не допускаетъ примѣненія такого порядка назначенія повсемѣстно и, въ такомъ случаѣ, исключительно пригодною является искони русская система выбора судей мѣстными жителями.

Увеличеніе избирательнаго періода.

Въ мотивахъ Государственной Канцеляріи къ судебнымъ уставамъ 1864 года трехлѣтній срокъ выборной службы опредѣленъ былъ до нѣкоторой степени въ видѣ опыта. Были мнѣнія и въ пользу болѣе продолжительнаго срока, были также мнѣнія и за то, чтобы послѣ нѣсколькихъ избраній судья занималъ эту должность уже безсмѣнно. Опытъ тридцатилѣтняго существованія мирового суда показываетъ, что нѣкоторое увеличеніе срока выборной службы судьи имѣетъ за себя достаточныя основанія. Мы полагаемъ, что всѣ выгодныя стороны выборной системы не пострадали бы, если-бъ признано было возможнымъ назначать срокъ не на три, а на пять лѣтъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ положительно высказывается за то, чтобы періодическія избранія не обусловливались никакимъ срокомъ службы судьи, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что забаллотированіе судьи, хотя бы и прослужившаго значительное количество лѣтъ, само по себѣ явленіе рѣдкое, въ большинствѣ случаевъ не бываетъ совершенно безосновательно; порядокъ такихъ переизбраній не позволяетъ составу выборныхъ мировыхъ судей значительно ослаблять свою энергію, не даетъ возможности вести дѣло только въ тѣхъ границахъ, выходъ изъ которыхъ влечетъ за собою репрессію дисциплинарнаго или уголовнаго характера.

Уменьшеніе имущественнаго ценза.

Предположивъ возможнымъ нѣкоторое удлиненіе сроковъ службы выборнаго мирового судьи, С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ находитъ своевременнымъ допустить нѣкоторое уменьшеніе имущественнаго ценза для выборныхъ мировыхъ судей. Судебные Уставы 1864 года требуютъ отъ кандидатовъ въ мировые судьи имущественный цензъ въ удвоенномъ противъ ценза земскаго гласнаго размѣрѣ. Казалось бы, что въ этомъ отношеніи вполнѣ достаточнымъ было бы требованіе отъ судьи имущественнаго ценза равнаго цензу гласнаго; во всякомъ случаѣ, имущественный цензъ никогда не былъ и не будетъ служить надежной гарантіей въ отношеніи ввѣряемыхъ мировому судьѣ по службѣ денежныхъ суммъ, равно какъ и средствомъ для возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ неправильными служебными дѣйствіями частнымъ лицамъ. Для того же, чтобы обладаніе цензомъ характеризовало, такъ сказать, осѣдлость кандидата въ мировые судьи, цензъ въ размѣрѣ, требуемомъ отъ земскаго гласнаго, является вполнѣ достаточнымъ. Съ уменьшеніемъ имущественнаго ценза для избирательныхъ собраній соотвѣтственно увеличится кругъ выбора подходящихъ кандидатовъ въ мировые судьи.

Увеличеніе образовательнаго ценза.

Многолѣтняя практика выборнаго мирового суда показываетъ, что образовательный цензъ кандидатовъ, особенно же юридическое образованіе ихъ, всегда оказывало и оказываетъ самое существенное вліяніе на оцѣнку избирателями степени пригодности кандидатовъ на должность судьи; при одинаковомъ довѣріи общества къ нравственнымъ качествамъ двухъ кандидатовъ, разумѣется, юристъ по образованію будетъ всегда выбираться первымъ; при тѣхъ же условіяхъ всегда получитъ преимущество лицо съ высшимъ образовательнымъ цензомъ въ сравненіи съ лицомъ, получившимъ среднее образованіе. Если избирательныя собранія вводили въ составъ судей часто лицъ и безъ спеціальнаго юридическаго образованія, то они, большею частію, останавливались на такихъ изъ нихъ, которыя, въ сравнительно короткое время, были способны основательно ознакомиться со спеціальной стороной дѣла, пополнить недочеты своего образованія и исполнять свои нелегкія обязанности съ пользою для населенія.

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ, на основаніи по

добнаго многолѣтняго опыта, не видитъ достаточныхъ причинъ къ тому, чтобы на будущее время кругъ выбора кандидатовъ въ мировые судьи былъ для избирательныхъ собраній съуженъ требованіемъ исключительно юридическаго образованія; если избирательное собраніе будетъ имѣть въ виду желательнаго кандидата изъ числа юристовъ, то оно и само, безъ требованій закона, предпочтетъ его не-юристу.

Съ другой стороны, казалось бы, въ настоящее время, послѣ 33-хъ лѣтъ существованія судебной реформы 1864 года, является уже вполнѣ своевременнымъ предъявить къ кандидатамъ въ мировые судьи требованіе не средняго, а высшаго образованія. Такое повышеніе требованій не можетъ поставить избирательныя собранія въ затруднительное положеніе, такъ какъ, очевидно, что за 33 года жизни государства, число лицъ съ высшимъ образованіемъ повсемѣстно увеличилось и, пожалуй, съ достаточнымъ основаніемъ можно предположить, что это число близко къ тому числу лицъ съ среднимъ образованіемъ, которое 33 года тому назадъ встрѣтила реформа 1864 года.

Сохраненіе организаціи съѣзда мировыхъ судей.

Организацію съѣзда мировыхъ судей желательно было бы сохранить въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь согласно 17 ст. Учрежд. Суд. Уст., потому, что организація эта какъ нельзя болѣе цѣлесообразна и жизненна, она заключаетъ въ себѣ всѣ данныя къ развитію и самоусовершенствованію мирового института. Обязанность мировыхъ судей собираться въ общія и судебныя засѣданія даетъ имъ возможность обсуждать всѣ вопросы, возникающіе на практикѣ, и разрѣшать ихъ по выслушаніи различныхъ мнѣній. Вслѣдствіе такой возможности обмѣна мыслей, практика опытнѣйшихъ судей въ скоромъ времени дѣлается достояніемъ вновь поступившихъ, и устанавливается желательное однообразіе въ разрѣшеніи дѣлъ во всемъ мировомъ судебномъ округѣ. Участіе судей въ качествѣ членовъ второй инстанціи въ разборѣ дѣлъ товарищей, также имѣетъ большое значеніе. Тутъ судьи слышатъ отъ сторонъ указанія на нарушенія, или ошибки ихъ товарищей, по такимъ дѣламъ, которыя и у нихъ часто бываютъ въ производствѣ, обсуждаютъ эти нарушенія и ошибки въ составѣ съѣзда, причемъ, какъ и во всякой живой рѣчи, попутно затрагивается рядъ и другихъ вопросовъ, обсужденіе и разрѣшеніе коихъ расширяетъ свѣдѣнія судей. Тридцатилѣтняя практика С.-Пе-

тербургскаго столичнаго мирового съѣзда показала, что лица, вступавшія въ мировые судьи часто безъ всякой юридической подготовки, при желаніи и доброй волѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ осваивались съ дѣломъ на столько, что не допускали крупныхъ судебныхъ ошибокъ. Съѣздъ въ настоящей его организаціи — это замѣчательная школа для самообразованія мировыхъ судей и выработки правильной судебной практики. Если, несмотря на это, все-таки встрѣчаются недостатки въ производствѣ дѣлъ мировыхъ судей, то это уже зависитъ отъ другихъ причинъ, а не отъ организаціи съѣзда, которая, какъ было указано выше, заключаетъ въ себѣ всѣ условія къ самоусовершенствованію и росту мирового института. Существующая тѣсная связь первыхъ инстанцій со второй, имѣетъ еще и то преимущество, что даетъ полную возможность мировому съѣзду направлять судебныя силы округа туда, гдѣ въ данный моментъ онѣ наиболѣе необходимы: при увеличеніи дѣлъ во 2-й инстанціи—увеличивать число засѣданій; при обремененіи дѣлами котораго-нибудь изъ участковъ—направлять туда необходимую помощь. Составляя корпорацію, для которой интересы и первыхъ инстанцій, и второй одинаково близки, мировые судьи, въ силу такого положенія являются наилучшими исполнителями распоряженій съѣзда, какой бы инстанціи ни касались эти распоряженія.

Располагая наличными силами всѣхъ судей, мировой съѣздъ имѣетъ полную возможность составлять судебныя засѣданія 2-ой инстанціи наивыгоднѣйшимъ для пользы дѣла образомъ, предоставляя разрѣшеніе извѣстной категоріи дѣлъ тому или другому составу судей, наиболѣе свѣдущихъ въ этихъ дѣлахъ.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманіе и на экономическую сторону вопроса. При настоящей организаціи съѣзда мировыхъ судей, на содержаніе 2-ой инстанціи расходуется сравнительно незначительная сумма, такъ какъ личный ея составъ не получаетъ особаго содержанія.

Предположеніе, что при существующей организаціи съѣзда мировые судьи, въ качествѣ 2-й инстанціи, не могутъ относиться совершенно безпристрастно къ ошибкамъ и промахамъ своихъ товарищей, совершенно неосновательно, во-первыхъ, потому, что большинство ошибокъ и судебныхъ промаховъ при разрѣшеніи дѣлъ не влечетъ за собою никакой отвѣтственности судьи, разрѣшившаго дѣло, а только исправляется 2-й инстанціей,—вслѣдствіе чего нѣтъ разумнаго основанія цѣлому составу судебнаго засѣданія съѣзда брать на себя нравственную отвѣтственность за неправосудіе, только

для того, чтобы сдѣлать пріятное судьѣ, разрѣшившему дѣло; во-вторыхъ, съ теченіемъ времени, сами мировые судьи привыкаютъ болѣе или менѣе хладнокровно относиться къ отмѣнѣ постановленныхъ ими рѣшеній и факту отмѣны придаютъ мало значенія, тѣмъ болѣе, что иногда соображенія 2-ой инстанціи, на основаніи которыхъ рѣшеніе судьи отмѣняется, признаются сенатомъ совершенно неправильными. Въ случаѣ допущенія въ 1-ой инстанціи серьезныхъ неправильностей или злоупотребленій, влекущихъ за собою отвѣтственность, мировые судьи, въ качествѣ 2-ой инстанціи, также безсильны покрыть товарищей, потому что и интересы частныхъ лицъ, и прокурорскій надзоръ, и публичность засѣданій, всегда воспрепятствуютъ такому лицепріятію.

Предсѣдательство въ съѣздѣ въ силу 17 ст. Учр. Суд. Уст. тоже должно быть предоставлено лицу, избранному изъ среды судей, потому что только избранный такимъ образомъ предсѣдатель можетъ быть истиннымъ представителемъ съѣзда: только ему, какъ участнику во всѣхъ дѣлахъ мирового округа въ 1-ой и 2-ой инстанціяхъ и общихъ собраніяхъ, вполнѣ извѣстны всѣ достоинства и недостатки, особенности и потребности даннаго мирового судебнаго округа. Будучи избранникомъ большинства, такой предсѣдатель всегда съумѣетъ найти себѣ поддержку во всѣхъ своихъ полезныхъ начинаніяхъ, въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, вносимыхъ имъ на разсмотрѣніе мироваго съѣзда; своимъ вліяніемъ, опирающимся на большинство съѣзда, онъ имѣетъ полную возможность способствовать устраненію всякаго антагонизма и вражды, которые нерѣдко возникаютъ между сослуживцами и мѣшаютъ правильному теченію дѣлъ. Однимъ словомъ, вліяніе его, какъ человѣка, знающаго условія, въ которыхъ находятся судьи даннаго мирового округа, и избраннаго этими судьями, будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ предсѣдателя назначеннаго, даже въ томъ случаѣ, если бы назначеніе это состоялось изъ среды тѣхъ же судей. Назначенный предсѣдатель легко можетъ встать въ такое положеніе, что не будетъ имѣть на своей сторонѣ ни большинства, ни меньшинства, что неминуемо неблагопріятно отразится на ходѣ дѣлъ мирового съѣзда.

Къ вопросу объ образовательномъ цензѣ и продолжительности службы мировыхъ судей.

(Изъ журн. Мин. Юстиціи 1896 г. № 2).

1889 годъ былъ послѣднимъ годомъ существованія выборнаго мирового суда, а потому мы сочли небезъинтереснымъ, руководствуясь спискомъ Министерства Юстиціи за этотъ годъ, подсчитать итоги продолжительности службы мировыхъ судей, какъ по назначенію отъ правительства, такъ и по выборамъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Тѣмъ же спискомъ мы воспользовались и для составленія данныхъ объ образовательномъ цензѣ мировыхъ судей обѣихъ категорій.

Общее число всѣхъ мировыхъ судей *по назначенію* въ 1889 году составляло—812 человѣкъ.

По времени назначенія на должность мироваго судьи, они распредѣляются такъ:

1865 года — 1.	1874 года — 12.	1883 года — 35.
1866 „ — 5.	1875 „ — 23.	1884 „ — 40.
1867 „ — 7.	1876 „ — 79.	1885 „ — 41.
1868 „ — 12.	1877 „ — 14.	1886 „ — 60.
1869 „ — 13.	1878 „ — 38.	1887 „ — 77.
1870 „ — 14.	1879 „ — 47.	1888 „ — 67.
1871 „ — 5.	1880 „ — 39.	1889 „ — 1.
1872 „ — 93.	1881 „ — 39.	
1873 „ — 17.	1882 „ — 33.	

Итого 812 человѣкъ.

Средняя продолжительность службы составитъ: 9 лѣтъ 2 мѣсяца 19 дней.

Общее число *выборныхъ* мировыхъ судей въ томъ-же году было—1507. Нѣтъ свѣдѣній относительно двухъ лицъ (по Екатерино-

славской губерніи) о времени первоначальнаго избранія. Остальные 1505 человѣкъ по времени первоначальнаго избранія распредѣляются такъ:

1866 года — 41.	1874 года — 37.	1882 года — 87.
1867 „ — 22.	1875 „ — 60.	1883 „ — 91.
1868 „ — 12.	1876 „ — 41.	1884 „ — 140.
1869 „ — 112.	1877 „ — 30.	1885 „ — 65.
1870 „ — 21.	1878 „ — 56.	1886 „ — 110.
1871 „ — 37.	1879 „ — 41.	1887 „ — 194.
1872 „ — 42.	1880 „ — 58.	1888 „ — 90.
1873 „ — 33.	1881 „ — 85.	1889 „ — 2.

Итого 1505 человѣкъ.

Средняя продолжительность службы: 8 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 10 дней.

Этотъ срокъ показываетъ, что въ среднемъ выводѣ каждый судья къ 1889 году выдержалъ три избранія его мѣстнымъ обществомъ; онъ характеризуетъ не только сравнительный служебный опытъ судейскаго персонала, но указываетъ также и на значительную устойчивость избирательныхъ собраній въ отношеніи личнаго подбора судей.

Въ отношеніи образовательнаго ценза 812 мировыхъ судей *по назначенію* распредѣляются.

Губерніи:	съ высш. образ.	(%)	средн.	низш.	неизв.
Бессарабская . . .	8	(100)	—	—	1
Плоцкая	11	(91)	1	—	—
Радомская	10	(90)	1	—	—
Астраханская . . .	23	(88)	2	1	3
Петроковская . . .	15	(88)	2	—	1
Калишская	9	(88)	2	—	—
Варшавская . . .	35	(87)	5	—	—
Люблинская . . .	11	(85)	2	—	—
Кіевская	53	(84)	9	1	1
Подольская	47	(82)	9	1	—
Ставропольская . . .	8	(80)	1	1	—
Ломжинская . . .	8	(77)	3	—	—
Кутаисская	30	(77)	9	—	3
Елисаветпольская . .	18	(75)	6	—	5
Тифлисская	30	(75)	9	1	1
Эриванская	21	(75)	6	1	—
Волынская	38	(73)	10	4	—
Кѣлецкая	7	(70)	2	1	—
Могилевская	24	(69)	7	4	—

Губерніи:	съ высш. образ.	(%)	средн.	низш.	неизв.
Виленская	19	(68)	6	3	—
Бакинская	23	(66)	7	3	1
Сувалкская	8	(66)	3	1	—
Оренбургская . . .	22	(65)	9	3	1
Сѣдлецкая	8	(61)	4	1	—
Кубанская область .	10	(59)	5	2	1
Минская губ. . . .	20	(55)	13	3	1
Витебская	19	(54)	14	2	1
Терская область .	5	(50)	3	2	—
Гродненская губ. . .	16	(50)	13	3	1
Ковенская	16	(47)	13	5	—
Итого . . .	572		176	43	21

Такимъ образомъ, изъ числа 791 мировыхъ судей по назначенію (объ образовательномъ цензѣ которыхъ имѣются свѣдѣнія) имѣли:

высшее образованіе 72 %.
среднее — — 22,6%.
низшее — — 5,4%.

Списокъ министерства юстиціи не даетъ возможности выдѣлить изъ числа лицъ съ высшимъ образованіемъ тѣхъ, которыя имѣютъ спеціально-юридическое образованіе, такъ какъ въ графѣ объ окончаніи курса не показаны факультеты университетовъ.

По другимъ даннымъ, хотя и не относительно всего количества судей, а только по Царству Польскому, 9 западнымъ и Астраханской губерніямъ мы видимъ, что за 1889 годъ изъ 591 судей было: спеціально-юристовъ—371, или 62,7%, съ высшимъ не-юридическимъ образованіемъ—50, или 8,5%, съ среднихъ—120, или 20,3% и съ низшимъ—50, т. е. 8,5%.

Образовательный цензъ мировыхъ судей *по избранію* представляется въ слѣдующей таблицѣ, расположенной также по губерніямъ, соотвѣтственно процентному отношенію лицъ съ высшимъ образованіемъ:

Губерніи:	высш.	(%)	средн.	низш.	неизв.
Таврическая	23	(76,6)	4	3	4
Бессарабская	30	(69,8)	18	—	2
Черниговская . . .	35	(68,6)	10	6	5
Олонецкая	4	(66,6)	1	1	7
Херсонская	34	(64,1)	18	1	7
Казанская	21	(63,6)	10	2	2
Полтавская . . .	35	(63,6)	18	2	4

Губерніи:	высш.	(°/o)	средн.	низш.	неизв.
Екатеринославская .	24	(61,5)	13	2	3
Область в. Донского.	22	(61,1)	11	3	3
Воронежская губ. .	22	(57,9)	10	6	7
Харьковская	25	(56,8)	16	3	5
Тульская	20	(52,6)	18	—	4
Московская	32	(52,5)	23	4	6
Петербургская . . .	32	(52,4)	27	2	1
Рязанская	20	(50)	18	2	4
Саратовская	23	(50)	21	2	3
Курская	22	(49)	19	4	5
Ярославская . . .	12	(48,6)	14	—	3
Нижегородская . . .	17	(48,3)	14	4	2
Симбирская . .	14	(46,4)	15	1	2
Самарская	18	(46)	18	3	2
Уфимская	10	(45,4)	11	1	7
Смоленская . . .	19	(43,2)	24	1	2
Тамбовская . . .	22	(42,3)	26	4	4
Пензенская	12	(41,3)	17	—	1
Тверская	16	(40)	24	—	4
Пермская	21	(40)	25	7	7
Орловская	16	(37,2)	24	3	8
Псковская	10	(34,5)	19	—	—
Владимірская . .	15	(33,3)	29	1	2
Костромская	11	(31,4)	20	4	—
Калужская	10	(29,4)	23	1	5
Вятская	13	(28,2)	25	8	3
Вологодская	6	(26)	13	4	5
Новгородская . . .	7	(20,6)	25	2	2
Итого . .	673		616	87	131

Въ процентномъ отношеніи образовательный цензъ 1376 выборныхъ мировыхъ судей распредѣляется такъ:

съ высшимъ образованіемъ	—	49%
съ среднимъ „	—	45%
съ низшимъ „	—	6%

Необходимо замѣтить при этомъ, что изъ общаго числа 131 мировыхъ судей, объ образовательномъ цензѣ которыхъ нѣтъ свѣдѣній въ спискѣ министерства, большинство относится къ избраннымъ въ 1887 и 1888 годахъ; очевидно, что Министерство не успѣло, ко времени составленія списка, собрать полныхъ данныхъ. Между тѣмъ, именно эти года въ общемъ даютъ наиболѣе значительный процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, а потому очевидно, что, при большей полнотѣ свѣдѣній, процентъ лицъ съ

высшимъ образованіемъ, въ составѣ выборныхъ мировыхъ судей за 1889 годъ, долженъ быть нѣсколько больше 49.

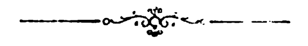
Просматривая таблицу губерній съ распредѣленіемъ образовательнаго ценза *выборныхъ* мировыхъ судей, мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи исключительное вліяніе университетскихъ центровъ. Одинаковыя условія обѣихъ столицъ съ ихъ университетами, но зато и съ требованіемъ людей съ высшимъ образованіемъ для центральныхъ учрежденій, даютъ въ таблицѣ и одинаковый процентъ мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ—52,5 для Московской губерніи, 52,4—для Петербургской.

Университеты, отстоящіе далѣе отъ центральныхъ учрежденій, работаютъ больше для мѣстнаго общества: въ Харьковской губерніи процентъ мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ уже 56,8, въ Казанской—63,3, въ Херсонской—64,1 и въ Черниговской (близость Кіевскаго университета)—68,6.

Югъ нашего государства, вообще, въ отношеніи университетовъ богаче сѣвера и востока, почему первое мѣсто въ таблицѣ и занимаетъ весь югъ; процентное отношеніе мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ (61—76,6) стоитъ тамъ даже выше, чѣмъ въ семи губерніяхъ изъ числа тѣхъ, гдѣ мировые судьи назначаются правительствомъ.

Сѣверныя губерніи, бѣдныя путями сообщенія, далекія отъ университетовъ, стоятъ въ концѣ таблицы. Новгородская губернія, занимающая послѣднее мѣсто, рядомъ съ Вологодской, въ дѣйствительности, въ своей восточной части, по отрѣзанности отъ столицъ, ничѣмъ не отличается отъ губ. Вологодской; западная же часть этой губерніи, очевидно по близости къ Петербургу, оставляетъ въ разныхъ канцеляріяхъ большую часть своихъ университетски-образованныхъ жителей. Олонецкая губернія представляетъ какъ бы исключеніе изъ всѣхъ сѣверныхъ губерній по высокому проценту мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ; объясненіе этому слѣдуетъ искать въ томъ, что введеніе мирового института въ этой губерніи относится къ позднѣйшему времени.

Н. Окуневъ.

Дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій.

(Изъ отчета министерства юстиціи. „Прав. Вѣстн." 1889 г. № 186).

Дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ 1886—1887 годахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Дѣлъ уголовныхъ въ 1886 году поступило къ мировымъ судьямъ 976.103, было разсмотрѣно 1.016.702, или 104,2% всего поступленія; осталось къ концу года 211.098, или 21,6% поступленія. Въ 1887 году вступило 1.007.055 дѣлъ, разрѣшено 1.038.642, или 1031,%, осталось къ концу года 179.511 дѣлъ, или 17,8% общаго числа вступившихъ. Касательно производства уголовныхъ дѣлъ, между прочимъ, достойно вниманія значительное увеличеніе за послѣдніе годы процента лицъ, осуждаемыхъ мировыми судьями, сравнительно съ числомъ лицъ, оправдываемыхъ ими. Такъ, въ 1886 году изъ общаго числа 1.488.379 подсудимыхъ было осуждено 767.926 человѣкъ, или 51,6%, и оправдано 720.453 человѣка, или 48,4%, а въ 1887 году изъ 1.509.403 подсудимыхъ было осуждено 785.871 человѣкъ, или 52,1%, и оправдано 723.532 человѣка, или 47,9%, тогда какъ за предшествующіе годы относительное число оправданій было гораздо значительнѣе и доходило даже, сравнительно съ общимъ числомъ подсудимыхъ, до 60,4% въ 1883 году.

Что касается дѣлъ гражданскихъ, то таковыхъ въ 1886 году къ мировымъ судьямъ поступило 1.021.061, разсмотрѣно 1.034.534 дѣла, или 101,6% вступленія; осталось къ концу года неразрѣшенными 114,275 дѣлъ, или 11,2% всего вступленія. Въ 1887 году вступило дѣлъ 1.047.548, разсмотрѣно 1.067.481, или 101,9%, осталось неразрѣшенными 94.342, или 9% всего вступленія.

Въ итогѣ, при числѣ вступившихъ въ 1886 году дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ 1.997.119 и въ 1887 году 2.054.603 дѣлъ,

разсмотрѣно въ 1886 году 2.051.236 и въ 1887 году 2.106.123 дѣла, или 102,7% и 102,5% вступленія; осталось неразрѣшенными въ 1886 году 325,373, или 16,2% всего вступленія, и въ 1887 году 273.856 дѣлъ, или 13,3% всего вступленія. Среднимъ числомъ каждое изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ мировыми судьями, оставалось въ производствѣ около полутора мѣсяца.

Изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній, постановленныхъ мировыми судьями, было обжаловано во вторую инстанцію въ 1886 году 207.621, или 10,1%, въ 1887 году 211.875, или 10%; изъ нихъ отмѣнено въ 1886 году 52.733 рѣшенія, или 25,4%, а въ 1887 году 56.385 рѣшеній, или 26,6%; иначе, опредѣленіями съѣздовъ отмѣнено въ 1886 году 2,1%, а въ 1887 году — 2,7% всѣхъ, постановленныхъ мировыми судьями, рѣшеній.

Движеніе дѣлопроизводства *въ мировыхъ съѣздахъ* выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1886 году вступило дѣлъ 226.167, рѣшено 231.941, или 102, 6%; въ 1887 году вступило 234.400 дѣлъ, рѣшено 238.653, или 101, 4%. Изъ общаго числа рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, по жалобамъ и кассаціоннымъ протестамъ, разсмотрѣно кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената въ 1886 году 15.217 дѣлъ; изъ нихъ отмѣнено 4.197 рѣшеній, или 27%, и въ 1887 году, разсмотрѣно 10.960 дѣлъ; изъ нихъ отмѣнено 3.584 рѣшенія, или 32, 5%; такимъ образомъ, изъ общаго числа жалобъ и протестовъ, поданныхъ въ кассаціонные департаменты Сената, были признаны уважительными едва лишь одна четвертая часть, причемъ, изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, Сенатомъ было отмѣнено въ 1886 году всего лишь 1,8% и въ 1887 году—не болѣе 1,5%.

Изъ всего сказаннаго становится очевиднымъ, что дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ разсматриваемый періодъ можетъ быть признана весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты судопроизводства, что выясняется въ особенности по сравненію съ дѣятельностью сихъ установленій въ предъидущіе годы. Такъ, общее число дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями въ 1886 и 1887 гг., сравнительно съ числомъ дѣлъ вступившихъ, составило 102,5%, тогда какъ и въ предъидущіе годы отношеніе между тѣми же величинами не превышало 93, 4% въ 1885 году, 97% въ 1884 году, 94,1% въ 1883 году и 92% въ 1882 году. Равнымъ образомъ, замѣтное улучшеніе относительно быстроты производства, послѣдовало и въ дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Такъ, отношеніе числа дѣлъ рѣшенныхъ

къ вступившимъ въ теченіе предшествующихъ годовъ представляло въ 1885 году 99,8%, въ 1884 году 97, 8%, въ 1883 году 89, 8%, тогда какъ за 1886 и 1887 годы, вмѣстѣ взятые, оно превышало 102%.

Замѣчаемое улучшеніе въ дѣятельности мирового института за 1886 и. 1887 гг. повидимому является, въ извѣстной степени, результатомъ мѣръ, принятыхъ Правительствующимъ Сенатомъ, въ видахъ устраненія нѣкоторыхъ установившихся въ практикѣ мировыхъ судовъ порядковъ, замедлявшихъ движеніе подсудныхъ означеннымъ установленіямъ дѣлъ. Признавая, что безотлагательное, по возможности, разрѣшеніе обращаемыхъ въ мировые суды просьбъ, жалобъ и сообщеній составляетъ такое условіе дѣятельности мирового института, отсутствіе коего равносильно во многихъ случаяхъ по своимъ послѣдствіямъ отказу въ правосудіи, Сенатъ, въ указѣ отъ 6-го іюня 1886 г., нашелъ нужнымъ, между прочимъ, разъяснить, что мировые судьи обязаны безотлучно пребывать въ предѣлахъ участковъ и неуклонно исполнять требованія закона о разбирательствѣ дѣлъ во всѣ присутственные дни. Затѣмъ, въ видахъ устраненія медленности и въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ съѣздовъ, Сенатъ указалъ, что въ каждомъ срочномъ засѣданіи съѣздъ обязанъ разсмотрѣть всѣ дѣла, поступившія до открытія сессіи и что, поэтому, продолжительность срочныхъ засѣданій съѣздовъ должна опредѣляться не заранѣе условленнымъ числомъ дней сессіи, а исключительно окончаніемъ разсмотрѣнія всѣхъ, имѣющихся въ съѣздѣ, дѣлъ. Изъясненный указъ Сената, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, значительно содѣйствовалъ ускоренію производства дѣлъ, подсудныхъ мировой юстиціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

